XI
У.143.А
9
947.

АРХИВ ИСТОРИИ ТРУДА В РОССИИ

ВЫПУСКАЕМЫЙ

Ученой комиссией по исследованию истории труда в России

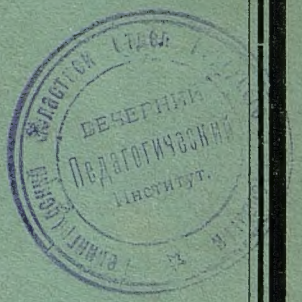
под редакцией

ЮЛИЯ ГЕССЕНА

8132

Кн. 9.

Пров. 50.
Вечерний Педагогический Институт.



Содержание:

1. *В. Святловский.* Первые конференции и с'езды профессиональных союзов (1905—1907 г.г.).
2. *М. Солодникова.* Рабочий в свете статистики (сводные данные о росте промышл. пролетариата за годы войны и революции преимущественно в Петрограде).
3. *Елена Коц.* К выяснению причин крестьянских волнений в Николаевскую эпоху.
4. *Макс Гордон.* Рабочие на Обуховском сталелитейном заводе („Большевик").
5. *Ф. Семенов-Булкин.* Экономическое положение рабочих металлистов до 1905 года.
6. *И. Цызырев.* Преддверие аграрной революции 1905 г. (опыт характеристики крестьянского движения 1902 г.).
7. *Катин-Ярцев.* Историческая справка о положении рабочих на Охтенском пороховом заводе.
8. *Макс Гордон.* Из жизни рабочих и служащих на городских железных дорогах Петрограда. (Очерк второй).
9. *М. Островская.* Ученики на петербургской полотняной фабрике.
10. *К. Пажитнов.* Рабочие волнения в царствование Александра I. (Окончание).
11. *Э. Голлербах.* Несколько слов о художественном труде.

ПЕТРОГРАД—1923.
Издание Культурно-просветительного Отдела Петрогр. Губернского Совета Профессиональных Союзов.

Рукописи адресовать:

Юлию Исидоровичу Гессену, Петроград, Басков пер., 35, кв 7.

Телефон I-59-16.

Личный прием: по четвергам от 12 ч. до 6 ч.

XI
9.143.A

АРХИВ
ИСТОРИИ ТРУДА В РОССИИ

ВЫПУСКАЕМЫЙ

Ученой Комиссией по исследованию истории труда в России
под редакцией **Юлия Гессена.**

№ 1335
0.624

КНИГА ДЕВЯТАЯ.

ПЕТРОГРАД — 1923.
Издание Культурно-просветительного Отдела Петрогр. Губернского Совета Профессиональных Союзов.

Петрооблит. № 6854. Тираж 3000.

Типография Культ.-Просв. Отдела Петрогубпрофсовета. Красная ул., 24-а.

Первые конференции и с'езды профессиональных союзов (1905—1907 г.г.).

Об'единение профессиональных союзов в отдельных городах устройством "центральных бюро" естественно приводило к мысли о дальнейшем расширении об'единения. Общие экономические условия, далеко выходя за пределы отдельного города и отдельной местной профессиональной группы, требовали при экономической борьбе и организационного расширения, что, кстати сказать, вполне к этому времени уразумели русские капиталисты, учреждая свои союзы и "с'езды", охватывавшие районы страны или все государство.

Дальнейшее об'единение рабочих союзов происходило в двух направлениях — в тред-юнионистском или, вернее, "*крафт*-юнионистском", когда об'единялись местные союзы одной и той же *профессии* в один общий областной или всероссийский союз, и в *территориальном*, когда *разные* союзы об'единялись в отдельных районах или областях.

То и другое об'единение, начавшееся с весны 1906 года, фактически происходило на конференциях или с'ездах, где впервые сталкивались представители разных районов России и выяснились не только организационные, но и принципиальные вопросы. Эти конференции и с'езды вырабатывали общие директивы тактики и политики и принципы той программной сущности русского профессионального движения, которыми оно руководилось.

На окраинах, где рабочее движение находилось в руках политической партии определенных национальностей, с того же времени начались первые национально-партийные с'езды профессиональных союзов.

Ведя в свое время тщательную регистрацию всем с'ездам по данным периодической печати и по другим сообщениям, стекавшимся в Центральное бюро, я составил следующий приводимый ниже список первых с'ездов и конференций за три года легального существования рабочих союзов. Возможно, что какая-либо из менее значительных конференций этого трехлетия 1905—1907 г.г. случайно ускользнула от моего внимания, но думаю, что такой пропуск редок и в общем вряд ли повлияет на характеристику общей картины, вырастающую из этого перечня.

Согласно сказанному разделяю все с'езды на две группы. Первая—об'единения союзов одной и той же профессии или тред-юнионистские.

ОБ'ЕДИНЕНИЯ ТРЕД - ЮНИОНИСТСКОГО ТИПА.

Областные:

1. Рабочих *печатного дела* Поволжского района, 1907 г.
2. *Кожевенников* Северо-Западного края в 1907 году.
3. Закавказская конференция *печатников* в ноябре 1907 г.
4. *Текстильных* рабочих Центрального района. Первая конференция в феврале, вторая—в июне 1907 года.
5. *Металло-рабочих* московского района с участием представителей от четырех союзов других местностей; первая конференция в Москве в феврале 1907 года, вторая—там же в сентябре 1907 года.
6. *Торговых служащих* московского района в 1907 году.
7. *Портных* московского района в 1907 г.
8. Беспартийных союзов *приказчиков* Литвы 1907 год.
9. Беспартийных союзов *ткачей* Царства Польского 1907 год.
10. Рабочих по приготовлению *одежды* Поволжья и Урала, август 1907 год.
11. *Сахаро-рабочих* Царства Польского 1907 год.
12. *Приказчиков* Подольской губерни 1907 год.
13. *Приказчиков* в Екатеринославе 1907 год.
14. *Приказчиков* Крыма 1907 год.
15. *Портных* Сибири 1907 год.
16. *Приказчиков* Сибири сентябрь 1907 г.
17. *Щетинщиков* Западного края 1907 год.

Всероссийские:

18. *Портных* в Москве, август 1907 г.
19. *Архитектурно - строительных* рабочих в Москве январь 1907 г.
20. *Металлорабочих*, 1907 г.
21. Рабочих *чайных* развесочных в Москве, 1907 г.
22. *Приказчиков* (союзов и обществ взаимопомощи лиц служебного труда) в Москве 1906 (третий), там же в 1907 г. (четвертый).
23. *Печатного* дела в апреле 1907 г. в Териоках (при нем же особое совещание представителей десяти союзов Северо-Западного края).
24. *Техников* в апреле 1907 года в С.-Петербурге.

Итак, в областном масштабе об'единились одиннадцать, в государственном—только семь профессий, а, между тем, союзы той эпохи были многочисленны и еще дробились по массе центров.

Еще менее значительно было количество случаев территориальных об'единений различных союзов, что составит мою вторую группу.

ОБ'ЕДИНЕНИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ.

Областные:

1. Союзы центрального *промышленного* района в Москве 1906 г.
2. Союзы *Донецкого* бассейна в декабре 1907 г.

3. Союзы *Крыма* в Симферополе в январе 1907 г.
4. Союзы *Поволжья* в 1907 г.
5. Союзы центрального Бюро Крыма в мае 1907 г.
6. Союзы центрального бюро *Закавказья* в 1907 г.
7. Союзы *Подолии*, в 1907 г.
8. *Закавказских* центральных бюро, сентябрь 1907 года.

Указанные в 3 и 5, 6 и 8 пунктах—по сути конференции одной и той же местности, а потому областных об'единений можно считать только шести районов.

Всероссийские:

их было только три: в Москве осенью 1905 г., в Петербурге 1906 г. и *подготовительное совещание*, как подготовка к "с'езду" в Петербурге в 1907 году.

Из них выделяется по своей серьезности и общегосударственному значению—*второе* 1906 года.

Сведения о национально-партийных конференциях доходили до русских организаций и печати очень редко. Мне известно только три конференции, но их было больше. Мною записаны конференции: Социал-демократических союзов Польши и Литвы, "Гарбер-Бунда", организованная "Бундом", и кожевенников, тоже организованная "Бундом". Сведений о польских, грузинских, белорусских и др. с'ездах союзов других окраин я не собрал.

Из приведенного перечня видно, что главная масса с'ездов пришлась на 1907 г., выпала на долю профессий приказчиков, портных, печатников и металлорабочих. Если вспомнить трудность условий созыва и устройства в России подобного рода, безусловно *преследуемых*, с'ездов (по закону каралась даже организация местных центральных бюро), то энергию и размеры деятельности этого рода нельзя не признать выдающимися. То же соображение подсказывается и числом участников с'ездов и их полномочиями. Приказчики (единственный, впрочем, разрешенный правительством с'езд) собирали 111 делегатов от 41 организаций, печатники—72 делегата от 57 союзов, что представляло в общем собою 29 слишком тысяч рабочих, сахарорабочие 76 делегатов от 36 организаций (3080 раб.), металлорабочие 29 делегатов от 18 союзов (27.500 раб.), текстильные рабочие—29 делегатов от 13 союзов (10.000 раб.), кожевенники—Сев.-Зап. района—26 делегатов от 17 союзов (4.600 раб.), портные—9 делегатов от 6 городов (4.100 раб.). Все это значительно, солидно и удачно. Не хуже дело обстоит в другой категории с'ездов — в территориальных. Донецкие союзы посылают 28 человек на свою территориальную конференцию, на второй Всероссийской конференции участвует 19 человек, что по тому времени и условиях было очень значительно.

Наиболее важными по ходу движения являются конференции тред-юнионистского типа, почему будет полезно привести более подробно картину деятельности некоторых из них.

1. Одна из первых была: "Первая конференция портных", происходившая в августе 1906 года в Москве; она очень интересна и содержательна. На конференцию приехало девять представителей от шести городов: от Петербурга — двое, из Москвы — четверо, из Саратова и Одессы по одному и один

представитель из Крыма, представлявший союзы несколько городов, гор. Токмак, Мелитополь и Геническ. Всего представлено было около 4 тысяч организованных портных. Из седьмого пункта—Вильны было прислано письменное сообщение, что союз присоединяется к решениям конференции. Кроме того, делегированных с мест на конференции участвовало шесть человек с совещательным голосом из числа известных профессиональных и партийных работников.

Конференция продолжалась шесть дней. В порядок дня вошли следующие вопросы: 1) Доклады об условиях жизни и труда на местах. 2) О правилах 4 марта. 3) О распространении надзора фабричной инспекции по мастерским и о детском и женском труде. 4) О вспомогательных учреждениях при союзах, как-то: бюро найма, примирительные камеры, третейские суды. 5) Потребительные и производительные общества и артели. 6) О хозяйчиках или штучниках—посредниках. 7) Об общем печатном органе. 8) О внутренней организации союзов. 9) О безработных и дорожном капитале. 10) О поштучной плате и о замене ее повременной. 11) О коллективных договорах и о коллективных тарифах. 13) Об организации областных комитетов и правильных сношениях между союзами. 14) О введении одинаковых уставов и взносов.

Выяснившиеся руководящие принципы и резолюции этой конференции оказались очень ясными и определенными. Конференция решительно стоит на точке зрения классовой борьбы и опирается на то понимание, которое установил по тем же вопросам опыт немецких социал-демократических союзов. В деталях они повторяют то же, что говорилось на второй Общероссийской конференции и на всех остальных с'ездах союзов, бывших в пределах России.

Свои итоги вышеупомянутая портновская конференция вскоре опубликовала в специальном номере своего журнала, что сильно способствовало дальнейшему успеху этого органа.

2. Более широко поставила и менее стройно провела свой с'езд другая профессия—*архитектурно-строительные* рабочие, менее организованные. Их с'езд состоялся в январе 1907 года [1]). На совещании участвовали представители Петербурга, Москвы, Харькова, Вильны и Лодзи. Союзы польские и трех городов: Саратова, Екатеринослава и Нижнего Новгорода прислали письменные сообщения и заявления о присоединении к постановлениям Совещания. Порядок дня этой конференции сводился к ряду пунктов:

Доклады с мест.

Очередные задачи союзов строительных рабочих: а) рабочий день, б) заработная плата и формы ее, в) формы найма, г) безопасность работы, д) санитарно-гигиенические условия наших промыслов, е) положение учеников.

---

[1]) Его описание и текст резолюции см. в редкой книжке А. Андриевича: «Постановления первого Совещания (конференции) архитектурно-строительных рабочих с примечаниями А. Андриевича». Москва 1907 год. Книгоизд. «Рабочий на постройке». (ц. 3 к. 30 стр.). Здесь же помещен и опросный листок, рассылавшийся по союзам строительного дела. Предварительно конференции организационным бюро были выпущены два циркулярных воззвания, помеченных 14 и 25 сентября 1906 года.

Средства союзного движения: а) профессиональная борьба (стачки, бойкот и проч.), б) агитация, в) органы печати, г) взаимопомощь и кооперация, д) союзы и государство, е) союзы и местное самоуправление.

Задачи союзов на местах строительного отхода: биржи труда для строительных рабочих.

Организационная деятельность союзов: а) внутреннее устройство местного союза, б) участие в местных об'единениях союзов, в) организация по областям, г) всероссийское об'единение союзов строительного дела. Празднование 1 мая.

Конференция прошла в общем вяло. Был вынесен ряд решений. Более важными постановлениями этой конференции были резолюции, касавшиеся вопроса условий труда и профессиональной борьбы.

3. В начале февраля 1907 года собралась третья по счету конференция — *первая областная конференция профессиональных союзов рабочих по обработке волокнистых веществ московского промышленного района.* Конференция большая и удачная. Собралось тридцать представителей из 17 пунктов района (от 11 союзов и 6 отделений) [2]), выражавших собою мнения около 12 тыс. организованных рабочих. Был принят следующий порядок дня:

1. Доклады с мест: а) о положении труда, б) деятельность профессионального союза, в) положение промышленности, г) союзы фабрикантов. 2. Ближайшие формы борьбы рабочих в районе. 3. Платформа экономической борьбы рабочих. 4. Борьба с безработицей. 5. Задачи и деятельность профессиональных союзов и взаимоотношения между политическими партиями и профессиональными союзами. 6. Первое мая. 7. Кооперация и взаимопомощь. 8. Типы и строение профессиональных союзов. 9. Организация областного союза и областного бюро и его задачи. 10. Выборы. 11. Областной орган. 12. Областная конференция всех профессиональных союзов в Московском районе 13. Всероссийская конференция профессиональных союзов.

Особенностью этой конференции составляли продолжительные и весьма обстоятельные доклады с мест, ярко обрисовавшие условия быта и труда, развитие профессиональной борьбы и деятельности союза [3]). Видно было, что союзная деятельность на местах представляла собою—живое и боевое дело. Доклады заняли шесть интересных заседаний [4]).

Из прочитанных докладов можно также вывести заключение о числе членов и состоянии касс союзов, представленных на конференции. За отсутствием сводки я составил следующую общую табличку:

---

[2]) Союзы по обработке волокнистых веществ: 1) Московский с отделениями в Орехове-Зуеве, Обиралове, Воскресенске, Павловском Посаде и Кохме, 2) Иваново-Вознесенский, 3) Тверской, 4) Кинешемский, 5) Тейковский, 6) Родниковский; союз аппретурно-красильный—Московский, союз ткацко-вязальный—Московский, союз ситцепечатников—Иваново-Вознесенский, союз текстильного производ.—Лодзинский, Бундовский.

[3]) Они вкратце сведены в редком издании «Первая областная конференция профессиональных союзов рабочих по обработке волокнистых веществ Московского промышленного района». Москва (Типогр. «Сокол»), 1907 год. 96 стр.

[4]) Там же, стр. 17—79.

С О Ю З Ы.	Число членов.	В кассе ко дню с'езда. Рублей.
1. Московский союз по обработке волокнистых веществ, около	1.700	650
2. Московский союз отделения, около	1.300	400
3. Московский союз красильно-аппретурный	600	525
4. Московский союз ткацко-вязальный	450	312
5. Костромской союз по обработке волокнистых веществ	1 827	1.116
6. Иваново-Вознесенский союз ситцепечатников.	790	713
7. Иваново-Вознесенский союз ткачей	410	243
8. Серединский союз ткачей	600	—
9. Тверской союз ткачей	150	20
10. Тейковский союз ткачей	511	150
11. Рудниковский союз ткачей	268	—
12. Воскресенский союз ткачей	—	100
13. Павлово-Посадский союз ткачей	185	50
14. Лодзинский бундовский профессиональный союз	2.066	40 [5]
15. Савинский союз ткачей	70	—
16. [6] Шуйское общество ткачей	1.080	245
17. [6] Московский союз ленточников	1.190	620
18. [6] Кохменский союз ткачей	426	278
19. [6] Петербургский союз рабочих по обработке волокнистых веществ около	2.000	1.067
В С Е Г О	15.623 [7]	6.429

Таким образом на одного рабочего в кассе имелось около тридцати с небольшим копеек, что соответствовало с одной стороны — крайней юности союза, с другой—низкому уровню заработка рабочих этой, наиболее эксплоатируемой, профессии.

Следующая конференция, четвертая по счету.

4. На этой первой Всероссийской конференции печатников в 1907 году в Териоках было людно. Участвовало 72 делегата от 57 союзов из 43 пунктов, при чем они представляли собою 29.197 членов союза. От некоторых далеких пунктов, напр., Ялты участников не допустили, за неправильностью мандатов. Конференция длилась неделю, детально обсудила все вопросы тактики и политики своей профессии и составила сводку состояния профессионального движения в этой отрасли промышленности ко времени созыва с'езда.

5. Круг интересов профессиональных союзов приказчиков был затронут на "третьем с'езде" представителей обществ вспоможения частному труду [8]). С'езд

[5]) При расходе в 5674 р. и приходе в 5633 р.

[6]) Союзы, опоздавшие на конференцию или приславшие только письменные отчеты.

[7]) Наш подсчет расходится с преуменьшенным и несоответствующим докладам подсчетом редакции журнала «Вестника рабочих волокнистых производств» (№ 2 от 28 февр. 1907 года, стр. 7).

[8]) С этого с'езда к обществам взаимопомощи присоединились профессиональные союзы приказчиков, расширившие задачи этих обществ взаимопомощи и повлиявшие на принятие ими нового курса.

происходил в июне 1906 года в Москве, куда прибыло 99 депутатов и 11 членов с правом совещательного голоса. Представители приехали из следующих двадцати трех промышленных центров: Астрахани, Владимира, Вологды, Воронежа, Екатеринослава, Иваново-Вознесенска, Киева, Казани, Курска, Липецка, Самары, Сызрани, Саратова, Нижнего-Новгорода, Новочеркасска, Тулы, Твери, Таганрога, Тамбова, Пскова, Харькова, Уфы и Уральска. Большинство участников с'езда разделяло политические взгляды социал-демократии, что обнаружилось на предварительных совещаниях накануне с'езда и при обсуждении вопроса об общей политической резолюции. Внесены были четыре резолюции: кадетская, социал.-дем.—меньшевистская, соц.-дем.—большевистская и эс.-эр.-овская. В виду такого разнообразия состава с'езда, об'единиться вокруг общей политической платформы не удалось. С.-д. меньшевики внесли предложение не принимать общей политической платформы, а признать с'езд не партийным—профессиональным: предложение это было принято с'ездом.

Официально разрешенная программа (единственный случай) с'езда сводилась к следующему: 1. Об обеспечении лиц, занимающихся частным служебным трудом, на случай болезни, потери места, инвалидности, старости и смерти, путем страхования или личными средствами. 2. О регулировании взаимных отношений между хозяевами и служащими. 3. О мерах к облегчению возникновения новых обществ и союзов, преследующих цели взаимопомощи. 4. О мерах к обследованию быта служащих. 5. О праздничном отдыхе и нормировке рабочего времени служащих. 6. Об учреждении печатного органа, посвященного интересам и нуждам частного служебного труда. 7. Об учреждении органа для исполнения постановлений с'езда.

Для осуществления постановления с'езда, редактирования его протоколов и созыва следующего с'езда был избран постоянный исполнительный орган с'езда, в состав которого вошли 7 московских и 8 провинциальных делегатов.

Из только что приведенного чисто внешнего описания первых профессиональных конференций ясно видно, что национальное об'единение профессиональных союзов представляло собою, в конце концов, венец организационной работы отдельной профессии. Это об'единение подготовлялось постепенно. Первоначально в отдельной местности возникал чисто организационный вопрос, как именно об'единяться,—по производствам (по предприятиям) или по профессиям. Но выяснении этого вопроса и организации союза, его руководители вступали в территориальное общение с другими союзами данной местности. За центральным бюро следовало об'единение, выходившее за пределы города или промышленного центра. Создавалась областная или районная организация, охватывавшая всю профессию данного округа или района. Вскоре рабочие сознавали связь своих интересов с интересами рабочих других, особенно конкурирующих между собою местностей. Взаимная поддержка, предостережение при бойкотах и стачках и проч.—заставляли постепенно расширять круг своих отношений, пока, наконец, не происходило национальное об'единение. Конечного пункта достигли на своей конференции рабочие печатного дела, создав фактическое всероссийское об'единение, хотя и с сильно выраженным федеративным началом.

Относительно областных об'единений союзов разных профессий, надо заметить, что они ставили на свое разрешение главным образом организационные вопросы, а иногда, как, например, Донецкая конференция, собирались организовать ту или другую пролетарскую группу. Иногда областные территориальные конференции носили типичный трэд-юнионистский характер, как то видно, например, из конференции, происходившей весною 1907 года в Крыму и охватывавшей союзы губерний Таврической и частью Екатеринославской. Порядок дня был следующий: 1. Разграничение профессий; нормальный устав профессиональных союзов; организация медицинской и юридической помощи; организация центрального бюро и областного центра; взаимоотношение союзов и отделений. 2. Безработица и биржа труда. 3. Статистика. 4. Общественные работы. 5. Новый закон о рабочем дне и воскресном отдыхе. 6. Вопрос о 1 мая. 7. Выборы в Думу. 8. Областной орган.

Общие потребности профессионального движения в разных местностях России и в различных профессиях привели к всероссийским совещаниям профессиональных союзов. История этих совещаний такова:

В 1904 году в Харькове впервые зародилась идея созыва всероссийского с'езда всех представителей профессиональных обществ. Инициатор дела, "Харьковское общество занимающихся ремесленным трудом", дважды, раз в конце 1904 года, другой—в сентябре 1905 года, послало специальных лиц для агитации в пользу такого с'езда. Циркулярное оповещение с приложением примерной программы было разослано во все известные профессиональные организации рабочих. Почти все откликнулись, установилось общение со многими городами, именно: Петербургом, Москвой, Николаевом, Одессой, Киевом, Саратовом, Воронежем, Екатеринославом, Самарой, Нижним-Новгородом, Костромой, Иваново-Вознесенском, Оренбургом и др. Летом 1905 года в подготовительной работе по созыву с'езда приняли деятельное участие петербургские и московские профессиональные организации. Видную роль в этом деле сыграл С.-Петербургский союз рабочих печатного дела. Дело налаживалось и выяснялось.

Затем состоялись две конференции: первая—в конце сентября и начале октября 1905 года, в Москве, вторая—в феврале 1906 года в Петербурге; в 1907 году было устроено и третье, маленькое подготовительное совещание. Все эти конференции должны были подготовить и созвать в ближайшее время "Первый всероссийский с'езд профессиональных союзов". Наступившая политическая реакция отодвинула время созыва первоначально с весны на осень 1907 года, а нахлынувшая затем контр-революция совсем отсрочила его созыв до более благоприятного в политическом смысле времени. Он состоялся только после февральской революции уже в новой обстановке.

В первой конференции 1905 года приняли участие делегаты от пяти пунктов—Петербурга, Москвы, Харькова, Нижнего-Новгорода и Екатеринослава. Они представляли собою 34 рабочих союза и 2 профессионально-политические организации. Конференция учредила специальное бюро для подготовительной работы к с'езду и выработала правила и программу последнего. (См. № 1 *Бюллетеней Музея Содействия Труду*, Москва. 1905 г.). Было постановлено, не откладывая, созвать общий рабочий с'езд.

Вторая конференция происходила в конце февраля 1906 г., в Петрограде, в квартире пишущего эти строки (Конногвард. б., д. 15). В числе присутствующих были: Д. Рязанов, д-р Мублит, т. Крохмаль, И. М. Могилянский, М. В. Серебряков ("Владимир Николаевич"), Кольцов, Колокольников, Гриневич. Официально на ней присутствовали представители следующих местностей: столиц, Одессы и Николаева, Нижнего-Новгорода, Киева, Харькова, Вильно, Варшавы и Лодзи. Обсуждались почти исключительно теоретические программные вопросы. Решения этой конференции отразили собою как идеалы интеллигентских руководителей профессионального движения, так и подмеченные ими у рабочих практические тенденции. Все дебаты и постановления конференции было решено напечатать для всеобщего сведения [9]).

По вопросу о дальнейшей судьбе с'езда согласно уже выяснившемуся (тут) трэд-юнионизма было постановлено, в отмену идеи первой конференции об общем рабочем с'езде, созвать с'езд строго *профессиональный*. С этой целью на второй конференции была выбрана особая пятичленная *организационная комиссия по созыву с'езда профессиональных рабочих союзов* и пересмотрена программа предстоящей конференции. Она была перестроена в духе трэд-юнионизма, с удалением из нее более общих политических вопросов. На организационную комиссию в начале возлагались большие надежды, и для нее был установлен особый регламент [10]).

Но малочисленный и малоудачный состав ее, независимо от арестов некоторых из ее членов, превратил ее вместо желанного всероссийского центра в бездействующее бюрократическое учреждение. Единственною ее, да и то слабо исполненной, работой был статистический опрос союзов о численности их членов.

Вторая конференция предполагала созвать профессиональный с'езд в конце того же 1906 года, но общие условия были совершенно неблагоприятны для этого и с'езд откладывался с одного срока на другой. Вместе с тем, и само движение, под влиянием контр-революции, начало сокращаться в размерах и интенсивности.

Впрочем, некоторая подготовительная работа для первого всероссийского с'езда профессиональных союзов была сделана тогда же. Согласно проекту устава, выработанному на особом предварительном совещании в апреле 1907 года, на с'езде присутствуют представители профессиональных пролетарских организаций, одни с решающим, другие—с совещательным голосом. Право решающего голоса имеют:

1. Все "представители профессиональных союзов и обществ, стоящих на почве современного рабочего движения" (по особому расчету).

2. Представители местных (отделений) областных и всероссийских союзов (по особому расчету).

[9]) Что и было исполнено с большим запозданием и с достаточною небрежностью в редком теперь издании «Вторая конференция профессиональных союзов». Спб. 1906 г. Доклады и протоколы.

[10]) Согласно этому регламенту организационная комиссия: 1) поддерживает связь со всеми существующими союзами, завязывает их со всеми вновь возникающими, 2) устанавливает сношения с европейскими профессиональными организациями, 3) выполняет все необходимые подготовительные работы к с'езду.

3. Представители союзов, не имеющих отдельного представительства и насчитывающих свыше 50 членов (выбирающие с этой целью по одному представителю от каждого города).

4. Представители центральных учреждений всероссийских союзов (по одному от каждого).

5. Представители центральных учреждений областных союзов, если в этой профессии не существует всероссийского центра (не больше, однако, 3-х), причем всероссийский почтово-телеграфный союз и всероссийский железнодорожный союз пользуются одинаковыми правами представительства, как и все остальные союзы.

6. Организационная комиссия по созыву с'езда (два представителя).

Правом совещательного голоса на с'езде пользуются: а) все остальные члены организационной комиссии; б) представители всех центральных бюро, действующих как постоянные учреждения, по одному от каждого; в) представители от центральных учреждений социалистических партий, участвовавших во 2-й конференции (Рос. Соц.-Дем. Рабочая Партия; Партия Социал.-Революц. Бунд; Польск. Социал. Партия; Польск. Соц.-Дем. Рабочая Партия). Участие же представителей других партий определяется самим с'ездом.

Расчет представительства (для пунктов 1 и 2) был сделан следующий: союзы обеих столиц, насчитывающие от 750 до 2.000 членов—посылают одного представителя: от 2.000 до 4.000—двух представителей; свыше 4.000—трех представителей. Больше трех представителей не имеет права посылать ни один союз,—каково бы ни было число его членов. Союзы остальных городов, насчитывающие:

от 400 до 1.000 членов—посылают одного представ.
„ 1.000 „ 2.000 „ „ двух „
свыше 2.000 „ „ трех „

С'езд, созванный по такому расчету, может дать около 250—300 участников, причем, как предполагало предварительное совещание, одних представителей союзов может быть около 185 [11]).

"Порядок дня" для будущего с'езда выработан следующий: 1. Общий доклад организационной комиссии о современном положении профессионального движения и его задачах. 2. Союзы по производствам и профессиям: размежевание союзов. 3. Всероссийские и областные союзы. 4. Междусоюзные организации: местные и

[11]) Эта цифра выводилась на основании примерного предположения, что функционировало:

60	провинциальных	союзов, имеющих	от 400 до 1000	чл.
18	»	»	» 1000 » 2000	»
15	»	»	свыше 2000	»
9	столичных	»	» 750 » 2000	»
6	»	»	» 2000 » 4000	»
12	»	»	свыше 4000	»

Сверх того—6 всероссийских организаций, 10 областных и 50 городов, имеющих мелкие союзы, которые об'единяются для посылки одного делегата. Согласно этому расчету, всего в союзах должно быть около 183.000 человек.

областные центральные бюро. 5. Свобода союзов и стачек. 6. Безработица и профессион. союзы. 7. Восьми часовой рабочий день. 8. Политическая и партийная нейтральность союзов. 9. Союзы предпринимателей и локауты. 10. Взаимопомощь в союзах. 11. Профессиональные союзы и кооперация. 12. Праздничный отдых. 13. Культурная деятельность союзов (в частности национальные секции для этой цели). 14. Способы соглашения с хозяевами (примирительные камеры, третейские суды, тарифные соглашения). 15. Города и земства в их отношении к рабочему классу, как предприниматели и как органы самоуправления. 16. Празднование первого мая. 17. Учреждение всероссийской центральной комиссии профессиональных союзов и центрального органа. Выборы в них. 18. Выработка устава следующих с'ездов.

Для помощи организационной комиссии к августу 1907 года образовалась еще особая с'ездовая комиссия в составе 5 представителей от 5 областных бюро.

Однако, в виду крайне неблагоприятных политических условий этого с'езда так созвать и не удалось. Он состоялся только спустя десятилетие—срок не малый по тому времени.

В. В. Святловский.

Рабочий в свете статистики.

(Сводные данные о росте промышленного пролетариата за годы войны и революции преимущественно в Петрограде).

Общее число наемных рабочих по всей России. Распределение рабочей силы по губерниям.—Преобладание рабочих в отдельных отраслях по губерниям.—Относительное распределение рабочих по отдельным отраслям промышл.—Промышленность в период с 1902 по 1914 г.г.—Изменение количества предприятий и рабочих по производствам за годы войны и революции в Петрограде.—Соотношение мелкой и крупной промышленности.—Концентрация промышленности.—Механизация и электрофицирование промышленности.—Применение женского и детского труда.—Изменения в возрастно-половом составе фабр.-заводских рабочих с 1900 по 1914 гг.—Возрастно-половой состав рабочих в годы войны и революции (в Петрограде).—Степень участия женщины в различных отраслях промышленности.—Связь фабрично-заводских рабочих с землей.

Общее число наемных рабочих по всей России.

Исходным пунктом для настоящего исследования взяты итоги промышленной переписи 1902 г. Это первый, правда, тоже не совсем безупречный, но все же в значительной степени приближающийся к истине учет нашей промышленности [1]): до этого времени промышленная статистика находилась у нас в хаотическом состоянии. Отдельные подсчеты, напр., численности рабочих, сделанные в конце 19 века (М. И. Туган-Барановским в 1893 г., М. М. Федоровым—1896 г., В. Ильиным, И. Лениным, в 1899 г.) сильно разнятся между собой. Для освещения значения этих итогов, необходимо предварительно вспомнить темп развития нашей обрабатывающей промышленности, начиная со времен эмансипации.

Численный рост предприятий.

Г О Д Ы.	Основано предприятий.	%/%% основн. предприятий.	Колич. рабочих к концу десятил.
[2]) До 1861	2.177	15,1	—
1861—1870	1.285	8,9	[3]) 797.649
1871—1880	2.100	14.5	945.597
1881—1890	2.976	21,0	1.160.771
1891—1900	5.780	40.0	1.637.595
1900—1903	78	0,5	—
Итого . .	14.396	100%	—

[1]) Погожев, Учет численности и состава рабочих в России. стр. 1 и 2.
[2]) Там же, стр. 76.
[3]) Там же, стр. 16.

Цифры о рабочих извлечены из "Трудов высочайше утвержденной 16 ноября 1901 г. комиссии по исследованию благосостояния сельского населения средне-земледельческих губерний сравнительно с другими местностями Европ. России", причем нужно заметить, что и сами члены комиссии признают их весьма не безупречными. Они меньше действительного числа фабрично-заводских рабочих, как можно убедиться из других более полных подсчетов. Что касается количества промышленных заведений, заимствованных из подсчета Погожева, то цифра эта также ниже действительной и, притом, вероятно, значительно ниже. По отчетам фабричной инспекции уже в 1901 г. числится 17.786 предприятий, а по подсчету Погожева в 1903 г. всего 14.396.

Анализируя процентные отношения предприятий, возникших по отдельным десятилетиям, начиная с 1861 г. и до 1900 г., мы видим незначительный прирост их в первое десятилетие. Усиленное развитие промышленности замечается лишь с начала 80 годов, когда было основано 21% всех заведений, имевшихся в России к 1900 г. В 90-е годы промышленность наша достигает полного расцвета: 40% всех предприятий за указанный период основано в это время. Далее позднее она не испытывала такого под'ема. Так, по подсчету Погожева в 1902 г. общее количество всех ремесленных и фабрично-заводских предприятий, включая заведения с одним рабочим, было 30.934 с 1.891.400 рабочих. С горнозаводскими промыслами цифры повышаются до 34.638 заведений с 2.556.100 рабочих. Число лиц, показавших себя наемными рабочими в обрабатывающей и горнозаводской промышленности по переписи 28 января 1897 г.[4]), было 2.598.100 человек (разница с вышеприведенным подсчетом всего на 40.000 чел.), а всего по отдельным отраслям наемного труда 7.042.959 чел., не считая прислуги. По различным отраслям промышленности они располагаются следующим образом:

Земледелие — 2.722.890 чел. Добыча руд и соли — 163.844 чел. Выплавка металлов — 43.759 чел. Обрабатывающая промышленность — 2.390.776 чел. Почта, телеграф, телефон — 5.646 чел. Пути и средства сообщения — 365.013 чел. Торговля вообще — 255.947 чел. Поденщ. и чернорабочих — 1.095.084 чел. Всего — 7.042.959 чел. (мужчин — 5.558.231, женщин — 1.484.728).

По подсчету[5]) В. Ильина в 1899 г. наемных рабочих в России должно быть более 10.000.000, а именно:

1) Сельско-хоз. рабочих около 3½ м. (Евр. Росс.).

2) Фабр.-заводск., горных и железно-дорожн. рабочих около 1½ мил.

3) Строительных рабочих около 1 мил.

4) Рабочих в лесном деле (рубка, первоначальн. обработка его, сплавка и т. п.), занятых земляными работами, сооружением железн. дорог, разгрузкой и нагрузкой и вообще всякого рода "черными работами" в промышл. центрах около 2 мил.

5) Рабочих, занятых капиталистами на дому, а также работающих в подобной фабр.-заводской промышленности, не причисляемых к фабр.-заводским 2 мил.

[4]) Погожев стр. 13.
[5]) Там же, стр. 14

В числе этих 10 миллионов рабочих по его подсчету находится около ¼ женщин и детей, т. е. около 2½ мил. По вычислениям упомянутой выше комиссии 1901 г., в период 1861—1900 г.г., при 44.642.319 работниках (лиц рабочего возраста) по 50 губерниям Евр. России местными промыслами было занято в 1900 г.—10.375.720 чел., в том числе фабрично-заводскими—1.990.305, земледельческ.—3.770.576 чел., проч. кустарными, ремесленными и др.—4.618.839 чел., не считая 3.775.557 чел., занятых отхожими промыслами.

По словам Н. Рожкова [5-а]) вышеприведенные подсчеты не принимают совершенно в расчет лиц, состоящих на иждивении рабочих, тогда как при подсчете крестьянского населения их семьи считаются, а потому рабочих (наемных) с семьями в России по переписи 1897 г. было 22 мил., или 17% всего населения.

1) Итак, число ремесленных, фабрично-заводских и горно-заводских рабочих по переписи 1897 г. было 2.598.379 чел.:

2) тех же по промышленной переписи 1902 г.—2.556.100 чел.

В дальнейшем изложении о фабрично-заводских рабочих будут взяты во внимание только обрабатывающая промышленность (без горно-заводской и проч.) и предприятия, подчиненные надзору фабрично-заводской инспекции (т. е. с числом рабочих свыше 20 или с механическим двигателем). В ограниченной таким образом области нашей промышленности мы даем общую сводку и по ней наблюдаем следующие изменения:

Общее число рабочих за 1901 1914 г.г. [6]).

Г О Д Ы.	Число предприят.	Количество занятых в них рабочих (в тысяч.)	Количество рабочих на одно предприятие в среднем.
1901	17.786	1.710,7	96,2
1903 [7]).	15.652	1.690,5	108,0
1904	14.701	1.663,1	113,1
1906	14.190	1.723,2	121,4
1910	15.721	1.951,95	124,0
1913	17.877	2.319,6	130,0
1914	14.046 [8])	1.960,9	139,0

Анализируя колебание количества заведений и занятых в них рабочих за различные годы, видим, что в первые три года изменение было невелико, с уклоном на понижение. В 1904 г. японская война произвела значительные изменения в составе промышленности. Произошел, как известно, кризис в одних ее отраслях (текстильной) и расширились другие (металлургическая, обработка животных прод. и нек. друг.), но все же в общем количественно наша промышленность за эти годы в целом изменилась мало. Начавшуюся после революции 1905 года депрессию и продолжавшуюся до 1910 г. показывает почти неподвижное состояние довольно низкой

[5-а]) Лекции по русской истории 19 и начала 20 века, читанные в Университете в 1921/22 г.

[6]) Выборка сделана из «Отчетов фабр.-зав. инспекторов» за соотв. годы.

[7]) Год перед войной и революцией.

[8]) Без Царства Польского, занятого тогда немцами.

цифры (сравнительно с 1901 г.) числа предприятий и занятых в них рабочих. Неустанно шла только внутренняя перегруппировка и концентрация сил. Как всегда в капиталистических странах, и у нас гибли мелкие, а большое число рабочих стягивали к себе крупные предприятия. Неуклонный рост среднего числа рабочих (т. е. на одно заведение) говорит и у нас об этом.

С 1910 г., в связи с урожаем, депрессия сменяется под'емом, а именно, на юге растет производство сельско-хозяйственных орудий, в центральном районе — текстильное. В 1912 г. расширяется и металлургия, в силу, конечно, крупных заказов морского и военного ведомств. Расцвет продолжается во всех отраслях до возникновения мировой войны. С ее началом наступает резкое падение количества предприятий и рабочих. Особенно сильно понижается размер промышленности с занятием одного из крупнейших промышленных районов (Царства Польского) немецкими войсками. Зато повышение среднего числа рабочих на одно заведение указывает на то, что в отрезанном районе преобладали мелкие и средние предприятия.

Изменения, происшедшие в обрабатывающей промышленности в годы войны и революции, проследить во всероссийском масштабе, к сожалению, пока невозможно,—имеются данные только для одного Петрограда. Но и по этим данным можно судить о главнейших изменениях и в других районах, т. к. процессы, вызванные общими причинами, происходят аналогично, лишь с небольшими отклонениями, в зависимости от местных условий вообще и, в частности, от того, как долго в этих районах развивались военные действия.

Изменение общего числа предприятий и рабочих в 1914—23 г.г. в Петрограде.

Г О Д Ы.	Число предприят.	Число занятых в них раб.		Число раб. на одно предприят. в среднем.
		Абсолютн. (в тысяч.).	В % к числу раб. 1914 г.	
1914	453	234,2	100	520,5
1917	556	379,2	161,5	682,0
1918	371	293,3	125,2	790,5
1919	264	124,6	53,1	472,0
1920	235	87,95	37,5	374,0
1921	241	90,0	38,4	373,0
1922	449	67,6	28,0	150,5
1923	959	82,4	35,2	86,0

С возникновением военных действий начинает, естественно, стремительным темпом развиваться производства на оборону. К 1917 г. мы видим в Петрограде увеличение числа рабочих на 145 тыс. и общее число их достигает 162% сравнительно с 1914 г. К началу 1918 г. произошло частичное сокращение вследствие уменьшейся демобилизации армии, доведшее число рабочих до 125% довоенного размера. Во 2-й половине 1918 г. производство достигло особенно сильного сокращения, уменьшившись до 124,6 тысяч рабочих или 53% довоенного. В 1919 г. понижение доходит до 37,5%, но в последнюю четверть 20-го и первую четверть 21-го намечается некоторое улучшение. Оно прерывается затем наступившим за тяжелым топливным кризисом. Во 2-ой половине 1921 г. и в начале 1922 г. число рабочих в целом продолжает убывать, но в наиболее важных отраслях

промышленности (металлургической, деревообрабатывающ., текстильной, химической и нек. др.) заметно некоторое все же увеличение рабочих рук.

Начиная с 1918 г. и особенно в последние два года, замечается явление, противоположное тому, что видели раньше: предприятия не растут, а мельчают. С началом т. назыв. НЭПа (новой экономической политики) крупные предприятия обнаружили сильную тенденцию сокращать свой весь малоподготовленный элемент, заполнивший их с уходом настоящих работников на фронт, на общественно-административную работу или в деревню. Предприятия оставляют у себя главным образом квалифицированных рабочих. В то же время всеми способами стремятся поднять производительность их труда (повышение реальной заработной платы и проч.). На ряду с этим возникает довольно большое число новых, но, впрочем, очень мелких предприятий. Так, на 1 марта 1922 г. в металлургической промышленности насчитывается 116 предприятий, т. е. около 71% довоенного времени, в то время, как число рабочих едва достигает 26%. В других отраслях среднее число рабочих на предприятие достигает 37% довоенного времени.

Распределение рабочей силы по губерниям.

В 1902 году на первом месте по количеству занятых рабочих в ее промышленных заведениях находится Московская губерния с 293 тыс. человек, за ней следует Петроградская с 155½ тыс., далее Владимирская с 146½ тыс., Петроковская с 123½ тыс., Пермская—более 111½ тыс., Варшавская—около 65 тыс., Костромская—более 61 тыс., Киевская—более 51 тыс., Екатеринославская—более 43 тыс., Бакинская—31 тыс. слишним и т. д. Таким образом, крупнейшими по размерам пролетариата промышленными губерниями были: 1) Московская, 2) Петроградская, 3) Владимирская, 4) Петроковская и 5) Пермская, где было более 100 тыс. рабочих в губернии. Если проследить исторически, в каких губерниях главным образом развивалась промышленность после 1861 г., мы увидим, что в первые три десятилетия возникают и развиваются предприятия преимущественно в указанных выше губерниях, особенно в центральном районе; с 90-х годов предпринимательская энергия направляется на юг, к источникам угля и железа, и здесь бурно возникают одно за другим новые и новые предприятия. В это время в старых центрах расширение промышленности происходит почти исключительно за счет расширения предприятий уже существовавших.

Преобладание рабочих в отдельных отраслях по различным губерниям.

Обработка волокнистых веществ [illegible] 27 [illegible] преимущественно в губерниях: Владимирской (146,7 тыс.), Московской [illegible] Петроковской (53,7 тыс.), Костромской [illegible] Петроградской [illegible] Тверской (21 тыс.) и т. д.; *обработка металлов* [illegible] в губерниях: Пермской (109,7 т.), Екатеринославской [illegible] Нижегородской (28,1 [illegible]) и т. д. [illegible]

Относительное распределение рабочих по отдельным отраслям промышленности.

Относительно того, насколько были развиты различные отрасли нашей промышленности к началу текущего века, по промышленной переписи 1902 г. видно следующее: *Обработкой волокнистых веществ* занято 37,4% всего числа рабочих (более 671½ тыс. чел.), причем, на первом месте в данной отрасли промышленности находится *обработка хлопка* (24% всех вообще рабочих), которая по мнению Шульце-Геверница имеет "наибольшее влияние на всю народно-хозяйственную жизнь в целом" [illegible]). *Обработкой металлов* занято около 433 тыс. чел. или 24,1% общего числа рабочих в России. Остальные отрасли располагаются в следующем порядке:

обработка пищевых веществ	[illegible]
„ минеральн. „	10
„ дерева	[illegible]
химическое производство	[illegible]
бумагомассное и полиграфическое производство	[illegible]
обработка животн. продуктов	[illegible]

Развитие различных отраслей промышленности во второй половине 19 [illegible] приблизительно в таких же соотношениях, как мы их видели в 1902 г.

Данные о возникновении предприятий по отдельным отраслям производства в [illegible] отношении ко всей промышленности в целом за период 1861—1903 гг. очень наглядно изображают нижеследующие таблицы. Почти в каждое десятилетие особенно много основывалось предприятий в текстильной промышленности, металлургической и пищевой. В 90-е годы и в начале текущего столетия замечается необычайно быстрый рост деревообрабатывающей промышленности. Производство по обработке минеральных продуктов сделало также значительные успехи (в количественном отношении). Очень слабо развивалась промышленность по обработке [illegible] веществ, животных продуктов (кожевенная) и бумажное производство.

Количество вновь возникших предприятий в [illegible]-ном отношении ко всей промышленности в целом (выпущены некоторые второстепенные отрасли)

Р А З Д Е Л Ы.	До 1861 г.	1861—1870	1871—1880	1881—1890	1891—1900	1901—1903	[illegible]
Обработка [illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]
[illegible]	[illegible]	13,7	13,7	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]
Текстильн. веществ	[illegible]	10,[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]
Обработка металлов	11,[illegible]	11,[illegible]	[illegible]	11,[illegible]	11,[illegible]	[illegible]	[illegible]
Обр. дерева	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]
Обр. [illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]
[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]
[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]
[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]

[illegible]

О том, как шел рост числа предприятий по отдельным отраслям промышленности, т. е. когда и сколько возникло предприятий в % отношении к числу предприятий в данной отрасли, дает представление нижеследующая таблица:

ГРУППЫ.	ДО 1861 г.	1861—1870	1871—1880	1881—1890	1891—1900	1901—1903	В т. ч. г.
Обработка хлопка	20,7	11,1	13,6	19,5	34,6	0.5	100%
Всего по обр. волокнист. веществ	17,3	9,4	15,2	21.6	36.0	0,5	—
Обр. металлов	15,0	8.7	16.3	20.9	38.7	0,4	—
Обр. дерева	4,8	4,8	11,4	18,1	59,9	1.0	—
Обр. минер. прод.	11,8	5,9	13,6	15.5	53,0	0,2	—
Обр. питат. веществ.	7,7	5,9	13,0	23,6	49.2	0,6	—
Обр. хим. веществ.	13,4	9,0	13,1	26,7	36,9	0,9	—
Бумажн. произв.	11,6	8.7	17.0	24.0	38,5	0,2	—
Обр. животн. прод.	24,9	9,7	15,0	19.8	29,3	0,4	-

Здесь прежде всего обращает на себя внимание следующее обстоятельство. В 90-х годах произошло стремительное увеличение числа предприятий во всех отраслях промышленности. Больше всего возникло предприятий в деревообрабатывающей (59,9% всех предприятий данной отрасли, основанных до 1903 г.). за ней идет обработка минеральных продуктов (53%), обработка питательных веществ (49,2%), обработка металлов (38,7%), бумажное производство (38.5%), обработка химических веществ (36,9%), обработка волокнистых веществ (36,0%) и т. д.

Если сравнить % предприятий, возникших в 90-е годы, с % за предыдущие десятилетия, видно, что в конце столетия усиленно возникают предприятия в тех именно отраслях, которые до сих пор очень слабо развивались. Но, конечно, не нужно думать, что эти усиленно развивающиеся отрасли (деревообрабатывающая, минеральная и др.) своей мощностью оттеснили на задний план такие, как текстильную, металлообрабатывающую и т. д. Прежде всего нужно заметить, что количество предприятий еще очень мало говорит о величине той или иной отрасли промышленности или промышленности в целом: об этом больше говорят цифры количества рабочих. А кроме того из %% отношений предприятий в отдельных отраслях и во всей промышленности в целом видно, что в течение всего взятого нами периода (1861—1903 г.г.) на первом плане по числу предприятий остаются одни и те же отрасли промышленности.

Промышленность в период 1902—1914 г.г.

Из сопоставления данных по отдельным производствам за 1902, 1910 и 1913 г.г. видно, что все они развивались более или менее равномерно и соотношение сил мало изменилось.

Распределение предприятий [1]) по производствам в [illegible] в 1902—1913 г.г.

ГРУППЫ ПРОИЗВОДСТВ.	В [illegible] к общему числу промышл. предприятий.		
	1902 г.	1910 г.	1913 г.
Обработка хлопка	24,0	26,7	21,[illegible]
Всего по обраб. волокн. веществ	37,4	43,0	39,7
Обработка металлов	24,1	14,4	[illegible]
„ пищев. вещ.	15,0	16,4	[illegible]
„ минер. вещ.	10,0	[illegible]	[illegible]
„ дерева	4,2	5,1	[illegible]
Химич. производство	3,2	3,6	3,[illegible]
Бумагомассное и полиграфическое производство	3,0	4,6	4,[illegible]
Обработка животных прод.	2,[illegible]	2,[illegible]	[illegible]

Распределение предприятий и рабочих (в тыс.) по различным производствам (абсолютное).

		1902 г.	1910 г.	1913 г.
Всего по обраб. волокнистых веществ	завед.	3.671	2.736	[illegible]
	рабоч.	671,8	843,6	[illegible]
Обработка металлов	завед.	2.178	2.[illegible]87	2.42[illegible]
	рабоч.	433,2	280,2	[illegible]
Обраб. пищ. веществ	завед.	7.849	4.414	[illegible]
	рабоч.	276,4	319,9	[illegible]
Обраб. мин. веществ	завед.	4.412	1.554	1.903
	рабоч.	180,7	165,3	215,[illegible]
Обраб. дерева	завед.	1.715	1.931	2.45[illegible]
	рабоч.	74,7	10[illegible]	132
Химич. производство	завед.	931	49[illegible]	[illegible]
	рабоч.	57,2	69,6	90,[illegible]
Бумагомассное и полиграфич. производство	завед.	766	1.312	1.479
	рабоч.	53,5	89	107,7
Обраб. жив. прод.	завед.	3.066	77[illegible]	807
	рабоч.	48,3	[illegible]1,1	[illegible]

Из последних двух таблиц видно, что все время на первом месте стоит обработка волокнистых веществ. Правда, обработка хлопка, стоявшая в 1902 г. на

[1]) Данные за 1902 г. взяты [illegible] стр. 73, а за 1910 г. 1913 г. [illegible] фабр.-зав. инспекторов за соотв. годы.

втором месте после металлообрабатывающей промышленности, делает значительные шаги вперед и закрепляет за собой первое место к 1910 г. Обработка пищевых веществ в 1910 г. занимает второе место (вследствие урожая) после хлопкообрабатывающей промышленности, оттесняя на третье место металлообрабатывающую. Но как только кон'юнктура несколько изменилась в благоприятную для металлургии сторону, она тотчас становится на второе место. С 1912 г. расширение ее, в связи с войной, идет быстрым темпом, вплоть до момента демобилизации (1918 г.), когда она потерпела разрушение такое же сильное и стремительное, как силен и стремителен был ее расцвет. Выросли в период 1902—1913 г.г. производства бумаго-массное и полиграфическое, оставив позади себя химическую промышленность. Зато эта последняя сильно увеличилась во время войны. Заметнее всего развилась за время войны деревообрабатывающая промышленность. Усиленный рост ее начался еще в 90-х г.г., когда было основано 59% всех предприятий, насчитывающихся в данной отрасли к концу 19 века. Обработка металлов с 24.1% всей промышленности в 1902 г. понизилась до 14.4% в 1910 г., снова повысившись к 1913 г. до 16,6%. Хлопчато-бумажное производство, повысившееся с 24% — 1902 г. до 26.7% в 1910 г., за следующее трехлетие понижается до 24,4%.

Данные о величине [11]) предприятий за 1902—1910—1913 г.г.

ГРУППЫ ПРОИЗВОДСТВ.	Среднее число рабочих на заведение.		
	1902 г.	1910 г.	1913 г.
Обработка хлопка.	—	621	679
» металлов	153	134	159
» мин. веществ.	41	106	113
» пищ. и вкус. вещ.. . .	36	73	76
Механич. обраб. дерева.	43	52	54
Произв. бумажн. и полиграфич. . .	69	68	73
Химическ. производство.	611	141	163
Обраб. животн. прод.	16	66	69

В хлопкообрабатывающей, металлургической, химической и минеральной промышленности мы видим самые крупные предприятия, а наиболее мелкие—в производствах: по обработке дерева, бумажном и полиграфическом, животных продуктов и пищевом. Хотя цифры взяты за очень короткий период времени, но сразу бросается в глаза принцип концентрации: по всем производствам предприятия крупнеют, т. е. среднее число рабочих на одно предприятие увеличивается.

[11]) Выборка сделана из «Отчетов фабричных инспекторов» за соотв. годы

Изменение количества предприятий и рабочих по производствам с 1914 года в Петрограде.

Во время войны до начала демобилизации в 1918 г. особенно сильно расширяются производства: металлургическое, достигающее в Петрограде к началу 1917 г. 214% довоенного времени, химическое—183,8%, швейное—611% (благодаря об'единению мелких мастерских и кустарей одиночек в крупные предприятия), кожевенное до 138, по обработке минеральных веществ до 127% и т. д. Некоторые отрасли, как текстильное производство (94,5%), бумажное (92%) и печатное, потерпели даже сокращение, благодаря тому, что только незначительная их часть могла удовлетворять военные нужды и по преимуществу продолжала обслуживать население, покупательная способность которого в значительной мере понизилась.

С 1918 г. в связи с демобилизацией промышленности начинается стремительное сокращение производства по всем направлениям, за исключением швейной промышленности (входит в группу по обработке волокнистых веществ), которая, повысившись к 1921 г. до 1153%, начинает с этого времени итти на убыль. Пищевая—потерпевшая с начала войны кризис, с 1919 г. начинает расширяться, благодаря коммунальному хлебопечению; то же происходит с электрическими станциями Петрограда, в виду их перехода на дровяное топливо. Скольжение вниз приостанавливается к последней четверти 1921 г. и замечается некоторое улучшение в металлургии, обработке дерева, химическом производстве, текстильном и некоторых других, как за счет количества, так и качества рабочих (повышение % мужчин). Наоборот, в промышленности пищевой, полиграфической, бумажной и кожевенной число рабочих понижается, хотя и незначительно.

К началу 1923 г. мы видим значительное увеличение по сравнению с началом 1922 г. в главных отраслях промышленности: так, в текстильной число предприятий увеличилось на 65%, а количество рабочих на 124%; в металлургической увеличилось предприятий всего на 12,6%, число же рабочих на 28%; особенно сильное увеличение числа предприятий произошло в пище-вкусовой промышленности (на 378%), хотя число рабочих увеличилось незначительно (всего на 0,6%). В деревообрабатывающей промышленности число предприятий сократилось на 2,5%, а количество рабочих увеличилось на 11%. В химической промышленности число предприятий увеличилось на 16,5%, а количество занятых в них рабочих на 49%. В полиграфической число предприятий увеличилось на 60%, а количество рабочих всего на 1,2%. В промышленности по обработке животных продуктов (главным образом кожевенной) уменьшение предприятий произошло на 13%, число же рабочих на 14,6%. В общем по всей Петроградской промышленности замечается увеличение как числа предприятий (100,7%), так и число занятых в них рабочих (на 31%) по сравнению с предыдущим годом. Почти во всех отраслях замечается тенденция, хотя и слабая, концентрации, т. е. более быстрое возрастание числа рабочих, чем предприятий,—напр., в текстильной, металлургической, деревообрабатывающей, химической и некоторых других, и только в произ-

водствах пищевом, кожевенном и полиграфическом измельчание предприятий, особенно в первом, как это видно из нижеприводимой таблицы:

Распределение промышленных предприятий и занятых в них рабочих в Петрограде [12].

Группы производств.		Число предприятий и занятых в них рабочих (в тысячах).							
		1914	1917	1918	1919	1920	1921	1922	1923
Всего по обр. волокнист. вещ.	зав.	47	46	43	33	24	29	43	71
	раб.	40,6	38,4	34,2	23,4	9,3	5.1	6,5	14.6
Обраб. метал.	зав.	162	239	131	74	67	77	103	116
	раб.	108,9	233,4	167.1	47,8	34,4	34,4	22,0	28,3
Обраб. минеральн. вещ.	зав.	10	12	5	3	2	3	вошли в хим. производство.	
	раб.	2,2	2,8	1.2	0.5	0,4	0,5		
Обраб. пищ. и вкусовых вещ..	зав.	41	41	26	29	32	34	95	454
	раб.	17,8	15,0	12.4	12,9	11,4	11,9	10.7	11,4
Мех. обраб. дерева.	зав.	34	34	23	10	9	11	44	43
	раб.	4,7	5.1	3.6	1,0	0.9	1.1	1.8	2.0
Производство бум. и полиграф.	зав.	91	90	70	57	35	34	40	64
	раб.	24,9	22,7	22.7	19.1	10.4	8,6	8,4	8,5
Химич. произв.	зав.	33	44	33	22	18	8	72	31
	раб.	23,4	42,9	33,5	3,6	6,5	6.6	8.9	13.3
Обраб. животн. продуктов	зав.	22	26	21	16	20	29	31	27
	раб.	9,7	12,9	9,4	6.0	5,6	6,8	4,4	4.2
Всего.	зав.	440	532	352	244	207	216	428	859
	раб.	232,2	373,2	283,1	119,3	78,9	75,0	62,7	82,3

Соотношение крупной и мелкой промышленности.

В отчетах фабричных инспекторов мы находим данные относительно преобладания у нас крупной промышленности над мелкой и средней и роста крупной за счет мелкой.

Число заведений и рабочих в % % [13].

Группы производств.	1903 г.		1904 г.		1910 г.		1911 г.	
	Завед.	Рабоч.	Завед.	Рабоч.	Завед.	Рабоч.	Завед.	Рабоч.
До 100 рабочих	82,6	22,1	81,7	21,7	80,3	20,2	80,5	20.1
От 101 до 1000 и выше..	17,4	76,9	18.3	78,3	19,7	79,8	19,5	79,9

[12]) Сведения до 1922 г. взяты из «Вестника Труда» № 2, изд. Петроградского совета проф. союзов 1922 г. (а за 1922 и 1923 г.г. из статистического отдела Петр. губ. совета професс. союзов.

[13]) См. Отчеты инспекторов за соотв. годы.

Таким образом крупная промышленность (от 100 рабочих и более), составляя всего 17.4% всех заведений, об'единяет 76.9% всех рабочих в 1903 г., а в 1911 г. число заведений, увеличившись до 19.5%, вмещает в себя почти 80% всех рабочих. Кроме того, по этим данным не трудно заметить неуклонную тенденцию к сокращению мелкой и расширению крупной промышленности (концентрацию).

Концентрация промышленности.

Ленин в своем исследовании о развитии капитализма в России пришел к заключению, что чем крупнее фабрики, тем сильнее возрастает их число.

И действительно, в то время, как в группе фабрик более мелких (от 100—499 раб.) за 24 года увеличение числа их произошло на 39%, в средних (500—999) на 55%, в то же время в группе крупных фабрик на 235%. Концентрация рабочих также сильнее происходит в крупной, чем в мелкой промышленности. Так, если в первой группе производств количество рабочих увеличилось в 1½ раза, во второй на 60%, то в третьей более чем в 3½ раза.

Группа фабрик.	1866 г.		1879 г.		1890 г.	
	Число фабрик.	Рабочих (в тыс.).	Число фабрик.	Рабочих (в тыс.).	Число фабрик.	Рабочих (в тыс.).
От 100 до 499 раб.	512	109,1	641	141,7	712	[illegible]
„ 500 „ 999 „	90	59,9	130	91,9	140	94,[illegible]
„ 1000 и бол. . .	42	62,8	81	15[illegible]	[illegible]	21[illegible]

Еще более характерны данные о силе концентрации рабочих за другие годы.

Группа фабрик.	1879 г.		1890 г.		1894 г.		1902 г.	
	Зав.	Рабоч. (в тыс.).	Зав.	Рабоч. (в тыс.).	Зав.	Рабоч. (в тыс.).	Зав.	Рабоч. (в тыс.).
От 100 до 499 раб. . .	979	219,4	1.131	252,1	1.136	2[illegible]2,7	1.746	[illegible]
„ 500 „ 999 „ . .	164	113,9	182	1[illegible]0,9	215	143,[illegible]	359	[illegible]
„ 1000 раб. и более.	36	163	108	226,2	117	259,5	261	[illegible]
Всего .	1.229	496,4	1.421	599,2	1.468	655,7	[illegible]	1.2[illegible]

Сравнивая среднее число рабочих на одно предприятие в тех же группах производств, которые взяты выше, мы увидим:

Группы предприятий.	1866 г.	1879 г.	1890 г.	1894-95 г.	1902 г.
От 100 до 499 рабоч. . . .	213	224	223	223	221
„ 500 „ 1000 „ . . .	665	694	664	667	683
свыше 1000 „ . .	1.495	1.896	2.095	2.218	2.352
В среднем на одно предприятие	359	404	422	447	507

"Таким образом—говорит Погожев,—чем крупнее фабрика, тем сильнее и быстрее сосредоточивает она все большую часть рабочего люда, в то же время стягивая к себе и наибольшую долю его численности".

Интересные данные о росте числа рабочих в крупнейшей промышленности находим у того же Погожева:

1879 г.	4,4%	всех фабрик	сосредоточ.	66,8%	всех	рабочих.
1890 г.	6,7	„ „	„	71,7	„	„
1894—95 г. . .	10,1	„ „	„	74,0	„	„
1902 г.	9,0	„ „	„	78,5	„	„

Правда, эти цифры по его словам, могут иметь лишь условное значение, по причинам, указанным еще в начале этой работы, т. е. в виду сомнительности и несоизмеримости общих итогов развития промышленности до промышленной переписи 1902 г.

В следующие 13—15 лет, до мировой войны, вернее даже до демобилизации промышленности, концентрация протекает равномерно и неуклонно, ослабевая в годы под'ема и усиливаясь во время депрессии и кризисов промышленности.

ПО ВСЕЙ РОССИИ [14].

Г О Д Ы.	Завед.	Рабоч. (в тысяч.).	Число рабоч. в средн. на 1 завед.
1901	17.786	1.710,7	96,2
1903	15.652	1.690,8	108,0
1906	14.190	1.723,2	121,4
1910	15.721	1.951,9	124,0
1913 [15])	17.877	2.319,6	130,0
1914	14.046	1.960,9	139,0

В годы войны и революции происходит нечто совсем иное: в начале рост предприятий и как будто усиление концентрации; с момента демобилизации (1918 г.) наоборот происходит измельчение предприятий, что продолжается в значительной мере и до настоящего времени.

[14]) По отчетам фабр.-зав. инспекции за соотв. годы.

[15]) Без Польши, занятой в то время немецкими войсками.

ПО ПЕТРОГРАДУ *).

Г О Д Ы.	Завед.	Рабоч. (в тысяч.).	Число рабоч. в средн. на 1 завед.
1914	450	234,2	520,5
1917	556	379,2	502.0
1918	371	233,3	790,6
1919	264	124.6	477,0
1920	235	87,9	374,0
1921	241	90,0	373,5
1922	449	67,6	150,5
1923	859	82,4	96,0

Механизация и электрофицирование промышленных заведений.

Во второй половине 19 в. на ряду с концентрацией растет механизация производства. Так, данные о применении фабриками паровых двигателей весьма показательны:

Группы фабрик.	1879 г.		1890 г.		1894 г.	
	Число фабр. с паров. двигат.	в % отнош. к общ. числу фабр. дан. группы.	Число фабр. с паров. двигат.	в % отнош. к общ. числу фабр. дан. группы.	Число фабр. с паров. двигат.	в % отнош. к общ. числу фабр. дан. группы.
От 100 -499 раб.	532	54,3 %	767	97,8 %	935	82,3 %
„ 500 999 „	144	87,8	182	100	212	98,6
„ 1000 и более.	76	90,7	108	100	117	100

Таким образом, если за 15 лет (с 1879 г. до 1894 г.) на фабриках первой группы механизация с 54,3% возросла до 82,3%, а на фабриках второй группы мы имеем 100% применения паровых двигателей, с начала 90-х годов, правда, понизившееся на 1,4% к 1894 г., то на крупнейших предприятиях применение

*) С 1914 по 1921 г. включ. данные взяты из «Вестника Труда» № 2, 1922 г. Изд. Петрогр. Сов. Профсоюзов; за 1922 и 1923 г.— из Статистич. отдела Петр. губ. совета професс. союзов).

паровых двигателей, достигающее 90 слишним % в 1879 г. уже через 10-летие совершенно механизируется.

Итак, конец 19 века в смысле технических улучшений в промышленности характеризуется почти сплошным переходом к паровым двигателям, особенно крупных и крупнейших предприятий. К концу первого десятилетия текущего века мы наблюдаем электрофицирование промышленности, быть может незначительное еще по своим размерам. В отчетах фабричных инспекторов за 1910 г. читаем: "Вообще растущее применение для движения фабрик электрической энергии центральных станций оказывает в 1910 г. заметное влияние на увеличение числа подчиненных надзору фабричной инспекции заведений, на ряду с распространением двигателей внутреннего сгорания". В Белостоке в 1909 г. с устройством электрической станции многие ручные заведения, главным образом шерстоткацкие, установили у себя моторы, вследствие чего признаны были предприятиями фабрично-заводскими, подлежащими надзору фабрично-заводской инспекции. То же произошло в Донской области.

Концентрация промышленности шла не только по линии увеличения крупных предприятий за счет закрывавшихся мелких и средних, но, кроме того, "крупный капитал спешит собрать свои силы, об'единиться в организации, умножающие его влияние и силу" [17]), происходит централизация, т. е. образование синдикатов, трестов и т. п. об'единений капиталистов.

Особенно интенсивный рост предпринимательских организаций начинается с 1901 г., стремясь рамки своей деятельности раздвинуть не только на всю Россию, но даже до интернациональных размеров.

Об'единение происходило главным образом под влиянием только что пережитого кризиса и неурожая 1897—1900 г.г. Капиталисты стремились согласовать производство с сильно понизившейся покупательной способностью населения, чтобы не нести больших убытков. Синдицирование более всего происходило в металлургическом и горном деле.

Применение женского и детского труда.

О применении женского труда для второй половины 19 века имеются данные [18]), правда, по очень немногим отраслям и только для Петрограда. Но при колоссальной роли петроградской промышленности для страны (1/6 выработки всей продукции до войны и 1/4—в настоящее время) эти данные могут быть характерны для промышленности в целом, с некоторыми, конечно, поправками для отдельных местностей, тем более, что выводы из этих данных подтверждаются последующими материалами.

[17]) Балабанов, «Наша промышленность в 1904—1907 г.г.» в сборн. «Общества. знан. в России в начале XX» под ред. Маслова, Мартова и Потресова, т. IV.

[18]) Коган-Бернштейн, «О численности, составе и положении петербургских рабочих».

Группы предприятий.	% женщин к общему числу рабочих в группе.		
	1869 г.	1881 г.	1900 г.
Бумагопряд. и ткацкое	41.7	43.9	58,6
Ситценабивное	10.7		10.9
Позументное, бисерное, золотошвейное и тесемочное производства .	21,1	29,5	41,1
Резиновое		46,1	50.7
Табачное	56.2	72,2	85,6
Картонажное	10,1	24.4	25.2
Производство белья	99,2	96,0	95,7
„ мужского платья . . .	1.6	5,3	5.1
„ женского . . .	98.4	94.9	96.9
„ обуви	9,9	8,1	17,0

Тут представлены области большего и меньшего применения женского труда и явная тенденция к его увеличению. То же самое, но только более полно, изобразит следующая таблица за 1885 – 1900 гг.

Группы производств	% женщин к общему числу рабочих в группе по Петроградской губернии.	
	1885 г.	1900 г.
Обработка хлопка	44.7	54.9
„ шерсти	30,0	49,0
„ шелка	62,5	69,5
„ льна, пеньки, джута .		58.2
Смешан. волокн. вещ.	27,1	50..
Полиграфическое производство .	14.6	22,0
Обработка металла	3.1	0,1
Механич. обработка дерева. .	-	2.1
Обработка минер. веществ. . .	2.7	10..
„ животн. прод. . .	18.3	14..
„ питат. веществ (без табачн. фабр., почему % женщин сильно понижен). .	22..	18..
Химич. производство (сюда же входит обработка резины, чем сильно повышен % применения женск. труда) . .	39..	3..

И здесь выделяется подчеркнутое выше явление: увеличение применения женского труда во всех отраслях. По количеству занятых женщин различные отрасли можно расположить в таком убывающем порядке: обработка волокнистых веществ, химическое производство, питательные вещества и т. д., причем наименьшее применение женского труда оказывается в предприятиях по обработке металлов и дерева.

Данных о применении детского труда и труда подростков для этого периода у меня нет. В книге Бернштейна указывается на уменьшение количества детей на фабриках и заводах. По его мнению, причина заключается в следующем: "Весьма вероятно,—говорит он,—что в России и, в частности, в Петрограде идет тот процесс сокращения детского труда на больших фабриках, который уже довольно давно замечен в Западной Европе и об'ясняется усложнением фабричных производств, делающих их для детей слишком сложными". Имеется сообщение, что после издания закона 1882 г. о 8 часовом рабочем дне для детей и о минимальном 12-летнем возрасте для поступающих на фабрику предприниматели предпочли заменить детей подростками и женщинами, благодаря страшной дешевизне труда этих последних. И действительно, напр., в начале нашего столетия в отчетах фабрично-заводских инспекторов указывается на уменьшение из года в год детского труда вообще по всей России и на рост применения его по отдельным губерниям и производствах, имеющих полукустарный характер, т. е. таких, где не очень технически сложна работа и нет надзора инспекции.

Изменения в возрастно-половом составе в период 1900—1914 г.г. [*]).

Теперь постараемся проследить, какие изменения происходили в возрастно-половом составе с начала текущего века и до настоящего времени. Из отчетов фабрично-заводских инспекторов видно следующее:

Возрастно-половой состав рабочих по отдельным годам.

[illegible]	Взрослых (свыше 17 л.). Мужчин.	Женщин.	Подростков (от 15—17 л.).	Малолетних (от 12—15 л.)
1901 г.	[illegible]	22.[illegible]	[illegible]	2.0
1903 "	[illegible]	23.0	[illegible]	1.7
1908 "	[illegible]	[illegible]	9.[illegible]	1.5
1910 "	[illegible]	[illegible]	[illegible]	1.4
1913 "	62.[illegible]	[illegible]	[illegible]	1.4
1914 "	61.[illegible]	[illegible]	[illegible]	1.[illegible]

[illegible] 1921 [illegible]

[illegible]

[*]) [illegible]

повышается, приостанавливаясь несколько лишь в годы депрессии. Процент детского труда падает до 1914 г., когда началась эксплуатация труда "ради обороны страны" и были использованы все средства до ночного женского труда и применения в самом широком масштабе детского—включительно.

В 1901 году произошло уменьшение мужчин на 13 тыс. и увеличение женщин—на 12 тысяч,—главным образом в промышленности бумагопрядильной и табачной. Причины в отчетах фабричных инспекторов указываются такие: "в бумагопрядильном производстве переход с мюльного прядения на ватерное, при котором труд женщин и подростков находит более широкое применение. На ткацких же фабриках это об'ясняется большею внимательностью, трудолюбием и выдержанностью женщин, *а также их дешевизною и меньшею требовательностью относительно платы*". Киевский окружной инспектор усматривает причину увеличения женского труда в его поразительной дешевизне. Так, он констатирует "на одной гильзовой фабрике в Умани заработок женщин в 2—4 руб. в месяц, а на одной табачной фабрике в Житомире в 2 р. 50 коп. в месяц и, как редкое исключение, заработок в 9 руб. в месяц". Нужно заметить, что табачная промышленность особенно отличается применением женского и детского труда. Напр. по обследованию Профессионального союза петроградских табачных фабрик выяснилось, что женщины в начале 1914 г. (перед войной) составляли 80%, а подростки и дети 14,9% всех рабочих данной отрасли, а в 1917 г. количество женщин доходило от 82,4% до 90,4%.

В 1903 г. замечается повышение % мужчин. Это несомненно в связи с подготовкой к японской войне, когда должны были расшириться главным образом металлургические заводы, где применение женского и детского труда незначительно.

В 1904 г. произошло уменьшение мужчин на 13.637 и увеличение числа женщин на 2.406, что дает в целом повышение применения женского труда на 0,5%. Это произошло в связи с мобилизацией на фронт. Число подростков в группе в % отношении ко всем рабочим даже уменьшилось, очевидно, в связи с тем, что расширялась по преимуществу крупная металлургическая промышленность, где применение труда детей и подростков меньше, чем в промышленности мелкой и средней.

В отчетах инспекторов за 1906 г., по поводу чрезмерного увеличения женского труда, читаем: "Явление это есть результат бывшего рабочего движения на фабриках этих районов. Не только возможно, замечают мужчины [illegible] среди взрослых, но и среди подростков, считается женский элемент на фабриках более спокойным и устойчивым чем мужской, тем более, что [illegible] что женский труд [illegible] оплачивается ниже мужского".

Фабриканты [illegible] за 1905 [illegible]. Они не только [illegible] женщин и детей, но и [illegible] "[illegible]" [illegible] 4 до 15 [illegible] при [illegible] работе, [illegible] 16 [illegible] рабочий [illegible] [illegible] [illegible]

...или без разрешения); уменьшены были расценки при сдельных работах и т. д. и т. д. [21]).

В 1907 г. в текстильной промышленности увеличение числа женщин сильно возросло. Старший инспектор Владимирской губ. сообщает: "Неизменно ежегодно повторяющееся увеличение числа женщин наблюдалось *с особой силой* и в отчетном году. Причины этого все те же: большее трудолюбие, внимательность и воздержание женщин (не пьют, не курят), а также *уступчивость и меньшая требовательность относительно заработной платы*. На одной фабрике в Москве было уволено 70 мужчин и увеличено число женщин с 520 до 570, так как *увольненные мужчины были самым беспокойным элементом*".

В 1910 г. начинается оживление промышленности после целого ряда лет депрессии, продолжавшейся с 1904—5 г.г. Происходит увеличение труда подростков за счет мужского (см. таблицу о возрастно-половом составе), а относительно детского труда в отчетах фабричной инспекции читаем: "Увеличение женского труда не наблюдалось. Участие в труде малолетних в общем по всей стране не изменилось, но в некоторых местностях сильно возросла эксплуатация детского труда. Старший фабричный инспектор Московской губернии пишет: "В отношении малолетних рабочих нужно отметить грозное явление: число их, все время падавшее, вот уже второй год возрастает". Некоторые инспектора об'ясняют это все увеличивающейся конкуренцией фабрик, прибегающих к труду малолетних, как более дешевому. Труд малолетних применяется главным образом на больших бумагопрядильных, на шелкокрутильных и стеклянных фабриках".

Промышленность все расцветает. Под этим знаком проходят годы 1911—12 г.г. наступает 1913-ый, последний нормальный год в нашей промышленности. С 1912 г. особенно сильно расширяется производство металлургическое, благодаря крупным заказам военного и морского ведомств. Отчеты за 1913 г. говорят: Несмотря на то, что в среднем по всему государству возрастание труда женщин равномерно мужскому, но по различным округам и производствам, отчеты фабричн. инспекторов констатируют все усиливающийся рост женского труда. Заметно сильное увеличение применения женского труда в тех отраслях промышленности, где он применялся мало или совсем не применялся. Напр., в Петроградской губ. на машиностроительных заводах. В Московской губ., не говоря уже о текстильной промышленности, где женщины достигали 54.9% всего числа рабочих, труд их начал применяться на Коломенском машиностроительном заводе. В Варшавской губернии на одной металлургической фабрике мужчин начали заменять женщинами в штамповальном отделении. В Вологодской и Екатеринославской губерниях труд женщин распространился на такие производства, где он раньше совсем не применялся.—на лесопильные заводы и т. д. В металлообрабатывающей промышленности количество женщин возросло на 18%, преимущественно при работе на станках для изготовления петель, костылей, проволочных сит и т. д.". Вообще, по отчетам фабричной инспекции, замечается тенденция распространения применения женского труда везде, где не требуется особой физической силы.

---

21) Сведения взяты из «Материалов к положению рабочих металлистов» по обследованию Инспект. союза в 1909 г.

Констатируется также увеличение труда подростков. Напр., в Петроградской губернии на 32% по сравнению с 1912 г., причем в металлообрабатывающей промышленности—подростков мужского пола, в хлопчато-бумажной—женского; в Варшавской—увеличение на 4%, особенно на карандашных фабриках; в Орловской—в табачном производстве, а в Пензенской—в ситцепечатном. Как видим, все это в особенно вредных отраслях.

Число малолетних в общем по государству не изменилось, но по некоторым областям сильно возросло: напр., в Новгородской губернии на 26% в связи с увеличением производства стекол и на спичечных фабриках; в Московской губернии увеличение произошло на льнопрядильных фабриках и стекольных заводах; в Киевской увеличение на 20%, в Симбирской на 44% в суконной промышленности и т. д.

В 1914 г. призыв по мобилизации проредил ряды фабрично-заводских рабочих, но тотчас на смену явились работницы. "В механических предприятиях, где применение женского труда не отличалось большими размерами, в отчетном году наблюдалось значительное увеличение числа работниц и даже в некоторых предприятиях по обработке металлов большинство женщин работало на станках, причем главным образом на сверлильных, фрезерных и токарных. Остальные женщины работали на браковке, сборке мелких частей и черной работе. Значительное число женщин работало в производстве электрических лампочек накаливания". Труд подростков увеличился на 6,7% к общему их числу по сравнению с 1913 г. До 40% всех подростков приходилось на хлопкообрабатывающую промышленность. Труд малолетних возрос по сравнению с 1913 г. на 6,9% общего числа их.

Изменение состава рабочих по полу и возрасту в 1914 г. сравнительно с 1913 г. абсолютно и в % ярко отражают следующие цифры.

Количество рабочих.	Малолетних.	Подростков.	Взрослых.	Всех.
Мужчин	+ 951 + 5,5%	+ 5.914 + 5.6%	— 32.096 — 2,6%	— 25.231 — 1,9%
Женщин	+ 185 + 1,4%	+ 778 + 1,1%	+ 18.984 + 3,7%	+ 19.947 + 3,3%

Призванные по мобилизации рабочие заменялись не только женщинами и детьми, но персами и турками, трудом коих, впрочем, пользовались и раньше, хотя их культурный уровень не выше уровня китайцев. В мирное время их было тысячи на Волге, во время же войны были привлечены новые волны их и они сильно понизили заработки местных рабочих [22]).

[22]) Шляпников, Канун 1917 года.

Возрастно-половой состав с 1914 года по Петрограду.

Данные петроградской промышленности за 1913—23 г.г. указывают на резкое понижение мужского труда и замену его трудом женщин с начала войны и до 1917 года включительно. Расширявшаяся промышленность требовала новые кадры рабочих, мобилизации на фронт не позволяли удовлетворять этой потребности производства мужчинами, поэтому происходит наплыв женщин, число которых за этот период увеличилось вдвое. "Число подростков не увеличилось, очевидно, потому что развивались главным образом крупная металлургическая и химическая промышленность, где труд детей мало применим". Такое чрезмерное привлечение женщин к фабрично-заводскому труду, несомненно, должно было болезненно отразиться на состоянии производства,—женщины привлекались к таким работам, к которым они совершенно не были подготовлены, или к которым, в силу своего физического состояния, были мало пригодны [23]).

В 1917 г. начинается демобилизация и вместе с тем быстрое сокращение производства. Сокращение происходит, как мужчин, так и женщин, но мужчинам при оставлении в производстве отдается предпочтение перед женщинами и подростками. "Кризис промышленности 1918 г., вызвавший сильную тягу в деревню, наоборот, значительно опустошает ряды мужчин, как элемента более крепкого физически и экономически и потому больше приспособленного к переселению из города в деревню. Тот же процесс уменьшения количества мужчин в производстве наблюдается в 1919 и даже в 1920 г.г., когда сокращение петроградской промышленности приостанавливается, число мужчин на фабриках и заводах начинает падать, вызывая ту острую потребность в квалифицированной рабочей силе, которая привела к прикреплению рабочих к предприятиям, трудовым мобилизациям и проч. формам принудительного труда, к мерам, может быть, задерживавшим до некоторой степени дальнейшее сокращение рабочих мужчин, но не прекратившим его совершенно. В 1913—15 г.г. в обрабатывающей промышленности Петрограда мужчин было занято вдвое больше, чем женщин и подростков (66% и 34%), к июлю 1921 г. мужчин осталось уже только 46,8%, значит более чем на половину, фабрики и заводы обслуживались не полноценным женским и детским трудом" [24]).

В последней четверти 1921 г. новое сокращение числа рабочих, но в связи с стремлением предприятий всеми мерами поднять производительность труда, сокращение ведется за счет женщин, как элемента менее квалифицированного; кроме того увеличение реальной заработной платы, очевидно, притягивает на фабрику бежавших с нее за последнее время мужчин и число их в производстве возрастает. В течение 1922 г. мы видим неуклонный рост указанной тенденции. Так, к началу 1923 г. мы видим увеличение числа мужчин на 6,8% за счет уменьшения числа женщин, при неизменившемся числе подростков.

---

[23]) «Вестник Труда». 1922 г. № 1 (ноябрь 1921 г.).
[24]) Там же.

Состав фабр.-заводск. рабочих по Петрограду [29]).

К 1 января.	Взрослых.		Подростков.
	Мужчин.	Женщин.	
1913 г.	66,2	25,6	8,1
1914 „	65,3	25,7	9,0
1915 „	65,6	25,9	8,6
1917 „	58,5	33,3	8,2
1918 „	60,5	33,6	5,9
1919 „	59,2	35,4	5,4
1920 „	52,7	41,7	5,6
1921 „	50,3	42,9	6,8
1922 „	49,9	44,2	5,9
1923 „	56,7	37,4	5,9

Степень участия женщин в различных отраслях промышленности.

Уже из данных Петроградской промышленности к концу 19 века, из отчетов инспекторов за последующие годы создается определенное представление о том, как распределяются рабочие по полу в различных отраслях промышленности.

Чтобы синтезировать все вышеприведенные данные, приведем сведения о количестве женщин по различным производствам в 1913 г. (по отчетам фабричных инспекторов) и о том, как изменялся возрастно-половой состав в годы войны и революции—тоже по производствам.

Ниже располагаются отдельные производства по степени участия в них женщин в 1913 году.

Группы производств.	Общ. число рабочих обоего пола (в тыс.).	Число женщин.	
		Абсол. (в тыс.).	В % к общ. числу раб. в группе.
Обработка шелка	34,7	23,2	66,7
Смешан. произв. по обраб. волокн. веществ.	46,3	27,9	60,4
Обработка хлопка	566,1	318,1	56,2
„ льна, пеньки и джута.	104,5	57,6	51,1
„ шерсти.	166,7	67,9	40,8
Всего в текстильной промышл.	918,3	494,8	53,9
Химическое производство	90,4	33,1	36,6
Произв. бумаги и полиграф.	107,7	27,3	25,3
Обработка пищ. и вкусов. веществ. (особ. табачн. производств).	369,0	82,1	22,2
Обработка минер. веществ.	215,6	39,5	18,3
Обработка животн. прод. (кожев. и проч.)	55,7	9,2	16,5
Механ. обработка дерева.	132,1	14,7	11,1
Обработка металлов: производство машин, аппаратов и орудий ремесл.	385,6	22,9	5,9

[29]) Там же.

ГРУППЫ ПРОИЗВОДСТВ [26].	Годы на 1-ое января.	Число рабочих в % отношении. Взрослых. Мужчин.	Взрослых. Женщин.	Подростков обоего пола.	% прироста и убыли женщин и подростков.	
Обработка металла	1913	91,2	2,6	6,1	—	
	1917	73,1	20,3	6,6	+ 18,2	
	1921	62,3	28,9	8,8	+ 10,8	+15,1
	1922	67,9	24,6	7,5	— 5,6	
	1923	76,5	15,6	8,5	— 8,3	
Обработка дерева	1913	96,9	1,1	2,0	—	
	1917	71,8	20,8	7,5	+ 25,2	
	1921	49,5	40,6	9,8	+ 22,1	+20,9
	1922	58,3	32,3	9,4	— 8,7	
	1923	75,0	17,2	6,8	— 17,7	
Текстильн. и швейное производство	1913	32,0	57,0	11,0	—	
	1917	18,7	68,7	12,7	+ 13,4	
	1921	16,8	74,2	8,9	+ 1,7	+ 7,5
	1922	20,1	75,2	4,7	— 3,2	
	1923	24,5	71,0	4,5	— 4,4	
Производство бум. и издел. из нее	1913	54,8	27,8	17,4	—	
	1917	нет	свед	ений		
	1921	35,2	59,8	5,0	+ 19,6	+ 0,8
	1922	47,8	47,8	4,4	— 12,6	
	1923	54,0	40,9	5,1	— 6,2	
Обраб. пищ. продукт. и вкусовых веществ.	1913	51,8	40,6	7,5	—	
	1917	22,2	66,0	11,9	+ 29,8	
	1921	38,3	56,7	5,0	— 16,2	+ 4,0
	1922	71,4	26,1	2,5	— 33,1	
	1923	47,9	50,0	2,1	+ 23,5	
Обраб. животн. прод.	1913	71,1	20,5	8,5	—	
	1917	46,3	42,7	10,9	+ 24,6	
	1921	45,4	47,2	7,4	+ 1,0	+15,8
	1922	47,9	46,7	5,4	— 2,5	
	1923	55,2	39,2	5,6	+ 7,3	
Химич. производство	1913	56,1	41,7	2,3	—	
	1917	46,8	46,7	6,5	+ 9,2	
	1921	50,9	44,0	5,1	— 4,1	+ 3,2
	1922	54,1	39,0	6,7	— 3,2	
	1923	52,8	43,0	4,2	+ 1,3	
Обработка минер. вещ.	1913	76,2	16,7	7,1	—	
	1917	59,0	20,6	20,4	+ 17,2	
	1921					
	1922	вошли	в хими	ческое	производство.	
	1923					
Полиграф. производ.	1913	76,2	11,1	12,7	—	
	1917	нет	свед	ений.		
	1921	52,1	41,1	6,8	+ 14,1	+ 6,2
	1922	55,8	35,6	8,6	— 3,7	
	1923	60,0	32,0	8,0	— 4,2	

[26]) «Вестник Труда», № 2 за 1922 г. Изд. Петрогр. Губпрофсовета.

Данные о петроградской промышленности в годы войны и революции указывают на чрезвычайный рост участия женщин и подростков в промышленности и в особенности в тех производствах, где раньше их было немного. Так, в металлообрабатывающей промышленности к 1921 г. % женщин и подростков возрастает по сравнению с 1913 г. на 30%, в деревообрабатывающей на 47,3%, в обработке животных продуктов на 25,6%, в полиграфическом на 24,1% и т. п.

О колебании участия женщин и подростков в промышленности в годы после начала демобилизации (после 1917 г.) уже было сказано выше. Отметим только, что в одних производствах падение % женщин и подростков очень значительное, даже ниже нормы довоенного времени (химическое—0,5%; обработка пищевых продуктов—7,8%). В других они, очевидно, более или менее "акклиматизировались", как металлургической (работа на станках, напр., на машиностроительном заводе бывш. Семенова), деревообрабатывающей, полиграфической и др. На указанном заводе, где работа производится почти во всех отделениях сдельно, и вопрос, насколько приспособились женщины к работе на станках, не слишком актуален, мало они вырабатывают по сравнению с мужчинами, мастера давали ответ в духе тех, какие мы читали у фабричных инспекторов, что женщины более спокойны ("политикой не занимаются и во время работы ни о чем не рассуждают") и старательны, поэтому норма выработки их не меньше мужской, зачастую даже больше. Сказанное относится, безусловно, только к работе, посильной для них физически.

То же, что в Петрограде, происходило с составом рабочих и по всей России. В резолюциях XI с'езда РКП читаем: "В результате тяжелых лет империалистической и гражданской войны число рабочих в России значительно сократилось. Тяжелая обстановка последних годов привела к значительному деклассированию пролетариата—явление хотя и временное, но как раз в нынешние годы дающее себя знать особенно тяжелыми результатами. Часть рабочих рассеялась в деревни, другая часть ушла в Красную Армию. Многие бывшие промышленные пролетарии перебиваются изо дня в день, крайне часто меняя занятия и местожительство. Государственный аппарат поглотил многие десятки тысяч лучших рабочих, оторвавшихся таким образом от непосредственной связи с фабриками и заводами" [27]).

Связь фабр.-заводских рабочих с землей.

Остановимся еще на одном очень важном вопросе, сведения о котором, к сожалению, значительно устарели, а за последние годы исследований не было,—это на вопросе о связи рабочих с землей.

В течение очень долгого времени и притом весьма недавно в официальных изданиях, периодической печати и ученых докладах категорически утверждалось, что фабрично-заводский труд в России "не составляет профессии, не служит естественным средством существования, а только лишь подспорьем к труду земледельческому, является придатком к тому, что он получает от своего земельного участка"—писал Погожев в 1906 году. Мнение это он отвергает, ссылаясь на

[27]) «Правда», 5/IV. 1922 г. № 77.

фабрично-санитарное исследование доктора Дементьева за 1879—1885 г.г. и отчеты главного фабричного инспектора за 1886—1893 годы. На основании сведений, доставленных по девяти округам фабричной инспекции относительно 12.663 фабрик и заводов и свыше 763 тысяч рабочих, насчитывалось более 72% постоянно занятых в промышленности, не отвлекавшихся занятиями по сельскому хозяйству. Наименьшее число уходящих давала обработка хлопка и металлообрабатывающая промышленность.

Группы производств.	% % постоянных рабочих.
Обработка волокнистых веществ	83,5
» дерева	69,7
» металлов	88,9
» пищевых и вкусовых продуктов	34,6
» животн. продуктов	53,9
» минер. веществ.	64,6

Часто и на долгие сроки уходили рабочие главным образом в предприятиях мелких полукустарных: напр., в канительных заведениях до 83% весной вполне бросали работу, оставшиеся 17% занимались ею только в ненастную погоду; рабочие бумаготкачи и шпульницы оставались в числе не больше 18% и то на крупных фабриках, а у мелких мастеров все уходили на 3—5 месяцев, в особенности рогожники, уходившие даже и не на полевые работы вследствие скудости почвы, а нанимавшиеся на различные черные работы, напр., земляные. Дементьев считает эту меру единственной, предохранившей их от чрезмерно быстрого изнашивания и вырождения (ремесло передается по наследству) от непосильной (18 часов в сутки) работы при самых антигигиенических условиях, какие можно только себе представить.

На механических фабриках уже в то время почти никто не уходил, уходящие же тотчас заменялись запасными рабочими. Специалисты-рабочие, хорошо оплачиваемые, мало уходили с работы и только на очень короткие сроки. Массовый уход ткачей об'ясняется тем, что спрос на них большой и, следовательно, вернувшиеся всегда рассчитывали, что будут приняты обратно на фабрику.

Итак, на уход рабочих с фабрики оказывает влияние большая или меньшая степень квалификации и зависящая от этого высота оплаты, а также величина и степень механизации производства.

Группы производств.	% уходящих.
Ручные бумаготкачи с красильщиками . . . . »	72,5
Ситценабивные и отделочные (механические). .	3,3
Шелкоткацкие (полукуст)..	63,1
Машиностроительные заводы.	2,7

Уходили на сроки самые разнообразные от 1 до 4 недель и до 4—8 мес. [1].

	От 1 до 4 нед.	От 1 до 2 мес.	От 2 до 4 мес.	От 4 до 8 мес.	Всего рабочих.
Местные	16,4	29,4	40,1	14,1	10.019
Пришлые	3,5	19,7	47,2	29,6	5.703
Итого .					15.721

В наиболее промышленных районах рабочие меньше уходят с фабрик, чем в малопромышленных, где доминирует земледелие и где рабочие полукустари, полуфабричные—еще не совсем порвали с домом.

РАЙОНЫ.	% постоянно занятых в производстве рабочих.
С.-Петербургский	89,2
Виленский.	87,6
Петроковский.	85,4
Варшавский	82,9
Владимирский.	80,2
Харьковский	48,7
Киевский	42,5
Воронежский.	23,7

По словам Дементьева, концентрация даже и без механизации сильно влияет на понижение летнего ухода рабочих. Кроме того, по его словам, иногда фабрикантами принимались меры, чтобы создать настоящих пролетариев рабочих, совершенно несвязанных с землей, напр., более высокая плата с Пасхи до Покрова в тех производствах, где больший % уходящих, чего нет там, где рабочие мало уходят с фабрики; обязательство поставить себе заместителя и прямо насильственные меры удержания рабочих до издания закона о найме 3 июня 1886 г. и т. д.

Квартиры при фабриках тоже являлись средством большей связи рабочего с производством, т. к., говоря словами Дементьева, "пока рабочий на фабрике один, семья же его в деревне, он не порывает связи с землей и часто на продолжительные сроки уходит с фабрики. Низкие заработки и невозможность содержать семью в деревне заставляют рабочего перетаскивать ее на фабрику и эксплуатировать жену и детей. С этого момента связь с землей фактически порвана. Нет там уже

[1]) Дементьев, «Фабрика, что она дает насел. и что у него берет», глава «Связи фабр. рабочих с землей».

ни дома, никакого имущества, только остаются подать, да юридические права на землю".

Погожев также указывает на это, подчеркивая, что в 80-х и 90-х г.г. "еще более усилилось стремление наиболее крупных предприятий создать тип совершенно обособленного от земледелия "наследственного" рабочего, из рода в род передающего свое занятие и почти закрепощенного фабрично-заводским трудом".

Что же из этих стараний вышло? Создался ли желаемый тип? Создался, но не в силу, конечно, тех или других желаний и законодательных мер, а как следствие все большего обезземеливания наших крестьян, все большего и большего обеднения и разрушения мелкого деревенского хозяйства с одной стороны, и увеличения концентрации и механизации промышленности, с другой.

В исследованиях Дементьева по Московской губернии за период 1884—5 г.г. читаем: "Из 18.576 рабочих (без рогожников) 55% имели родителей, работавших на фабрике, причем наибольшее число этих рабочих (70,5%) принадлежали к работавшим в механическом производстве и наименьшее (около 15%) к числу чернорабочих: грузчиков, кочегаров и вообще людей ручного труда".

Сведения членов фабричной инспекции по Владимирской губ., собранные весной 1897 г. о 117 тысячах или 97% всего местного фабрично-заводского населения (через 12—13 лет после исследования Дементьева), говорят следующее: из 71 тыс. мужчин в возрасте от 12 до 60 лет и старше уходило на полевые работы всего лишь 13%, из 45½ тыс. женщин в тех же возрастах уходило летом 8%. Из всего вышеуказанного количества мужчин, имеющих родителей—рабочих оказалось 38%, а из всех женщин более 38% (Погожев). "Эта преемственность фабрично-заводского труда в целом ряде поколений рабочих семей еще более резко обнаруживается при выделении женатых и вдовцов, а равно вдов и замужних, при коих записаны дети. Из сведений 1897 г. видно, что значительно более половины зарегистрированных во Владимирской губернии рабочих обоего пола имеют при себе работающих детей, для которых связь с земледелием должна все более и более переходить в область преданий и около четверти общего числа рабочих, у которых кроме детей работали на фабрике и родители".

В 1900 г. по сведениям, разработанным относительно 1.051.292 чел. обоего пола, по предприятиям от 50 рабочих и более, подчиненным фабрично-заводской инспекции, в различных отраслях промышленности рабочие, занятые фабричным трудом постоянно (не уходящие на полевые работы), разделялись следующим образом: высший % дает металлообрабатывающая промышленность—97%, затем обработка хлопка—95%, обработка волокнистых веществ по всей России 92%, а по Московской губернии—(по словам Дементьева) эта отрасль, включая рогожников, которые из поколения в поколение много десятков лет подряд передают свое ремесло по наследству, по числу постоянных рабочих доходит до 97%. Обработка химических веществ имела постоянно занятых рабочих 95% и т. д. Наименьший % постоянно занятых рабочих давала обработка минеральных веществ (76%). Средний % по всем производствам равнялся 91%.

Более поздних соответствующих сведений нет. Но по аналогии с другими тенденциями в развитии нашей промышленности, как концентрация производства,

механизация, увеличение из года в год применения женского труда и труда подростков, которые планомерно и неизменно развивались все в одном направлении до революции 1917 г., когда промышленность потерпела огромные изменения, нужно думать, что и обезземеление рабочих и полный их отрыв от деревни происходил тем же порядком до 1918 г., когда, как указано выше, и как все хорошо помнят началась усиленная тяга в деревню. В настоящее время рабочие снова начинают возвращаться из деревень на фабрики и заводы.

М. Солодникова.

ЛИТЕРАТУРА.

Погожев, Учет численности и состава чабочих в России. **Дементьев,** Фабрика, что она дает населению и что у него берет? **Материалы** о положении рабочих металлистов, собранные союзом металлистов за 1909 г. г. Петроград. **Отчеты** фабрично-заводских инспекторов с 1901 по 1914 г. **В. В. Святловский,** Профессион. союзы в России (изд. 1906 г.). **Ленин,** Развитие капитализма в России. **Гр. Циперович,** Синдикаты и тресты в России. **Балабанов,** Наша промышленность в 1904—1907 г.г. (в сборнике „Общественное движение в России в начале XX века "под редакц. Мартова, Маслова и Потресова .. IV). **Материалы** по статистике труда (изв. Нар. Комиссариата труда с № 1—№ 11. **„Вестник Труда"** № 2 (изд. Петроградск. Совета Проф. союзов). **Всероссийская перепись промышленных заведений** по губерниям в 1918 г.

К выяснению причин крестьянских волнений в Николаевскую эпоху [1]).

Тяжелое экономическое положение крепостных крестьян, наряду с личной зависимостью их от помещиков и полным гражданским бесправием, вызывало ответную реакцию в крепостной среде в виде более или менее открытого неповиновения помещичьей власти.

Чем интенсивнее шло хозяйственное развитие России, чем резче становилось противоречие между потребностями нарастающего капитализма и тесными рамками крепостного строя, тем хуже жилось крестьянам, тем чаще они восставали против своих угнетателей. Особенно усилился экономический гнет во второй четверти 19-го века, и эта же эпоха отмечена неизбежным количеством крестьянских волнений [2]).

Восставая против частных сторон крепостного права и крепостных отношений, крестьяне в большинстве случаев стремились не только улучшить свое положение, но и вовсе освободиться из помещичьего владения. Правда, в своем инстинктивном стремлении к свободе они не доходили до отвлеченной мысли о несправедливости и негодности крепостного строя, как такового. За исключением массовых волнений последних лет, предшествовавших освобождению, это были почти всегда разрозненные попытки освободиться из под власти данного помещика и "стать казенными". При этом нужно отметить, как характерную черту массы крестьянских волнений, их правовую подкладку; восставая против помещичьей власти, крестьяне опираются на свое право быть свободными [3]). Иногда такое право дей-

---

[1]) См. мои статьи: «Волнения крепостных при Николае I» («Русское прошлое», кн. 2) и «Побеги помещичьих крестьян в Николаевскую эпоху» («Архив истории труда в России», кн. 5).

[2]) За период с 1821 г. по 1854 г. волнения происходили в 674 имениях 43 губерний (И. Игнатович. Волнения помещичьих крестьян. «Великая реформа», т. III стр. 46).

[3]) Согласно данным Семевского (Крест. вопр. в России в XVIII в первой половине XIX в.) из 275 крестьянских волнений, причины которых известны, за период от 1826 до 1855 г., 144 произошли по той причине, что крестьяне или уже считали себя вольными, или еще домогались свободы на каком-нибудь, казавшемся им справедливом основании, а 73 — вследствие притеснения, т. е. обременения барщиной, жестокости помещиков.

По данным Игнатович («Великая реформа», т. III, стр. 49) из 423 волнений в половине XIX века (210) причиною было стремление крестьян, на основании ли слухов о воле или же на основании ложных и действительных прав на волю, освободиться от крепостной зависимости. Частные стороны крепостных отношений служили причинами в 398 имениях. Из них экономические причины отмечены в 208 волнениях.

ствительно существует, чаще же крестьянам кажется, что оно существует, но и для такого заблуждения имеются почти всегда более или менее серьезные основания. Для того, чтобы это воображаемое право оказалось действительным, не хватает обыкновенно очень немногого, какого-нибудь чисто формального момента, в глазах крестьян лишенного всякого реального значения. Чем сильнее уверенность крестьян в своей правоте, тем настойчивее их притязания, тем ярче формы протеста.

Мы остановимся сначала на экономических причинах крестьянских волнений, поскольку они отразились в архивных делах, послуживших материалом для настоящей статьи, а затем рассмотрим в особой главе причины, об'единенные нами под названием "правовых", хотя бы фактически в данных случаях имелись на лицо и те, и другие [4]).

Экономические причины.

В 1845 г. в имениях сестер Зиновьевых, расположенных в трех уездах Новгородской губ., произошли волнения, имевшие исключительно экономическую подкладку. Имениями управляли братья Вебер, которые не только сурово и неукоснительно проводили предписания Зиновьева (заведывавшего имениями за малолетством сестер), но и явно злоупотребляли своей властью. Крестьяне ездили в Петербург к своим помещикам, но не были приняты, подавали жалобы уездному предводителю дворянства и, не получив удовлетворения, вышли наконец из повиновения. В ответ на жалобу крестьян Зиновьев представил записку, в которой подробно изложил экономические условия поместий. Согласно этой записке, все крестьяне распределены на три разряда: 1) чисто оброчные, которые платят по 60 р. в год с тягла; 2) оброчные с десятидневной работой, которые платят по 40 р. оброка и выставляют с апреля по ноябрь по десяти дней мужских, женских и конных с тягла, и 3) барщинные, которые работают по три дня в неделю и никаких других повинностей не несут; первые две группы, напротив, должны вносить еженедельно по 20 пудов сена и сбор по раскладке для уплаты казенных повинностей и на другие нужды в сумме приблизительно от 16 до 21 р. с тягла. Сопоставляя с этим изложением жалобу крестьян, мы находим в ней частью недовольство приведенными правилами и нормами, частью указания на несоблюдение их. Вторая группа оброчников, повидимому, считает слишком обременительным для себя платить в год 40 р. оброка, 20 пудов сена и 20 слишним рублей за "неизвестные им

[4]) Настоящая статья составлена на основании следующих материалов архива министерства внутренних дел, департамента полиции исполнительной: дело о неповиновении крестьян Люцинского староства Витебской губ., принадлежащих графу Борху, 184 г. № 248; дело по донесению начальника Владимирской губ., о неповиновении крестьян помещицы Поливановой, 1849 г. № 923; дело по представлению начальника Рязанской губ. о беспорядках, в имении Петровского, 1850 г. № 741; дело по жалобе отставного поручика Зиновьева на непринятие Новгородским начальником законных мер против неповиновения и буйства крестьян, 1845 г. № 388; дело по донесению испр. должн. Новгородского губернатора о неповиновении крестьян помещицы Крекшиной, 1835 г. № 360; дело по отношению командующего войсками по Кавказской линии генерала Завадовского о неповиновении крестьян помещиков Калантаровых, 1853 г. № 820; дело по донесению начальника Тульской губ. о неповиновении крестьян наследника помещицы Жадовской стат. сов. Мясневу, 1858 г. № 1288; дело по донесению Киевского военного губернатора, Подольского и Волынского генерал-губернатора о неповиновении крестьян помещицы Закашевской, 1838 г. № 8.

различные поборы", особенно принимая во внимание, что управляющий гоняет их на барщину сверх положенных десяти дней "без расчету на столько дней, на сколько ему заблагорассудится". Кроме того, крестьяне указывают, что со всех девок взимается по 15 р. в год, а "которая не в состоянии платить этого оброка, то обязана ходить по очереди на господский двор со своим хлебом, что составит почти одну треть года". По поводу этой претензии Зиновьев никакого раз'яснения не дает.

Далее крестьяне жалуются, что у них отобрана была лучшая земля по одной десятине на каждые 20 тягол для мирской запашки, а между тем хлеб с нее собираемый в казенные магазины не поступает и неизвестно куда девается, с крестьян же собирается для этих магазинов установленное количество хлеба натурою из их собственной запашки. Этой жалобы Зиновьев по существу не опровергает, ограничиваясь отпиской о значении казенных магазинов.

Особенное возмущение крестьян вызывал установленный в имениях единовременный сбор на рекрут. Этот сбор слагался из двух частей: все мужчины, негодные в рекруты, вносили по 200 рублей с рассрочкой на 10 лет, а годные в рекруты, как семейные, так и одинокие,- по 500 р. с рассрочкой на 5 лет. Эти деньги образуют рекрутский капитал, предназначенный для покупки зачетных рекрутских квитанций. Однако же, по уверению крестьян, "квитанции до сего времени еще не куплены, рекруты ставятся натурой из той же вотчины, а собранные деньги на что употребляются неизвестно". Об'яснения Зиновьева по вопросу о рекрутском капитале сводятся к следующему: обложение неспособных в возрасте от 18 до 35 лет установлено для покрытия издержек, связанных с рекрутскими наборами, обложение же годных к службе введено будто бы по настоятельным просьбам самих крестьян для освобождения их от рекрутчины, причем Зиновьевым установлены строгие правила, согласно которым только взнос всей суммы сполна дает право на получение зачетной квитанции, а задержка очередного взноса влечет за собой возврат внесенных денег без процентов и лишение права на выкуп от повинности. Те же последствия наступают в случае "дурного поведения откупившегося", который может быть сдан в солдаты и по взносе всей суммы. Неудивительно недовольство крестьян, как этими тяжелыми условиями выкупа, так в особенности отсутствием результатов в виде фактического освобождения от рекрутчины, что об'ясняется повидимому злоупотреблениями со стороны управляющего Вебера.

Помимо этих претензий, крестьяне указывают на ряд других злоупотреблений менее общего характера, и в результате описывают свое положение, вызванное такими несправедливыми и противозаконными поборами. Они говорят, что дошли почти до совершенного разорения, терпят нужду в продовольствии и, занимаясь барщиною в хорошее время года, свои работы оставляют не сделанными и тем лишаются возможности на будущее время исправно платить оброк и подати. При малейшем же ропоте на это управляющий наказывает их жестоко, не принимая во внимание ни неурожайного времени, ни бедности их, увеличивающейся с каждым годом. Что крестьяне не преувеличивали своей нужды, видно из рапортов как уездного, так и губернского предводителей дворянства, убедившихся путем расследования в справедливости крестьянских жалоб. Конечно, ни тот, ни другой не осмеливаются критиковать самих распоряжений Зиновьева, но оба обвиняют управляющих Веберов, которые "уже неоднократно были подвергаемы за жестокое

обращение с крестьянами не только следствиям, но даже и суду", и снисходительно попрекают Зиновьева за его чрезмерную доверчивость. Положение крестьян обрисовано ими в мрачных красках: незасеянные, а порой и не вспаханные из-за недостатка в лошадях поля, крайняя нужда в продовольствии и в семенах и жестокие притеснения управляющего.

Явная справедливость крестьянских жалоб, в связи с неповиновением крестьян, заставила министра внутренних дел обратить особое внимание на порядок управления имениями Зиновьевых и подвергнуть его рассмотрению по существу в дворянском депутатском собрании Новгородской губернии. В результате—любопытный документ, в котором зафиксировано мнение людей, наиболее заинтересованных в эксплуатации крестьян, по вопросу о пределах этой эксплуатации. Депутаты высказались особо по каждому пункту крестьянской жалобы. Оброк и поборы признаны ими умеренными и "не превышающими суммы, собираемой на предмет этот и во всех других имениях сего уезда". Обложение взрослых девок, хотя "действительно существует не во всех владельческих имениях, но так как девки очень часто уклоняются от замужества, поясняют депутаты, и от того большая часть из них подвергается нравственной порче и делаются очень развратными, то обложение их повинностью не только не может считаться делом противозаконным, но напротив совершенно справедливым и необходимым, как средство, побуждающее их вступать в браки" (и небезвыгодное для помещика, следовало прибавить). Что касается сбора хлеба в запасные магазины, на ряду с существованием мирских запашек, то депутаты, не распространяясь на эту тему, ограничиваются отданием Зиновьеву должного за введение им у себя в имениях столь полезного учреждения. Единственный пункт, вызывающий критику собрания—это обложение на "рекрутский капитал". И то оно находит его до известной степени справедливым, поскольку лица неспособные к службе уравниваются таким образом отчасти с вступающими в армию; однако это обложение не уравнивает их со способными и неступающими в службу. Что касается взносов лиц, годных в рекруты, то, по мнению собрания, они ничем не оправдываются, при условии, что вместо покупки зачетных квитанций, капитал употребляется на другие цели. Кроме того, этот способ отнимает у владельца всякую возможность сохранять правильную очередь рекрутской повинности, т. к. семьи, состоящие из большего числа работников, как более богатые, могут легче откупиться, чем малосемейные и менее состоятельные. Признав Зиновьева виновным по этому пункту, собрание находит для него смягчающее обстоятельство в том, что введение рекрутского капитала последовало по желанию самих крестьян, и затем относит все беспорядки и неустройства в имении Зиновьевых, бывшем одним из первых в губернии и пришедшем в совершенный упадок, исключительно к действиям управляющих. По указанным пунктам и сделано Зиновьеву соответствующее внушение.

Экономическое положение крестьян вырисовывается также из дела о неповиновении крестьян помещицы Закашевской в Луцком уезде, Волынской губернии, неповиновении, длившемся хронически на протяжении десятилетий. Уже самая длительность волнений указывает на существование в деле правовой подоплеки, но она в данном случае тесно сплетена с экономическим угнетением крестьян. Оставляя подробное изложение правового момента до следующей главы, остановимся здесь на

освещении экономической стороны дела. Крестьяне Закашевской упорно отказывались отбывать барщину по инвентарю 1808 г., ссылаясь не на обременительность последнего, а на то, что "предки их работали помещику по 6 дней в год и платили чиншу (оброку) по 1 р. 5 к. сер. в год", а потому и они согласны выполнять только эти повинности, принимая на себя еще некоторые небольшие натуральные повинности добровольно. По расследовании дела оказалось, что по инвентарю 1808 г. крестьяне обязаны были выполнять гораздо меньше работ, чем от них требовала помещица, ссылавшаяся в споре с крестьянами именно на право свое пользоваться этим инвентарем, получившим в 1829 г. утверждение сената. Фактически на крестьян были возложены следующие повинности: в местечке Трояновке они должны были отбывать с дома в неделю барщины 2 дня и в течение года—пахать, жать и косить по 2 дня (всего 6 дней), затем ловить рыбу зимой по 3 дня и сверх того ходить на постройку дороги и на охоту, "когда экономия употребит". Далее шли поборы или "дани", в следующих размерах: с дома ежегодно грибов 4 копы, хмеля 8 гарнцев, дранц 3 коны, яиц 10, пряжи 4 мотка, от каждого улья "дани 15 грошей" и "чинша от каждого дома 10 злотых". Сверх того, они должны были полоть огороды, мочить лен и пеньку и приготовлять их для пряжи. Для местечка Лешневки применялись те же нормы, с той разницей, что вместо двух дней в неделю крестьяне отбывали барщину по 3 дня. Все эти данные представлялись помещицей, в качестве выписок из инвентаря 1808 г., но по расследованию оказалось, что они во многом ему не соответствуют; так, в инвентаре не упоминаются ни ловля рыбы, ни постройка дороги, ни хождение на охоту, когда экономия потребует. Все эти повинности отбывались крестьянами, согласно об'яснения Закашевской, по заведенному обычаю. Сверх того, не имея никакого хозяйства в упомянутых местечках, Закашевская посылала своих крестьян для отбывания барщины в другие свои имения, далеко от них расположенные, за потерю времени никакого вознаграждения не уплачивая и в счет повинности его не засчитывая. В оправдание она ссылалась на то, что такой порядок существует и в имениях других владельцев. В результате такого управления за крестьянами накопилась масса недоимок. Дав обещание властям, в видах успокоения крестьян, облегчить их положение, помещица не только не исполнила своего обещания, но продолжала настойчиво требовать от крестьян исполнения повинностей за прошлые годы. По удостоверению же губернатора, такое требование при разоренном состоянии крестьян вовсе не могло быть выполнено, так как для самих крестьян осталось бы тогда не больше 29 рабочих дней в году. Если прибавить к этому еще некоторые факты, упоминаемые крестьянами в жалобах: отобрание у них данной им в пользование помещицей земли, запрещение пользоваться лесом на отопление и постройки, сдача в рекруты непокорных и друг., то получится картина достаточно яркая и вполне об'ясняющая упорное недовольство и возмущение крестьян. При рассмотрении дела в сенате, последний признал, что инвентарь 1808 находится почти в полном соответствии с законом, предоставляющим помещикам "налагать на крепостных людей всякие работы, взимать с них оброк и требовать исправления личных повинностей, с тем только, чтобы крестьяне не претерпевали чрез сие раззорение и чтобы обязывались работать на помещика не более трех дней в неделю". В противоречии с этим постановлением по мнению сената, оказалось только требование инвентарного поло-

жения относительно местечка Лешневки, где крестьяне обязывались к отбыванию барщины, сверх положенных 3-х дней в неделю, еще в течение 9 дней в году. В общем, инвентарь признан неотяготительным в сравнении с повинностями, "исполняемыми без всякого ропота другими соседственными поселянами". И так как сами крестьяне ссылались больше на свое право работать по старине, как работали их предки, чем на экономический гнет, то экономический вопрос совершенно растворился в правовом, о котором речь будет ниже.

Крайне бурное, затопленное кровью, восстание крестьян, имевшее место в 1853 г. в Ставропольской губ. в имении помещиков Калантаровых, проходившее под лозунгом освобождения из крепостной зависимости, имело несомненно серьезные экономические причины. По следствию, произведенному уже после усмирения, выяснилось, что "Калантаров позволял себе обременять крестьян непомерными налогами и тягостями. Между прочим он заставлял крестьян, вместо определенных по закону в пользу владельца трех дней в неделю, работать в течение нескольких недель сряду, предоставляя равное число дней в пользу крестьянина, но тогда уже, когда удобное для работ время прошло, а также посылал крестьян для господских работ в дальние места, не считая в их пользу те дни, которые они провели в следовании туда и обратно". Кроме того, крестьяне при отбывании барщины должны были выходить на пахоту со всем своим рабочим скотом и земледельческими орудиями, что являлось для них крайне обременительным и могло возбудить, даже по мнению властей, "справедливый ропот крестьян". Калантаровские крестьяне не добились воли и своей кровью купили только два постановления общего характера, относившиеся к порядку отбывания барщины. Первое постановление, облеченное в форму циркуляра губернаторам ("в собственные руки" и "весьма секретно") напоминало о необходимости соблюдения закона о трехдневной барщине, причем пояснялось, что прочие три дня недели должны быть оставляемы крестьянам для их собственных работ и что предоставление хотя бы и равного числа дней, но на другой неделе, несогласно с точным смыслом закона. Далее циркуляр предписывал при отправке крестьян на работу в места, отдаленные от их жительств, зачитывать употребленное ими на переход время в число следуемых в пользу владельца рабочих дней. Второе постановление относится к вопросу о количестве скота, которого можно требовать от крестьян для помещичьей запашки. Так как вопрос этот в законодательном порядке разрешен не был, то Ставропольское губернское правление постановило, что не следует требовать от крестьян более одной пары быков с тягла для составления сборных плугов, заставлять же их высылать на помещичьи работы весь свой скот—совершенно недопустимо. Вопрос был направлен на разрешение в сенат. Последний целиком принял постановление Ставропольского губернского правления, за которое, вместе с циркуляром о трехдневной барщине, крестьяне заплатили более чем сотней жизней.

В 1850 г. произошли волнения в имении Петровского, расположенном в Рязанской губернии. Основной причиной волнений была уверенность крестьян, что они должны быть свободны от крепостной зависимости по неправильности владения Петровского его именем. Но на ряду с этим мотивом вплетается явственно и мотив экономический. Крестьяне жаловались на экономические притеснения, начавшиеся со времени вступления во владение Петровского. Следствие выяснило, что основа-

ния для недовольства действительно имелись. Крестьяне обрабатывали на помещика по 6 десятин на каждое тягло, количество же земли, предоставленной им самим, ограничивалось "двумя тридцатными десятинами в каждом поле". В 1849 и 1850 г.г. крестьяне отрабатывали барщину брат на брата или поголовно, а "случалась поголовная работа и такая, что они посылались из своего села верст за 12 на работу". Жены однотягольных крестьян также не освобождались от исполнения полевых и других господских работ, не исключая и женщин с едва родившимися грудными детьми. Работали крестьяне понедельно, кроме праздников, которые им давались для себя; поэтому крестьяне отправлялись на целую неделю и более в поле, запирая свои дома. Поля их оставались необработанными. Кроме того, они обязывались возить зимой на двух подводах в Москву господский хлеб. По приезде же в Москву они посылались помещиком за 40 верст за дровами и сеном, причем сами оплачивали путевые расходы. Оправдания Петровского в общем подтверждают претензии крестьян. В частности, он указывает, что они обрабатывают не 6, а 4 десятины на тягло, добавляя, что "и 6 десятин господской запашки в трех полях на тягла обрабатывать неотяготительно, потому что это вообще принятая пропорция во всех имениях". Затем по вопросу о порядке отбывания барщины он говорит: "если они бывали на барщине поголовно и по неделе, то лишние дни им зачитались". Здесь мы сталкиваемся с тем же обходом закона о трехдневной барщине, как и в предыдущем случае. Правильное толкование этого закона дано было, как уже сказано, в циркуляре 24 октября 1853 года.

Отдельные ноты, отражающие наличность экономического гнета, пробиваются и в других случаях, послуживших материалом для настоящей статьи. Так, крестьяне помещицы Поливановой Владимирской губ., взбунтовавшиеся в 1849 г., выражали недовольство увеличением оброка в сравнении с тем, который они платили прежнему владельцу, а также употреблением их на барщину, тогда как прежде они были оброчными. Бывшие казенные и ставшие помещичьими крестьяне графа Борха, проявившие совершенно необычайное мужество и упорство в борьбе за свое освобождение, ссылались также на экономические притеснения, на жестокие наказания за подати и недоимки, которых они по бедности не могут платить, на отбирание у них силой лошадей, скота и другого имущества и т. п.

Но центр тяжести тут лежит не в экономическом гнете; психология протеста во всех этих случаях зиждется преимущественно на правовых эмоциях, имеющих более или менее веские основания.

Причины правового характера.

Причины, об'единенные нами под названием "правовых", по природе своей очень разнообразны. Но, всмотревшись в них ближе, мы увидим, что они имеют то общее, что создают почву для уверенности крестьян в своем праве на вольность, которая одна только и может об'яснить ни перед чем не останавливающуюся настойчивость и отвагу этих людей, рожденных в рабстве.

Возмущение крестьян помещицы Крекшиной Боровицкого у. Новгородской г., происшедшее в тридцатых годах, имело в сознании крестьян достаточно веские основания. Крестьяне домогались свободы, так как считали, что они по договору

с прежней помещицей имеют право на увольнение в свободные хлебопашцы. И действительно, такой договор существовал. Он был заключен между бывшей помещицей Мякининой и принадлежавшими ей крестьянами, в числе 1790 душ, в 1827 г. В 1829 г. он был представлен в министерство внутренних дел, но в силу найденных в нем отступлений от правил увольнения крепостных в свободные хлебопашцы возвращен для исправления. Однако, на несчастье крестьян, Мякинина умерла прежде, чем дело получило окончательное разрешение. Крекшина пред'явила в боровицкий земский суд свои права на наследство, и министерство направило в тот же суд все дело об увольнении крестьян в хлебопашцы. Постановлением суда от 1830 г. крестьяне Мякининой отдавались во владение новой помещице. Нужно ли удивляться тому, что крестьяне, раз почуявшие дыхание свободы, не могли так легко от нее отказаться. Как ничтожны должны были им казаться те формальные препятствия, которые помешали утверждению договора. И они отказались от повиновения новой помещице уже в момент ввода ее во владение, а затем продолжали подавать прошения на высочайшее имя и в сенат, не взирая на то, что уже в 1832 г. сенат дал знать новгородскому губернатору, что жалоба крестьян оставлена без последствий, в виду состоявшегося уже решения по этому делу боровицкого суда. В 1834 г. состоялось высочайшее повеление — в просьбе о пересмотре дела крестьянам отказать и воспретить им дальнейшее домогательство о свободе. И наконец в том же году сенат предписал об'явить крестьянам об оставлении прошения поверенного их без уважения. Крестьяне же на все это отвечали упорно, что помещице повиноваться не будут, пока военные суды и экзекуция не убедили их окончательно в безнадежности дальнейшего сопротивления.

Почти аналогичные факты послужили поводом к возмущению крестьян имения Жадовской в Тульской губ., происшедшему в конце пятидесятых годов. Жадовская также заключила с крестьянами двух своих сел договор об увольнении их в свободные хлебопашцы и представила его министру внутренних дел. Но так как Жадовская имела в виду осуществление договора лишь после своей смерти, то министр вернул ей договор и раз'яснил, что такое условие не может быть допущено в настоящем договоре, так как подобный отпуск был бы отпуском по завещанию. При этом он давал ей выход, советуя отпустить крестьян в хлебопашцы при жизни, но с тем, чтобы они обязались оставаться до смерти в полном ей повиновении. Но Жадовская тем временем успела изменить свои намерения, почему исправлять договор отказалась и спрятала его в комод. Изменение своих намерений она об'яснила неблагодарностью крестьян, которые не заслужили этой милости, так что она даже поблагодарила господа бога, что он не допустил совершиться такой несправедливости. А неблагодарность крестьян заключалась в том, что немедленно по заключении договора они сочли себя уже "бесповоротно свободными", по какому случаю их староста, поехавший в Москву для продажи 160 подвод господского хлеба, бежал с деньгами, чтобы хлопотать от общества об утверждении договора. Так как изменение настроения помещицы не было тайной для крестьян, то отношения между ними стелались крайне натянутыми, вплоть до того, что грубость крестьян вынудила Жадовскую удалиться из имения, "предав их проклятью". Не мог ожидать сердечного приема и ее наследник Мясенов. Фундамент его власти оказался зыбким: крестьяне сомневались в законности его прав, почему и решили отправиться в

Каширу и разведать, имеют ли они право по договору отыскивать свободу или должны принадлежать помещику. Тут им показали копию уничтоженного договора и для вящшего убеждения крестьян в безнадежности их домогательств выдали им эту копию на руки вместе с копией допроса Жадовской, свидетельствующей об уничтожении договора. Заполучив "бумагу", крестьяне уже окончательно уверились в правильности своих притязаний на вольность. Еще больше поддержало их в этой уверенности то обстоятельство, что различные ведомства давали разноречивые ответы на их домогательства: министр внутренних дел требовал повиновения помещику, секретарь канцелярии е. и. в. по принятию прошений сообщал, что они должны жаловаться на министра внутренних дел не государю, а в сенат, а министр юстиции раз'яснял, что иск о свободе они могут пред'явить, "если имеют на то право", в надлежащее судебное место. Все эти формальные отписки истолковывались крестьянами, как признание за ними права на продолжение их домогательств, и создавали ту почву, на которой должны были произойти и действительно произошли волнения, окончившиеся довольно благоприятно для крестьян, заключением договора с новым помещиком.

По совершенно иным причинам возникли в 1849 г. волнения в имении помещицы Поливановой Владимирской губ. Это имение принадлежало прежде помещице Бардаковой и находилось в залоге в опекунском совете. За просрочку долга имение подлежало продаже с торгов. Осведомленные об этом крестьяне неоднократно обращались к властям с просьбами об об'явлении им состоявшейся на торгах цены и о предоставлении им права выкупа на волю. Они опирались в данном случае на указ 8 ноября 1847 г., предоставлявший крепостным данного имения право выкупа на волю в случае продажи имения с торгов и взноса ими в 30-ти дневный срок соответствующей суммы. Крестьянам действительно предложено было внести ту сумму, за которую покупала их помещица Поливанова (более 65.000 р.), но они "по неимению денег от выкупа себя отказались, в чем и дали подписку". Эти их действия вызвали резкий протест со стороны небольшой группы их односельчан, повидимому очень зажиточных и авторитетных, находившихся на оброке в Одессе. Так как указ 1847 г. предоставлял выкуп на волю только в составе целого имения, то крестьяне своей подпиской лишили возможности выкупа и тех, кто, за отсутствием на месте, подписки не давал. Настойчивые письма из Одессы, убеждавшие крестьян в том, что дело не потеряно, а напротив должно увенчаться полным успехом, побудили их отказаться от своей подписки на том основании, что отсутствующие крестьяне не знали об их отзыве, почему и действительным его признавать нельзя. К тому же крестьяне ссылались на то, что теперь они в состоянии уплатить недоимочные проценты в совет. Натолкнувшись на сопротивление властей, отрицавших их право на беспорных, но чисто формальных основаниях (пропуск 30-ти дневного срока), крестьяне отказались от повиновения новой помещице.

Беспорядки, возникшие в имении Петровского Рязанской губ., имели за собой достаточно серьезные правовые основания. Крестьяне жаловались, что по смерти их старой помещицы, которая между прочим поговаривала об отпуске крепостных на волю, во владение вступил человек, "ложно именующийся ее племянником, рожденный от кучера Варлама Дмитриева и жены его Агафьи, находившийся на

[illegible], дослужившийся до офицерских чинов и именующийся Петровским". Имение [illegible] к нему не по наследству, а по купчей крепости. Отказывая в повиновении Петровскому, крестьяне опирались на изданный в 1842 г. закон, воспрещавший лицам, происходящим из крепостного состояния и дослужившимся до потомственного дворянства, покупать имения, где их отцы и деды были записаны по ревизии [illegible]. Крестьяне по обыкновению были и правы и не правы: закон понят был [illegible], происхождение Петровского было более чем сомнительно, он был [illegible] брата покойной помещицы, а вернее всего его вне брачным сыном, [illegible] по закону действительно являлся крепостной кучер. Однако, в деле был [illegible]-таки чисто формальный момент, который делал беспочвенными все претензии крестьян. Этот юридический момент заключался в дате: имение было приобретено [illegible] Петровским в 1840 и 1841 гг., а воспретительный закон вышел в 1842 г. Таким образом, при всей сомнительности происхождения Петровского, он, как приобретший службою в офицерских чинах личное право владеть населенным имением и не ограниченный позднее вышедшим законом 1842 г., был в праве приобрести данное имение. Для крестьян же, как и обычно, такие формальные соображения говорили мало. Глубоко убежденные в том, что правда сегодняшнего дня была правдой и вчера, они восставали против власти нового помещика, лишенной в их сознании того ореола, который необходим для добровольного подчинения.

Во всех приведенных случаях юридическим фундаментом, на котором крестьяне строили свои притязания, был формальный акт: в двух первых случаях — договор, в последних — закон. В деле о неповиновении крестьян помещице Закашевской Виленской губ., о котором уже упоминалось в первой главе, этот момент отсутствовал... Но на его месте был другой, быть может более значительный и для крестьянской массы более убедительный—момент обычного права. Помимо жалоб на экономическую эксплуатацию, крестьяне ссылались на старые порядки, бывшие при "отцах и дедах". Фактическая сторона дела сводилась к следующему. В 1810 г. крестьяне были приобретены Закашевской от князя Радзивилла, а в 1811 г. они оказали ей неповиновение в отбывании повинностей по инвентарю 1808 г., [illegible] ей от прежнего владельца, и начали иск о свободе. Уездный суд и гражданская палата отказали им в иске и признали для них обязательным инвентарь 1808 г., но крестьяне не успокоились и обжаловали решение суда в сенат. Во избежание волнений, Закашевская согласилась оставить крестьян при тех повинностях, [illegible] они сами об'явили, впредь до окончания их дела в сенате. В 1829 г. [illegible] утвердил целиком решение низшей инстанции, но и тут крестьяне не покорились, полагая, что постановление сената вызвано каким-то особым [illegible] помещицы. Мотивируя свое ослушание, крестьяне главным образом ссылались на то, что их предки не работали по этому инвентарю и они не будут. Жалобы же на обременение работами стояли на втором плане. Психология крестьян была [illegible] понята министром внутренних дел, который в своем заключении писал: "[illegible] крестьяне своевольничали (по вине властей, допустивших такое своеволие) [illegible] ненаказанно более 27 лет и естественно, что, при таком послаблении, могло [illegible] в них убеждение в справедливости их доказательства: крестьяне [illegible] [illegible] в неповиновении [illegible] [illegible] покорности властям". Какой же [illegible]

Казалось бы нельзя делать крестьян ответственными за ошибки властей. Однако министерская логика пришла к другому выводу: "... в настоящее время не представляется иных способов к приведению крестьян Закашевской в должное повиновение, как строгое наказание виновных... Впрочем, так как законом решительно воспрещено усугублять меру, определенную военносудными приговорами, то остается только утвердить во всей силе состоявшееся определение суда...".

Перелистывая архивные дела, останавливаешься с особенным изумлением и уважением перед теми страницами, которые запечатлены необычайной настойчивостью и мужеством восставших, страницами, залитыми крестьянской кровью. Откуда такая смелость и сила сопротивления у рабов? Вглядываясь пристальнее в подобные случаи, мы находим психологическое об'яснение этого факта в том, что рабы сегодняшнего дня, эти люди раньше не были рабами, их отцы, их деды не знали помещичьей власти. Отстаивая свою свободу, они домогаются не чего-то неосязаемого, им неведомого, а вполне реального блага, которым они или их отцы владели и которое было у них отнято. Естественно, что именно в этих случаях движение должно было выливаться в наиболее бурные, наиболее революционные формы.

Известное восстание крестьян староства Люцинского Витебской губ., принадлежавших графу Борху, относится к числу именно таких случаев. Крестьяне Люцинского староства были казенными, пользовались правами самоуправления и вносили известный оброк графу Борху, в пожизненном владении которого находилось староство. Но с 1778 г. началось присвоение графом Борхом части староства на вотчинном праве, которое закончилось закреплением за ним указанной части высочайше утвержденным мнением государственного совета в 1840 г. Крестьяне с давних лет начали пред'являть свои жалобы, которые сделались особенно частыми с 1833 года по смерти графа Иосифа Борха. Подаваемые крестьянами прошения породили с 1833 по 1840 г. пятнадцать следственных дел и вызвали ряд волнений, из которых особенно бурным было восстание 1840 г. Переход с оброка на барщину (на фольварочное хозяйство), лишение прав самостоятельного избрания сотских и старшин, свободных сходок, пользования мирской печатью, самостоятельной отдачи в аренду лугов, обмена отведенных участков и т. п. должны были глубоко возмутить крестьян. Любопытным моментом здесь является также участие в восстании части крестьян того же староства, оставшихся в казенном ведомстве. Это указывает на необычайную силу оскорбленного чувства справедливости, на крайнюю остроту правовых эмоций у крестьян. И министр внутренних дел опять оказывается хорошим психологом, когда говорит в своей записке, что "поводом к сим беспорядкам было отнюдь не жестокое обращение управляющего имением или недостаток в продовольствии, но желание крестьян избавиться от помещичьего владения, и, подобно другим частям староства, оставшимся в казенном ведомстве, принадлежать казне".

Чрезвычайную решимость и храбрость проявили также крестьяне помещичьих Калантаровых села Маслова-Кута Пятигорского уезда Ставропольской губ. Революционное настроение крестьян и здесь об'яснялось традициями прошлого и окружающей обстановкой. Население села Маслова-Кута состояло из малороссийских крестьян, водворившихся там еще в восемнадцатом веке на земле, [illegible]

[illegible]ной Потемкину-Таврическому: из окрестных же селений, близких к Ма[illegible]-Чуту, только 4 было помещичьих, остальные же все принадлежали казне. Крестьяне неоднократно домогались вольности, но постоянно получали отказ. Они пытались внести Калантарову выкупную сумму, настаивая на том, что "как народ вольный, добровольно на этой земле поселившийся, они не станут признавать над собой власти и терпеть угнетения". Требования крестьян сводились к тому, чтобы их переселили куда начальству будет угодно или обратили в казаки, "от прав же помещичьих они решительно отказываются, считая себя неопровергаемо подлежащими освобождению из крепостного владения". Подобное настроение, на ряду с экономическим гнетом, неизбежно должно было привести к кровавому столкновению, в котором крестьяне выкинули лозунг "воли", а правительство ответило [illegible].

Елена Коц

Рабочие на Обуховском сталелитейном заводе («Большевик»).

Из истории завода.—Заработная плата.—Рабочий день.—Наем.—Пенсии и пособия.—Медицинская помощь, заводские квартиры и школа.—Старосты.—Забастовки.

Для настоящего очерка мы пользовались, главным образом, архивом Обуховского завода [1]). Но в архивных и печатных материалах мы нашли очень мало данных о жизни рабочих; кроме того эти данные носят случайный и отрывочный характер, причем некоторые документы отличаются неполнотою, неясностью и противоречиями. Благодаря такому качеству материалов, мы не гарантированы от ошибок и принуждены дать далеко неполную картину жизни рабочих такого гиганта, каким являлся и является Обуховский сталелитейный завод. Между тем, в настоящее время пробудился интерес к истории труда в отдельных предприятиях. Скудость же материалов о рабочей жизни можно об'яснить следующими обстоятельствами: рабочий в капиталистическом предприятии является прежде всего элементом производства и об'ектом эксплуатации. Предприниматель интересуется рабочим главным образом постольку, поскольку для него расходы на рабочую силу являются частью издержек производства и поскольку рабочего надо держать в повиновении. Все другие стороны жизни рабочего не интересуют предпринимателя и не находят своего отражения в заводских делах и архивах. Они только они не выявляются во время рабочих беспорядков и забастовок, за которыми капиталист и правительство капиталистического государства не могут не следить.

Из истории Обуховского завода.

Обуховский завод получил свое название по имени его основателя—П. Н. Обухова. Довоенная история завода в достаточной степени разработана [2]). Деятель-

---

[1]) См. описание заводского архива и перечень выбранных дел в статье А. А. Блека в «Архиве истории труда в России», кн. I. Кроме того мы пользовались следующими печатными материалами: «Указатель правит. распоряжений по мор. ведомству» (еженедельно). «Сборник журналов совета по упр. заводами мор. ведомства за 1911—1913 гг.», «Отчеты по мор. ведомству», «Правила внутр. распорядка для мастеровых и рабочих Обух. Сталелит. завода», изд. 1898, 1915 и 1917 г.г., «Правила о старостах в портах и заводах мор. ведомства», изд. 1905 г., «Правила и инструкции о вознаграждении мастеровых, рабочих и вольнонаемных служащих мор. ведомства за утрату трудоспособности», изд. 1908 г., «Положение о сберег.-вспомог. кассе работающих и служащих по вольному найму в местных учреждениях мор. ведомства», изд. 1906 г., «Положение об особом фонде сберег.-вспомог. кассы мор. ведомства», изд. 1900 г. «Правила предосторожности для рабочих Обух. завода», год не указан.

Автор благодарит за содействие управляющего заводом В. Д. Серова, управляющего главной конторой завода С. И. Икроб и заведывающего заводским архивом В. И. Герасимова.

[2]) По истории Обух. завода написаны следующие книги и статьи: Н. А. Кононов. Обух. Сталелит. завод за 50 лет (1863—1913 г.г.); В. Колчак. История Обух. сталелит.

ность завода с 1863 по 1921 г.г. можно охарактеризовать тем, что за этот период было изготовлено и сдано 13203 орудия. В 1912 г. на заводе было 158 паровых котлов с поверхностью нагрева 13900 кв. метров, 190 под'емных кранов силой в 3894 тонн, 334 электр. моторов для одиночных приводов и трансмиссии мощностью в 3684 HP. Перевозочные средства завода позволяли ежегодно транспортировать 420 милл. пудов груза. Годовая производительность завода оценивалась в 12—13 миллионов руб. Завод занимал площадь около 136 дес. Помимо зданий, предназначенных для производства, завод владел следующими зданиями: церковь, дом начальника завода, 4 дома для служащих, домики (28—на земле б. Александровского завода, 5 выстроенных в 1905 г. и др.) для рабочих и низших служащих, дом для собрания служащих, библиотека (повидимому, для служащих), школа, читальня для мастеровых, больница на 50 кроватей, амбулатория, родильный приют, здание для общества потребителей, бани на 600 чел., пожарная команда. Число рабочих на заводе с каждым годом возрастало, а именно: 1884 г. 982, 1888 г.—1721, 1902 г.—3500 и 1912 г.—свыше 5000 чел.

Во время русско-германской и гражданской войн Обуховский завод работал целиком на нужды обороны. С 1917 по 1923 г.г. завод выработал легких снарядов свыше 600 тысяч, свыше 500 пушек разных систем, свыше 2500 разных оптических приборов, отремонтировал свыше 2500 вагонов и, наконец, исправил и отремонтировал множество предметов военного и военно - морского снаряжения, начиная от мин системы Уайтхеда и крупнейших морских орудий и кончая точнейшими оптическими приборами. В настоящее время Обуховский завод, переименованный в завод "Большевик", входит в состав треста военной промышленности (Севзапвоенпром.). Из последних работ на нужды мирного времени следует отметить производство тракторов, авиомоторов, оптических изделий (водомеры, микроскопы и т. д.), работы по ремонту вагонов и т. д. Рабочих на заводе было на 1 января 1917 г. 10.531 чел., а сейчас [3])—3612 чел. При заводе имеется ряд рабочих организаций: культурно-просветительных (школа, клуб, кружки, театр), политических (коллектив РКП, союз молодежи) и экономических (кооператив, касса взаимопомощи), бани и т. д.

Заработная плата.

До 1917 г. формы оплаты труда рабочих Обуховского завода дважды менялись: в 1896 г. почти все работы были переведены на штучную плату, в 1905 г. поденная плата была заменена часовой. Кроме того были введены премии по аме-

завода, в связи с прогрессом артиллерийской техники, 1903; Н. Кирилов. «Краткое описание Обух. завода» (в «Журнале мануфактур и торговли» за 1865 г., июнь и август); А. Коленко. 30-летие Обух. сталелит. завода. 1865—1895; В. Колчак. Стальное дело на Обух. заводе, 1875; «Труды комиссии по разработке положения об управлении Обух. сталелит. заводом», год не указ.; «Нива» за 1890 г. № 17; Н. А. Кондерев. Обух. сталелит. завод, год не указ. (краткий очерк для международного судоходного с'езда в России).

Краткая история завода имеется в статье А. Л. Блека в «Архиве истории труда в России», кн. I. В настоящем очерке мы приводим суммарные сведения о деятельности завода с 1863 по 1913 г.г., которых нет в заметке А. Л. Блека, и данные за период с 1914 по 1923 г.г.

[3]) На 10 июня 1923 г.

риканской системе (часовая плата увеличивалась с возрастанием продуктивности работы). Но в 1916 г. от американской системы оплаты снова перешли к штучной работе.

Часовая плата устанавливалась в зависимости от разряда и цеха. Некоторые работы сдавались на премию. В случае несогласия рабочих на предложенные им условия премиальной работы они обязаны были работать за разрядную плату. При установлении премиальной работы назначалось время (так назыв. основное время), в которое должна была быть исполнена работа. Если рабочий исполнял свою работу в меньшее время, то в прибавок к своему часовому заработку он получал премию; процент премиальных равнялся проценту того рабочего времени, которое рабочему удавалось с'экономить благодаря ускоренной работе. Так, напр., рабочий четвертого разряда получал 20 коп. за час. Предположим, что на сдельную работу ему было назначено 20 часов, но он сделал работу не в 20, а в 10 часов. Так как он с'экономил 50% времени, то сверх 20 коп. за час он получал премию 50%, т. е. всего 30 коп. за час. В 1915 г. был установлен такой порядок начисления премиальных: когда рабочий ускорил исполнение заданной работы на 50%, то размер премии равнялся процентному отношению времени исполнения к заданному (основному) времени; если рабочий ускорил исполнение заданной работы более, чем на 50%, то он, сверх того, получал столько процентов с премии (за 50%), сколько лишних процентов сверх 50% было с'экономлено.

Заданное на работу основное время могли уменьшить в том случае, если изменялся способ работы или изменялась часовая плата рабочего. Если двое рабочих, получающих разную часовую плату, делали одну и ту же работу, то получающему меньшую плату давали во столько раз больше времени, во сколько раз его плата была меньше другого. Если же рабочий переводился в высший разряд, то основное время для его прежних работ уменьшалось во столько же раз, во сколько его часовая плата увеличивалась. В работе, производимой артелью, общий заработок распределялся между членами артели пропорционально часовой плате и числу рабочих часов каждого. До окончания премиально-урочной работы заработок выдавался рабочему только в размере часовой платы; полный расчет производился по приемке от рабочего оконченных изделий.

С 1915 г. всем мастеровым, которые обычно работали на премию, при выдаче им работы назначали основное время, в течение которого они должны были выполнить урок; прикрепление рабочих к урочно-премиальным работам производилось независимо от их воли. Если работа производилась скорее, чем задавалось по уроку, то рабочий получал премию. Если же урок не выполнялся и работа производилась дольше, то рабочий получал за все время только цеховую плату и переводился в низший разряд. В случае, если общая продолжительность затянутых работ составляла в течение месяца не менее двух недель, то рабочий получал расчет. До 1915 г. работа, не выполненная за урочное время, передавалась другому, а за сделанное количество платили по оценке заведывающего мастерской или отделом, но не менее цеховой платы.

Если рабочий портил изделие, то он платы не получал в том случае, когда работа производилась не более часа; в противном случае работа оплачивалась по цеховой плате. По распоряжению начальника завода с рабочего могли взыскивать

стоимость испорченного изделия. Когда готовая вещь браковалась вследствие порока в материале, рабочий не лишался премии. Если пороки в материале обнаруживались до окончания работы, то исполненную часть работы оплачивали по взаимному соглашению, но не свыше обычного заработка по этой работе.

Первоначально плата выдавалась рабочим один раз в месяц. По с 1890 г., по просьбе рабочих, им стали выдавать плату два раза в месяц, *после* 1 и 15 числа в первую субботу. С 1913 г. заработная плата выдавалась каждые 1 и 15 числа или накануне, если они приходились на нерабочие дни. В 1915 г. выдача производилась в *ближайшие* субботы к 1 и 15 числу каждого месяца. Без предъявления расчетной книжки плата не выдавалась. Заработок не выдавался также рабочим, явившимся за своей получкой в нетрезвом виде. Заявления о неправильности исчисления платы принимались заведывающим мастерской не позже трех дней со дня платежа. Плата выдавалась только в рублях и полтинниках; копейки причитывались к плате за следующую половину месяца, которая также выдавалась только в рублях и полтинниках. Старосты просили (в 1911 г.) о выдаче заработка в копейках, в чем им было отказано, так как такой порядок был введен "для сокращения времени выдачи рабочим заработной платы".

Средний дневной заработок мастеровых в 1902 г. не превышал 87 копеек; наименьшая плата мастеровых была 70 коп. Наименьшая дневная плата у чернорабочих доходила до 60 коп., а у учеников—до 40 копеек. В докладной записке, поданной в морское министерство по поводу волнений среди рабочих, указывалось, что следовало бы увеличить цеховую плату до 1 руб. в день кранщикам, стрелочникам, чернорабочим, а также машинистам, не получающим поштучной или поденной платы. Эти категории рабочих зарабатывали менее 25 руб. в месяц. "Стоит посетить несколько квартир таких мастеровых, даже не пропойц, чтобы убедиться, что семьи эти живут в обстановке, много худшей почлежных приютов". Между тем, Обуховский завод имел 1.300.000 руб. чистого дохода в год, а увеличение общей суммы заработной платы на 100.000 руб. в год не подорвало бы, по мнению автора записки, благосостояния завода.

В ноябре 1910 г., за неимением больших заказов, была уменьшена часовая цеховая плата в мастерской скорострельной артиллерии по I разряду—до 25 коп. в час, по II разряду—23 коп., по III разряду—20 коп., по IV разряду—17 коп. и V разряду—14 коп. Многие рабочие были переведены в низшие разряды, так как иначе пришлось бы многих уволить, а между тем в то время в Петербурге была безработица. В 1911 г. часовая плата кочегарам при паровых котлах была повышена: получавшим 12 коп. в час—до 14 коп., получавшим 15 коп. до 18 копеек. Работающие на испытании получали с 1914 г. 10 коп. в час.

Средняя поденная плата чернорабочим была в 1906—1909 г.г. следующая: взрослый рабочий (старше 17 лет)—1 руб., подросток (от 15 до 17 лет)—60 коп., малолетний (от 12 до 15 лет)—45 коп. Взрослая работница (чернорабочая) зарабатывала 80 коп. в день[5]).

---

[4]) «Докл. записка» анонимная и написана карандашом и в таком виде хранится в архиве.

[5]) О положении металлистов в Петербурге см. С. Н. Прокопович. Бюджеты петербургских рабочих. 1909; С. В. Бернштейн-Коган. «Численность, положение и состав

В 1915 г. для кранщиков и чернорабочих был установлен минимум заработной платы в размере 55 руб. в месяц. Рабочим, не получавшим минимума, была увеличена премия с таким расчетом, чтобы довести их заработок до минимума. На этом же основании премия стала впервые выдаваться тем рабочим, которые ее раньше не получали.

С 1915 г. всем постоянным рабочим доплачивали к часовой плате так наз. "военное пособие" в размере 3 коп. за час. "Военное пособие" уплачивалось как за урочное, так и за сверхурочное время, но в одинаковом размере. Подростки получали военное пособие в размере 2 коп. за час. Через некоторое время это пособие стали получать также те категории поденщиков, которые были заняты постоянной работой в мастерских. Такие поденщики перечислялись в постоянные (номерные) рабочие. Если поденщика перечисляли в постоянные ранее 6 месяцев, то ему выплачивалось пособие за время до этого перевода. В 1916 г. размер военных пособий был увеличен для взрослых рабочих на 5 коп. в час и для подростков—3 коп. в час.

Чернорабочие получали в 1915 г.: взрослые рабочие—1 р. 08 к. в день и подростки—72 коп. в день; малолетних и работниц на заводе не было.

Средний заработок рабочего в месяц был в 1914 г.—70 р. 57 к., в 1915 г.—97 р. 23 к. и в 1916 г.—136 р. 87 к.

Часовая плата в 1916 г. по разрядам была следующая: I—85 к., II—75 к., III—65 коп., IV—50 коп., V—35 коп. и VI—25 коп. Так. напр., шорники и смазчики принимались на работу с платою по IV или V разряду. К плате по разряду могли прибавить 50% и кроме того, за каждый час сверхурочной работы платили ½ разрядной платы. Плотники и маляры зачислялись по IV разряду, прибавкою 75% и платою за сверхурочные работы в размере ½ разрядной платы.

Заработная плата в 1916 г. была следующая: каменьщики, плотники, маляры, шорники и смазчики получали от 17 до 20 коп. за час; кочегары—от 17 до 22 коп. [6]). Кроме того эти категории рабочих получали премии в начале 1916 г. 80% к разрядной плате и с октября 1916 г.—100%.

Те категории рабочих, которые получали поштучную плату, за сверхурочную работу ничего не получали, так как плата за сверхурочную работу была учтена при установлении поштучной платы.

В январе 1917 г. заработок рабочих определялся следующими цифрами:

РАЗРЯДЫ.	I.		II.		III.		IV.		V.	
	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.
Часовая плата	1	35	1	16	—	97	—	77	—	58
Средний заработок в месяц (приблиз.). . . .	400	—	350	—	300	—	225	—	160	—

петербургских рабочих. 1909; Материалы об эконом. положении профессиональной организации петербургских рабочих по металлу. 1910.

[6]) Кочегары получали премию с экономии угля.

В феврале 1917 г. среди рабочих была произведена, по распоряжению мор. ведомства, анкета о минимальном бюджете среднего рабочего. Сводка этих анкет определила стоимость содержания рабочего семейства из трех человек в 169 руб.: помещение 29 р. [7]), одежда и обувь—42 р. [8]) и питание—98 р. [9]).

В 1917 г. (до марта месяца) была повышена заработная плата некоторых категорий рабочих, но рабочие не удовлетворялись частичными и неполными прибавками, требуя общего пересмотра системы и размеров платы. Так, например, в январе 1917 г. рабочие подали коллективное требование об увеличении разрядной платы на 5 коп. в час, о возвращении к расценкам, существовавшим до 1908 года, об увеличении расценки с целью повышения среднего заработка на 25%, о выплате по среднему заработку рабочим, работающим по ремонту и ожидающим работы, о переводе чернорабочих в низший разряд мастеровых не позже 3-месячного срока и т. д. Начальник завода отклонил эти требования и об'явил забастовавшим рабочим: "Расценки настолько велики, что вполне обеспечивают надлежащий заработок. Не нахожу возможным менять расценку".

Размер вознаграждения поденных рабочих иллюстрируется нижеследующей таблицею:

Категор. раб. / За период [10]).	С 1 V по 16 X 1910 г.		С 16 X 1910 г. по 30 IV 1911 г.		С 30 IV по 15 X 1911 г.		С 1 V по 15 X 1912 г.		С 20 X 1912 г. по 1 V 1913 г.		С 1 V по 15 X 1913 г.		С 20 X 1913 г. по 1 V 1914 г.		С 1 V по 15 X 1914 г.	
	р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.
Кемлекопы	1	—	1	90	1	—	1	—	1	90	1	—	1	90	1	26
Зрсвельщики I кат.	1	45	1	20	1	45	1	45	1	25	1	55	1	30	1	67
„ II „	1	30	1	10	1	30	1	30	1	15	1	35	1	20	1	71
Каменщики I „	1	25	1	10	1	25	1	40	1	15	1	50	1	20	1	39
„ II „	1	15	1	—	1	15	1	25	1	—	1	35	1	20	1	62
Маляры . . I „	1	35	1	10	1	35	1	35	1	15	1	40	1	20	1	80
„ . . II „	1	25	1	—	1	25	1	25	1	—	1	30	1	05	1	62
Печники . . I „	1	30	1	15	1	30	1	30	1	15	1	40	1	15	1	89
„ . II „	1	20	1	—	1	20	1	20	1	—	1	30	1	05	1	71
Плотники . I „	1	30	1	15	1	40	1	40	1	25	1	50	1	30	1	80
„ . . II „	1	20	1	—	1	25	1	25	1	15	1	35	1	20	1	62
Штукатуры. I „	1	35	1	10	1	35	1	35	1	15	1	45	1	20	1	89
„ II „	1	25	1	—	1	20	1	20	1	—	1	30	1	05	1	71

[7]) Одна комната и кухня; 30 ф. керосина по 90 к. за пуд и спичек на 30 к.

[8]) Сапоги 20 руб. пара (по одной паре в год на человека), галоши—6 р. (одна пара в год на человека), комплект посильного платья—60 р. (1½ комплекта в год), верхнее платье—120 р. за комплект (по одному на три года).

[9]) Молоко 1½ бут. в день по 35 к. за бутылку; 5 ф. масла по 3 руб., 5 ф. животных веществ по 1½ р., мясо или рыба (день через день): по ¼ ф. мяса (по 80 к. за фунт) на лицо и ½ ф. рыбы (по 40 к.) на лицо; ежедневно на всех: 2½ ф. черного хлеба (по 7 к.), 1½ ф. белого хлеба (по 20 к.), 2 ф. картофеля (по 10 к.), 1¼ ф. капусты кислой II сорта (по 10 к.), 1½ ф. крупы разной (по 15 к. в среднем), 1¼ яйца (1¼ руб. за десяток); 9 ф. сахару в месяц по карточке (30 к. за фунт).

В бюджет не вошли расходы по стирке белья, передвижению, на лечение, и культурные цели.

[10]) Данные приведены лишь за те периоды, о которых имеются сведения.

Сверх того, в 1915 г. столяры получали в день 2 р. 07 к., мостовщики — 1 р. 53 к., взрослые чернорабочие—1 р. 08 к. и подростки—72 коп.

За нагрузку и доставку грузов бригады паровозов железнодорожного и паровозного отделов получали (в 1911 г.) премию с каждых 1000 пудов: машинисты—10 коп., кочегары—7 и 10 коп., кондуктора—3 коп., старшие кранщики—13 коп., их подручные—5 коп. Старший кранщик при нагрузке пушек и их частей премировался за все грузы, перевезенные по пушечным мастерским в размере 1 коп. с 1000 пудов. При небрежных погрузках, или если время доставки затянулось, премию не платили. Если груз свалился с тележки по небрежности машиниста, премию получал только кочегар. Вообще, премию за нагрузку и доставку грузов платили только постоянным (номерным) рабочим.

В случае командировки рабочего на работу в такое отдаленное от дома место, где рабочий не мог пользоваться своей семейной квартирой и домашним столом, ему выдавалась (в 1913 г.) за все дни состояния в командировке полуторная часовая плата по разряду и сверх того суточные деньги в размере одного рубля в сутки. Кроме того отдельно оплачивались расходы на проезд, причем расходы на проезд в Кронштадт и Петербург [11]) определялись особым тарифом. При командировке на Охтенский полигон суточные деньги выдавались в размере 50 к. в день, но лишь в том случае, если рабочий пробыл в командировке более половины рабочего дня, не приезжая домой для обеда. В каждом случае особо назначалось время пребывания в пути, причем сутки в пути оплачивались как один рабочий день командировки. За дни прогула в командировке ничего не платили [12]). В отдельных случаях, когда рабочий командировался на срок более месяца, заключали особое письменное условие.

С 1913 г. было установлено, что рабочий во время командировки, если не было заключено особого условия, получал за сверхурочную работу в будни и за работу в праздничные дни двойную (вместо полуторной) часовую плату. При работе на Охтенском полигоне мастеровые, работавшие на премию, получали в первый день работы свою разрядную плату, без всяких добавок, а за последующие дни—полуторную разрядную плату, как за урочное, так и за сверхурочное время. Мастеровые, имевшие постоянную процентную добавку к разрядной плате, сохраняли ее при работах на Охтенском полигоне, но никаких дальнейших добавок не получали.

В 1915 г. при командировках в отдаленное место платили двойную часовую плату за урочное время и 2½ разрядную плату за сверхурочное время; суточные платили в размере 1½ руб. в сутки. В праздничные дни, если работа в командировке не производилась, платили только суточные; когда работа не производилась по вине рабочего (напр., в случае ухода корабля в море), он не лишался двойной разрядной платы. При командировках на Охтенский полигон платили суточные в размере одного рубля. По усмотрению заведывающих мастерскими и внешними работами, мастеровому могли предложить работать в командировке на условиях месячного постоянного заработка по нормам (по разрядам): I -280 руб.,

[11]) Обуховский завод находится в селе Александровском.

[12]) Не платили также суточных.

II—245 руб., III—210 руб., IV—180 руб., V—145 руб. и VI—125 руб. В это содержание были включены суточные деньги и плата за работу в сверхурочное время, считая по 3 часа в будни и по 6 часов в праздничные дни. В таких случаях рабочий мог в действительности не работать в сверхурочное время, если этого не требовалось, и никаких вычетов не производилось. Но с другой стороны рабочий должен был в экстренных случаях, по требованию местного начальства, работать сверх нормы, без всяких доплат. В 1915 г. суточные деньги при командировках в местности, лежащие к западу от линии Петроград—Ревель—Киев были увеличены на 20%. В 1916 г. за командировки в отдаленные места платили, помимо суточных, особые командировочные деньги посуточно (по разрядам): I—9 р. 30 к., II—7 р. 95 к., III—6 р. 65 к., IV—5 р. 30 к., V—4 р. и VI—3 р. 45 к. Суточные деньги платили за первые 10 дней командировки в размере 2 р. 50 к. и за следующие дни—2 руб. в сутки. Командируемым в Финляндию платили курсовую разницу, но только на суточные деньги.

По правилам 1898 г. рабочие, неявившиеся на работу по болезни или другой уважительной причине, лишались за те дни условной с ними платы.

С 1902 г. все заболевшие по вине завода получали полную цеховую плату за все пропущенные рабочие дни не только за время нахождения в больнице, но до тех пор пока, по удостоверению врача, они могли выходить на работу. Все заболевшие на заводе по собственной неосторожности получали $^3/_4$ поденной платы. Заболевшие от других причин получали больничные деньги в течение двух месяцев в размере: женатые—$^3/_4$ поденной платы и холостые—$^1/_2$ поденной платы. Алкоголикам, венерическим и получившим поранение вне завода больничные деньги не выдавались. С 1912 г. заболевшие рабочие получали больничные деньги за дни болезни из расчета количества часов работы мастерового и в отношении к часовой плате. Рабочие просили (в 1913 г.), чтобы при выдаче больничных денег мастеровым, работавшим по воскресным и праздничным дням, засчитывались эти дни. Но эта просьба была удовлетворена лишь в 1914 г., а с 1916 г. засчитывались также субботние дни, в которых работали неполное число часов.

В 1916 г. раненым, проработавшим более двух месяцев, уплачивалось $^1/_3$ действительного заработка, а проработавшим менее двух месяцев—$^2/_3$ полуторной разрядной платы. Мастеровым, работавшим 9 часов в день, к обыкновенному расчету больничных денег прибавляли 20%.

Иногда рабочим выдавались денежные награды (напр., в 1915 г. один рабочий получил награду за 25-летнюю службу в размере 125 руб.). Кроме того рабочим выдавались также почетные награды (медали, ордена и т. п.), причем заводоуправление предварительно запрашивало градоначальника о неимении препятствия к выдаче наград. Почетные награды выдавались рабочим по норме 1 : 10, т. е. к наградам нельзя было представлять более $^1/_{10}$ всех рабочих, в то время, как служащие завода могли быть представлены к почетным наградам в отношении 1 : 4.

С 1911 г. рабочие стали за царские дни получать поденную плату [illegible] тех случаях, [illegible] совпадали с воскресным днем или церковным праздником. Плата за царские дни выдавалась рабочим "с целью не [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] работы"

С 1911 г. семейные рабочие, призванные к отбыванию воинского учебного сбора, получали за это время ½ зар. платы. Ранее цеховая плата за время отбывания учебного сбора выдавалась по личному усмотрению начальника завода. С 1914 г. за дни явки в призывные участки (включая поездки туда и обратно) рабочие получали полную плату, а за время, проведенное в госпитале на испытании,—в половинном размере.

За время перерыва работ (неисправность электрической энергии и т. п.), а также во время приемки работ, мастеровые получали разрядную плату. Рабочие просили об уплате им в таких случаях среднего заработка, но им отказали. Старосты, которые отвлекались от работы для исполнения своих обязанностей, получали за все урочные часы, а с 1915 г.—также за сверхурочные часы. Старосты просили (в 1915 г.) об уплате им по среднему заработку, но им отказали.

По правилам 1898 г. за непослушание во время работы мастеру рабочие штрафовались в размере 1 руб., а за непослушание старшим лицам, имеющим надзор в заводе, виновные штрафовались в размере двухдневной платы. В случае оказанной при непослушании грубости штрафы увеличивались вдвое. За курение при работах рабочие штрафовались в размере 1 руб. серебром. В случае, когда от непослушания происходила трата или порча заводского имущества, с виновного, помимо штрафа, взыскивали стоимость потери. Опоздавшие до одного часа лишались полуденной платы; явившиеся позже—теряли полную дневную плату. Такому же штрафу рабочие подвергались за прогул, за явку на работу в нетрезвом виде и приносящие на завод спиртные напитки. В случае спора по отношению к действиям, за которые полагался штраф, дело решалось в судебном порядке.

До введения урочно-премиальной системы оплаты труда за неисправную работу рабочие штрафовались в размере до 1 руб. За прогул рабочие штрафовались в размере полной цеховой платы, а с введением часовой платы—в размере ½ разрядной платы. За невыход на обязательную сверхурочную работу рабочие штрафовались, как за прогул. За опоздание на 10 минут и за приход на работу без номера, рабочие штрафовались в размере часовой разрядной платы[13]). В размере тройной разрядной часовой платы, но не свыше рубля, рабочие штрафовались в следующих случаях: самовольная отлучка от работы; оставление работы ранее срока, до прихода сменщика или выход из мастерских и завода до сигнала или свистка об окончании работ; занятие в мастерских посторонними работами, чтение газет и устройство игр (в карты, орлянку и т. п.); нарушение тишины криком, бранью, шумом, дракой и т. п.; непослушание; хождение по другим мастерским; нахождение в мастерских после свистка без разрешения заведывающего; принос на завод спиртных напитков; несоблюдение на заводе и в мастерских чистоты и опрятности; спанье во время работы; курение и зажигание огня в тех местах, где это запрещено; несоблюдение правил предосторожности при производстве работ; непред'явление номера стражникам при проходе ворот; [illegible] время, неопрятное содержание станков, инструментов и места работы; невоз-

[13]) До введения часовой платы рабочие штрафовались за опоздание [illegible] размере 15 коп. и за приход на работу без номера—в размере [illegible]

вращение в назначенный срок взятого из конторы паспорта или непредставление контромарки; несообщение нового адреса; нарушение правил внутреннего распорядка вообще.

Большая реформа в системах оплаты труда и значительное увеличение заплаты произошли после февральской революции 1917 года. В марте 1917 г. начальник завода сообщил в общество фабрикантов и заводчиков: "Рабочие организуются и вырабатывают требования. Пред'явлено требование рабочими мастерских об отстранении части личного состава".

С 7 марта 1917 г. был введен тариф, выработанный на рабочей конференции заводов морского ведомства. Часовая плата квалифицированных рабочих определялась по разрядам: I—1 р. 80 к., II—1 р. 60 к., III—1 р. 40 к., IV—1 р. 20 к. и V—1 р. Чернорабочие получали в день: мужчины—5 р. 60 к. и женщины—5 р. Мальчики и ученики получали от 50 к. в час. Разные вспомогательные рабочие (кранщики, шорники, кочегары, печники и др.)—от 80 коп. до 1 р. 60 к. в час. Сверхурочные работы оплачивались в полуторном размере. Осенью 1917 г. тариф был повышен. В 1917 г. несколько раз повышалась плата за командировки и больничная плата. Больничную плату за увечья выдавали (с ноября 1917 г.) в размере полной тарифной ставки, за обыкновенные болезни—⅔ тарифной ставки и роженицам—¾ тарифной ставки. Больничная плата выдавалась всем, независимо от семейного положения рабочего и времени его пребывания на заводе в течение 2—4 месяцев.

Штрафы и вычеты за проступки были отменены.

В конце 1917 г. был заключен тарифный договор между союзом металлистов и обществом фабрикантов и заводчиков. В 1918 г. тариф дважды менялся [14]. Рабочие Обуховского завода были в конце 1918 г. разбиты на 4 группы (каждая группа—по три категории), причем месячное жалованье выражалось в 500—870 руб. (20—35 руб. в день и 2 р. 50 к.—4 р. 35 к. в час). Средний месячный заработок металлиста в Петрограде (в рублях) был в 1918 г.—663, в 1919 г.—2.270, в 1920 г.—5.740 и в 1921 г.—129 тыс. руб. [15]).

В настоящее время (1923 г.) оплата труда рабочих Обуховского завода попрежнему производится по 17 разрядной тарифной сетке. Средний заработок (вместе со сверхурочными и т. д.) рабочих за апрель 1923 г. выражался в следующих цифрах: по I разряду заработок колебался от 264 до 338 руб., по VI разряду—от 552 до 1514 р. и по IX разряду—от 564 до 2526 р. [16]).

Стоимость 10-рублевого набора продуктов и предметов первой необходимости, по данным Петроградского губернского статистического отдела, выражалась в следующих цифрах: на 31 марта—350 р. 43 к., на 4 апреля—357 р. 19 к., на

---

[14]) См. «Известия ВЦИК'а» за 1918 г., № 12 и «Сев. Коммуна» за 1918 г., № 21.

[15]) О зараб. плате, вздорожании жизни, рабочем бюджете [illegible] («Статистический сборник по Петрограду и Петроградской губернии» (1922), стр. 61—75 и 250—260.

[16]) [illegible] Цифры показаны в рублях [illegible] 1922 г.

10 апреля—375 р. 82 к., на 14 апреля—386 р. 22 к., на 20 апреля—417 р. 37 к., на 25 апреля—433 р. 92 к. и на 30 апреля—470 р. 82 к., а в среднем за апрель — 398 р. 87 к.

Рабочий день.

По правилам 1898 г. работа производилась с 6½ час. утра до 12 час. дня и с 1½ час. дня до 6 час. веч. По субботам работы производились от 6½ час. утра до 2 час. дня. Сверх занятий по техническим работам, рабочие должны были являться, без особой платы, для подания помощи в чрезвычайных случаях, напр., при пожарах.

В 1902 г. в докладной записке морскому министерству, составленной по поводу волнений среди рабочих, говорилось о рабочем дне следующее: Работы бывают механические и металлургические или огненные. Механические работы можно, по мнению автора докладной записки, сократить до 8 час. в день, так как "никто не в состоянии более 8 часов напрягать свои физические силы". Совсем другое в металлургических мастерских, где успешность огненных операций находится в прямой зависимости от продолжительности действия огня. Но здесь сокращение рабочего дня диктуется тем обстоятельством, что в этих мастерских много дыма, пыли, жара или холод... С 1902 г. рабочее время в металлургических мастерских продолжалось 12 часов, в механических—9 часов, причем существовали дневные или ночные смены. В разных мастерских во всем его производстве или отдельных частях, смотря по надобности, мог быть устанавливаем 9-ти или 12-ти часовой рабочий день. Переход от 9-ти часового дня к 12-ти часовому или наоборот производился с предупреждением об этом рабочих за 2 недели, исключая случаев установления работ по ремонту печей и механизмов. При 12-часовом рабочем дне работа дневной смены происходила с 7 час. утра до 7 час. веч. и ночной смены—с 7 час. веч. до 7 час. утра. На обед рабочих домой не отпускали и пищу принимали в свободные промежутки среди работы. При 9-часовом рабочем дне работа производилась с 7 час. утра до 5½ час. вечера с перерывом для обеда от 12 час. до 1½ час. дня. В случае надобности рабочего могли не отпускать на обед, но в таком случае его рабочий день кончался в 4 час. дня. Ночная смена начинала работу в 5½ час. веч. и работала до 2½ час. ночи, без перерыва. В станочной и снарядной мастерских дневная смена работала с 7 час. утра до 7 час. веч., с 1½ часовым перерывом на обед, а ночная смена работала с 7 час. веч. до 5½ час. утра с ½ часовым перерывом (с 12 час. до 12 час. 30 мин. ночи) для отдыха и принятия пищи.

Дни, в которые работа на заводе не производилась об'являлись ежегодно особым расписанием. По субботам и предпраздничным дням дневная смена работала с 7 час. утра до 1½ час. дня без перерыва, а ночная—с 1½ час. дня до 8 час. веч. без перерыва.

Машинисты и [illegible] обязаны были выходить на работу заблаговременно, чтобы [illegible] машины были готовы к действию к началу работ. Они не в праве были оставить работы до прихода своей смены. Если смены [illegible] работу [illegible] не могли заменить другим рабочим, [illegible]

остаться на работе до начала своей следующей смены. В этом случае общая продолжительность его работы не могла быть более 24 часов в течение 2-х суток.

С июля 1914 г. работы производились также в праздничные дни. Отпусков рабочие на заводе не имели; в 1913 г. рабочие подняли вопрос об отпусках, но просьба рабочих была отклонена.

После февральской революции 1917 г. был введен 8-часовой рабочий день и все работы (сверхурочные, работы по ремонту, работа кочегаров и машинистов и т. д.) производились из расчета 8-часового рабочего дня.

Наем.

При поступлении на завод рабочий подвергался медицинскому освидетельствованию. Годных по здоровью ставили для испытания на ту работу, для которой они нанимались. Испытание продолжалось не более 12 рабочих дней. В случае отказа от работы за дни испытания рабочие расчитывались по 90 коп. за рабочий день. Во время испытания рабочий не был связан с заводом никаким договором и мог когда угодно отказаться от работы. Равным образом, ему могли отказать от работы в любой день испытания без предупреждения. При поступлении на завод рабочий давал подписку в том, что он обязуется подчиняться беспрекословно распоряжениям администрации, а также правилам внутреннего распорядка. "В случае участия моего в забастовке, я подвергаюсь немедленному увольнению без предупреждения меня за две недели". Кроме того рабочие давали подписку в том, что обязаны хранить в тайне все сведения, доверяемые им при работах.

В 1909 г. при Обществе фабрикантов и заводчиков был организован справочный отдел, куда члены общества (т. е. заводы и фабрики) должны были сообщать сведения о всех расчитываемых ими рабочих. Члены общества имели право обращаться в справочный отдел за рабочей силой. Отдел сообщал предприятию адреса рабочих. Предприятия могли нанимать рабочих и помимо отдела, но при найме они должны были посылать туда сведения по определенной форме. Отдел наводил о таких рабочих справки и сообщал предприятию все необходимые о них сведения. Сведения о рабочих, уволенных "в силу каких-либо причин морального свойства (насилие, кража и т. п.)" заносились на особые карточки, отсылаемые в справочный отдел. Последний, "получив такую карточку, заносит ее в особый реестр и затем при получении уведомительного бланка о найме каким-либо заводом или фабрикою рабочего, сообщает о нем соответствующие сведения". Уведомительный бланк возвращался в предприятие, когда у отдела "окажутся о нанятом рабочем полезные для предприятия сведения". В "правилах внутреннего распорядка" было также оговорено, что о вновь поступивших рабочих наводились справки, и "в случае неудовлетворительности полученных о мастеровом справок, последний немедленно расчитывался".

В мальчики принимались по очереди дети рабочих. Но до 1909 г. это правило не всегда соблюдалось и заведывающие мастерскими брали, уступая просьбам родителей, мальчиков вне очереди и иногда в возрасте до 14 лет.

В 1916 г. на заводе существовали три категории рабочих: вольные (они могли свободно переходить на другую службу), призванные на военную службу, но оставленные для исполнения работ (при увольнении они подлежат отправке на фронт), и военнообязанные, но получившие отсрочку (также не могли перейти на другую службу).

Увольнению рабочие подлежали за пред'явление чужого номера или передачу своего номера другому лицу и за попытку к краже заводского имущества. В случае массового нарушения правил внутреннего распорядка или самовольного прекращения работы рабочие немедленно расчитывались с уплатою заработка только по день массового нарушения.

Пенсии и пособия.

С 1898 г. на Обуховском (и Балтийском) заводе выдавались постоянным рабочим пособия за долговременную службу. Право на пособие приобреталось выслугою лет и участием в течение выслуженных сроков в госуд. сберегательной кассе. Участие в этой кассе было обязательное. Вычеты в кассу производились при каждой выдаче зар. платы в размере 3%. Размер выдаваемого пособия определялся таким образом: 10 лет службы давали право на получение пособия в размере 30% с суммы личных сбережений; каждый, следующий, после 10 лет и до 15-ти, год увеличивал размер пособия на 2%; после 15 до 20 лет каждый год увеличивал размер пособия на 2%, после 20 до 25 лет на 4% и, наконец, после 25 до 30 лет на 5%. Срок выслуги пособия сокращался для рабочих, занятых на вредных для здоровья работах или уволенных за сокращением штатов. Уволенные за преступления и проступки лишались права на получение пособия. Для выдачи пособий в ведении правления Обуховского завода имелся особый вспомогательный капитал, в доход которого поступали проценты на означенный капитал, штрафные деньги, взыскиваемые с рабочих, прибыль от бань Обуховского завода и случайных поступлений.

В 1908 г. для вновь поступающих на завод правила о пособиях за долговременную службу были отменены и участие в госуд. сберег. кассе было об'явлено добровольным; лицам, желающим перейти в новую сберег.-вспомогательную кассу морского ведомства, было выдано за выслуженное вспомоществование.

В 1906 г. организовалась сберегательно-вспомогательная касса морского ведомства. Касса была учреждена для лиц, не пользующихся правами на пенсию за службу. В члены кассы принимались все рабочие и служащие, за исключением поденных и учеников моложе 17 лет. Участие в кассе было добровольное, но участник кассы, т. е. уже вступивший в кассу не мог отказаться от участия. Вновь принимаемые рабочие состояли (с 1912 г.) обязательными участниками кассы.

Средства кассы состояли из капиталов: сберегательного, вспомогательного и особого фонда.

В сберегательный капитал делались вычеты из заработной платы в размере 6%.

В вспомогательный капитал поступали отчисления морского министерства, равные половинной сумме поступающих с участников кассы вычетов; эти отчисления расписывались по личным счетам участников.

Особый фонд составляли капиталы упраздненных касс портов и заводов морского ведомства, из процентов которого выдавались единовременные пособия в случае нужды или болезни. Участники кассы получали выдачи из сберегательного капитала полностью, т. е. все, что числилось по личному счету каждого участника. Выдачи производились при оставлении службы. Но из сберег. капитала могли производиться выдачи по истечении двух лет со дня вступления в кассу, но в размере не более половины всей суммы, которая числилась по личным счетам участников.

Пособия из вспомогательного капитала выдавались в зависимости от категорий, на которые рабочие были разделены по роду работ и специальностям, и количества лет службы. Так, напр., участники кассы по I категории (маляры, медно-литейщики, меднолавильщики, меднопрокатчики и др.) могли получать пособия в размере 25% после 3 лет службы и в размере 100% после 12 лет службы; участники кассы по II категории (инструментальщики, кузнецы, молотобойцы, клепальщики и др.) получали пособия лишь после 4 лет службы в размере 26,7% и после 15 лет—в размере 100%, участники по III категории (модельщики, пильщики, каменьщики и др.) могли получать пособия после 6 лет службы в размере 30% и 20 лет—в размере 100%; участники по IV категории (огнесные, вахтера, кладовщики, конвоиры и др.) начинали получать пособия лишь после 8 лет службы в размере 32% и 25 лет—в размере 100%. Полная сумма по вспомог. капиталу, независимо от числа лет службы, выдавалась участникам которые по болезни или от увечья лишились трудоспособности. Лица, оставлявшие службу не свыше одного года с разрешения начальства, а также на время отбывания воинской повинности, продолжали оставаться участниками кассы. В случае вторичного поступления лиц, уволенных за сокращением штатов или временной потери трудоспособности, суммы, числившиеся на их счету по вспомог. капиталу по оставления службы, обратно на их счета не поступали.

Из особого фонда участникам кассы выдавались пособия на лечение, на погребение, на случай пожара или другого несчастья, семье участника в случае его смерти и т. д. Пособия из особого фонда назначались в размере не более 4-месячного оклада годового содержания или 86-кратной поденной платы в случае потери трудоспособности или смерти участника кассы. В остальных случаях пособия выдавались в размере не более 2-месячного годового содержания и 43-кратной поденной платы. В исключительных случаях пособия выдавались в больших размерах или вторично одному и тому же лицу, но с разрешения управляющего морским министерством. Во главе кассы стояло управление при морском министерстве; заведывающий делами кассы назначался высочайшим приказом, а прочие чины управления назначались морским министром. В состав местных комитетов на заводах и портах входили выборные от участников кассы в числе 4 чел., из коих один должен был избираться из служащих в административных учреждениях; председатель комитета назначался со стороны заводского или портового начальства.

В 1906 г. были опубликованы "правила о вознаграждении потерпевших вследствие несчастных случаев ...рабочих ...морского ведомства, а равно членов семейств". Согласно этим правилам потерпевшим выдавались пособия или пенсии.

Пособия выдавались в случае временной потери трудоспособности и в размере ½ действительного заработка потерпевшего.

Пенсии назначались в случае постоянной потери трудоспособности. При полной ее утрате потерпевшему выдавали пенсию в размере ⅔ годового содержания, а при неполной утрате—в уменьшенном размере, в зависимости от степени ослабления трудоспособности. Сверх того потерпевшему возмещались расходы на лечение, если он не пользовался бесплатною мед. помощью от морского ведомства. В случае смерти потерпевшего, последовавшей немедленно за несчастным случаем или во время лечения, или же не-позднее 2 лет со дня несчастного случая, если лечение было прекращено раньше, пенсия выдавалась семейству умершего в размере не более ⅔ годового содержания умершего. Кроме того возмещались расходы на похороны в размере 30 руб. для взрослого и подростка и 15 руб. для малолетнего. Вознаграждение потерпевшим не выдавалось в случае доказанного умысла со стороны самого потерпевшего.

Пособия и пенсии для рабочих Обуховского завода назначались правлением завода. В случае недовольства можно было подать жалобу по начальству или предъявить иск.

Для получения пенсии (по почте) надо было представить удостоверение волостного правления в том, что пенсионер не подвергался случаям, лишающим его права на получение пенсии, не состоит на государственной или частной службе.

Правила 1906 года о пособиях и пенсиях не обеспечивали инвалидов, лишенных трудоспособности по старости, и завод держал их из милости хотя они не только не приносили пользу, но "вред, в смысле дезорганизации рабочей дисциплины".

В 1913 г. рабочие просили о распространении на них государственного страхования, введенного на частных заводах, и о реформировании пенсионного устава; в просьбе было отказано, равно как в просьбе об открытии богадельни для престарелых и инвалидов [17]).

В августе 1917 г. было введено страхование рабочих, в 1918 г.—социальное страхование, а в 1922 г. организовалась касса взаимопомощи.

Медицинская помощь, заводские квартиры и школа.

Каждый рабочий, его семья (не исключая внебрачных детей и их матерей) и живущие на его иждивении родители, имели право пользоваться бесплатно врачебною помощью от завода, с бесплатною выдачею лекарств по рецептам заводских

[17]) Основатель завода Обухов завещал капитал для постройки богадельни, но воля покойного не получила осуществления.

На Обуховском заводе с давних пор разрешалась отливка крестов из чугуна на могилы умерших рабочих медно-чугунно- и сталелитейных мастерских, а также на могилы рабочих, погибших во время работ. Каждый крест обходился заводу в 5 руб.

врачей. Бесплатная помощь выдавалась только в амбулатории или заводской больнице. Но больница была слишком мала и часто приходилось отказывать семьям рабочих в коечном лечении. Поэтому, медицинская помощь оказывалась на дому.

В 1909 г. при заводе был открыт родильный приют для жен рабочих. Акушерская помощь оказывалась исключительно в приюте, а при неимении мест в приюте также на дому.

В 1905 г. завод построил для жилья пять домиков, в которых могли жить рабочие. При сдаче в наем квартир в заводских домиках принимались во внимание число лет службы, число членов семьи и качество работы мастерового; качество работы отмечалось определенным числом, в зависимости от разряда, напр., качество работы мастеровых VI разряда равнялось 12-ти. Первым кандидатом на квартиру считался тот, кто имел наибольшее число, полученное от произведения числа лет на число членов семьи и на качество работы. Таким образом, рабочие получали квартиры по очереди, в зависимости от размера квартирного числа. Ежегодно производилась проверка квартирных чисел, так как оно могло уменьшаться в зависимости от перемены семейных обстоятельств живущего. Если квартирное число уменьшалось более, чем на половину, рабочий лишался квартиры, и снова становился в очередь на получение квартиры. После смерти рабочего, семья его могла жить на квартире не более шести месяцев. В 1916 г. завод занял для рабочих колонии Ново-Александровскую, Ново-Саратовскую и Уткину Заводь.

При заводе имелась школа для детей рабочих, в которой обучалось более пяти сот детей обоего пола. Но ежегодно не попадало в школу около 150 детей. Дети рабочих принимались по очереди по правилам, установленным для распределения квартир в заводских домиках. Сироты бывших рабочих завода принимались вне очереди. В 1916 г. школа была расширена, но далеко не удовлетворяла нужды рабочих. При заводской школе существовали вечерние классы для взрослых рабочих.

Старосты.

В 1905 г. во всех портах и заводах морского ведомства был введен институт старост для посредничества между рабочими и начальством "в вопросах, касающихся исполнения условий найма и быта мастеровых и рабочих". Старосты назначались начальством по одному на каждую группу рабочих из числа пяти кандидатов, избираемых рабочими по каждой группе. Распределение рабочих по группы производилось начальником завода, по соображениям рода и места работ или общности интересов лиц, входящих в состав группы, с таким расчетом, чтобы численность группы, не превышала 250 чел. В выборах могли участвовать рабочие не моложе 21 года. В кандидаты избирались рабочие в возрасте не моложе 25 лет, грамотные, прослужившие на заводе не менее двух лет и не состоящие под судом и следствием. Если начальник завода не утверждал старосту из числа избранных кандидатов какой-либо группы, назначались новые выборы, но если же и из числа кандидатов, избранных на вторых выборах, нач. завода не найдет возможным избрать и утвердить старосту, то такая группа рабочих оставлялась без старосты до следующих выборов. Старосты выбирались на два года. Старосты, "не

удовлетворяющие" своему назначению, устранялись начальником завода до истечения срока.

Старосты могли принимать от рабочих заявления, но относящиеся лишь к условиям найма и быта рабочих. Заявления вносились в особую книгу и не позже следующего дня представлялись начальнику завода. Коллективные ходатайства, помимо старост, не принимались. Но каждый рабочий имел право, не прибегая к посредничеству старосты, ходатайствовать лично для себя.

Для обсуждения вопросов, касающихся условий найма и быта рабочих, старосты могли устраивать, с разрешения начальника завода, собрание рабочих своей группы в нерабочее время. На собрании могли участвовать все рабочие в возрасте не моложе 21 года. На собрание мог быть назначен от заводоуправления представитель, который не принимал участия в прениях, но имел право закрыть собрание, если оно входило в обсуждение вопросов, не упомянутых в утвержденной программе собрания.

Для исполнения своих обязанностей старосты освобождались, по усмотрению начальника завода, от работ, с сохранением заработной платы. Кроме того старосты получали добавочную плату в следующих размерах: получавшие месячную или цеховую плату—25% и получавшие сдельную плату 40—50%, причем добавка эта расчитывалась на цеховую плату. С разрешения начальника завода, старосты разных групп могли собираться для обсуждения общих вопросов в присутствии представителя от заводоуправления. На соединенном заседании председательствовал один из старост, по усмотрению начальства, или представитель заводоуправления. Заявления общего характера, поданные начальнику завода через старост и оставленные им без удовлетворения, представлялись товарищу морского министра и рассматривались в особом совещании из представителей портов и заводов морского ведомства.

Забастовки.

Волнения среди рабочих Обуховского завода, возникшие в 1901 г., подробно описаны историками революционного движения [18]). 1 мая 1901 г. не вышло на работу до полуторы тысяч рабочих. После этого начались расчеты и аресты рабочих, участвовавших в первомайской забастовке. В знак протеста рабочие об'явили 7 мая 1901 г. забастовку, требуя освобождения и возвращения расчитанных рабочих и т. д. Дело дошло до столкновения с войсками, причем последние были оттеснены. Перепуганная администрация вступила в переговоры с рабочими; последние выдвинули требования 8-часового рабочего дня, легализации 1 мая, признания выборных от рабочих, увеличения расценок, уничтожения сверхурочных работ и т. д. Значительная часть требований была удовлетворена, но через некоторое время администрация взяла назад свои уступки. В ответ на это, рабочие 7 июля 1901 г. снова забастовали, но правительство подавило забастовку, арестовав и выслав из

[18]) См. брошюру Д. Рязанова «Обуховское дело» (3-е издание, 1918 г.) и статью Р. Арского «Обуховская оборона» в «Петр. Правде» от 19 мая 1923 г., а также заметки А. Блека «Против забастовок на заводах морского ведомства» в «Архиве истории труда в России», кн. I.

столицы свыше 1000 чел. рабочих. Помимо того 37 рабочих было предано суду за участие в событиях 7 мая, причем большинство из них было осуждено.

Небольшой след от событий 1901 г. остался в архиве завода; сохранилась докладная записка, написанная для морского министерства, выдержки из которой приведены в некоторых местах настоящей статьи. На ряду с вопросами о необходимости сокращения рабочего дня, увеличения платы, улучшения санитарных условий и т. д., докладная записка [19]) говорит о пресловутых обысках, которым рабочие подвергались при выходе из мастерских. Автор записки предлагал обыск отменить "как во-первых, недостигающего цели, а во-вторых, унижая нравственное достоинство мастеровых, он, с одной стороны, способствует развращению людей, привыкающих к тому, что их огульно считают ворами, а с другой стороны, ежедневно накопляет в них чувство неудовольствия и вызывает ропот. Таким образом, его не только надо уничтожить, но уничтожить как можно скорее, в ожидании новых беспорядков, при которых неминуемо воспоследует снова требование мастеровых о его отмене". Вместо обыска автор предлагал усилить охрану мастерских, установить личную ответственность рабочего за выданный ему инструмент и круговую поруку мастеровых за выданный на работу материал.

На самом деле обыски не были совершенно уничтожены и возможность рабочего подвергнуться обыску была оговорена в правилах внутреннего распорядка.

1 мая 1908 г.[20]) не вышло на работу 1158 рабочих. Начальник завода об'явил, что 1 мая работы производятся в обычном порядке, но желающие могут получить увольнительные записки у заведывающего мастерскими без ограничения.

По этому поводу премьер-министр П. Столыпин отправил 8 мая 1908 г. морскому министру П. Дикову письмо следующего содержания:

"По дошедшим до меня сведениям, рабочие Обуховского сталелитейного завода через своих старших просили начальника завода освободить их от работы в день 1 мая; начальник оффициального разрешения не дал, но посоветовал желающим не работать в этот день, не подвергаясь замечанию, взять увольнение от своих старших мастеров; записалось не желающих работать 400 рабочих.

Находя, с своей стороны, что такой образ действия начальника завода является совершенно недопустимым потакательством демонстрациям рабочих, считаю долгом обратить на сие внимание Вашего Высокопревосходительства, с покорнейшею просьбою принять самые решительные меры к предупреждению повторения подобных случаев".

На письмо П. Столыпина П. Диков ответил следующее:

"Товарищ Морского Министра сообщил начальнику Обуховского завода, равно как и остальным трем начальникам заводов морского ведомства в С.-Петербурге, что

[19]) «Докл. записка» анонимная и написана карандашом.

[20]) О рабочем движении 1905 г. в заводском архиве данных не имеется. О праздновании 1 мая 1908 г. сведения взяты из заводского архива и историко-революционного архива (дело № 125 за 1908 г., 4-ое делопроизводство, департамента полиции. «Празднование 1 мая»).

Сведения о волнениях и забастовках после 1908 г. нами взяты из тех же архивов (дела департамента полиции, 4-ое делопроизводство, № 61 «По СПБ губернии. Рабочее движение» за 1912, 1913, 1914, 1915 и 1917 гг.).

он не усматривает необходимым штрафовать тех рабочих, кои просили об увольнении их от работ на день 1-го мая по тем или другим причинам, приказав вместе с тем, чтобы рабочим не оказывалось никаких особых льгот в этот день, вроде окончания работ в 2 часа дня и т. п.

Из числа 4.300 человек рабочих Обуховского завода увольнительные билеты взяло до 480 человек и почти все из них стали на после-обеденные работы, причем никаких демонстраций и внешних проявлений празднования этого дня на заводе не было".

1 мая 1912 г. рабочие Обуховского завода прекратили работы в 11 час. утра и с пением марсельезы ушли с завода. После обеда к работам приступили 200 чел., а многие администрацией завода не были допущены к работам "из опасения активных выступлений с их стороны".

Рабочим, вышедшим из завода 31 октября 1912 г. до гудка, морской министр разрешил уплатить за время действительно проведенное ими в этот день на работах.

9 января 1913 г. на Обуховском заводе бастовало 5.600 чел. Неявившиеся на работу были оштрафованы с предупреждением, что при повторной неявке они будут уволены. 10 января рабочие, не приступили к работам, требуя сложения наложенных штрафов. В тот же день начальник завода имел переговоры с товарищем морского министра, который категорически отклонил требования рабочих, "считая со стороны мастеровых, работающих на казенном заводе, ознаменование воспоминания дня 9 января оставлением работ недопустимым". В виду того, что ответ высшего начальства вызвал среди рабочих возбуждение, начальник завода разрешил устроить по мастерским голосование, согласны-ли рабочие приступить к работам или нет. Голосование было закончено около 5 час. дня, причем незначительным большинством решено было приступить к работам. Однако, 16 января, рабочие оптической мастерской об'явили, что не приступят к работам до тех пор, пока не будет принят один рабочий, состоящий на испытании, которому было отказано в приеме. Забастовавшие были расчитаны и мастерская была временно закрыта. 8 апреля собрание служащих было закрыто морским министром за "резолюцию недисциплинарного содержания". В июле рабочие были расчитаны за "самовольное прекращение работ" и завод был закрыт до сентября 1913 года. 14 октября в правление завода была отправлена докладная записка механика завода о рабочей забастовке, происходившей от 29 июля до 26 сентября 1913 г. В ней участвовала ремонтная мастерская, и в том числе все трубопроводчики. "Со стороны бастовавших был устроен тщательный надзор друг за другом, дабы никто из них не работал на заводе; исключение было сделано только для дежурств, так как порча труб не могла входить в интересы бастовавших; таким образом в заводе дежурили по очереди все водо- и паропроводчики, исправляя все случайные повреждения в заводских трубах и на квартирах. Работать по прокладке новых труб водопроводчики отказывались, ссылаясь на жестокое возмезие со стороны бастовавших". Начальник завода вел переговоры со стачечниками, угрожая судебными карами. Но "от них был получен самый решительный отказ стать на работу, так как, по их мнению, легче отсидеть три месяца в тюрьме, чем быть

искалеченным или убитым" со стороны стачечников, в случае, если кто-нибудь из них будет штрейкбрехером. Тогда завод заключил условие с одним подрядчиком, но "он не посмел даже поставить людей на работу из-за угроз бастовавших". Рабочие, поставленные другими подрядчиками "работали не долго: после первого же дня они оставили работу, ссылаясь на то, что им грозят избиением бастующие". То же самое было с третьим подрядчиком, а четвертый, "узнавши обстановку будущей работы, отказался от принятия подряда".

По сведениям охранного отделения забастовка с июля по сентябрь 1913 г. протекала таким образом:

26 июля 1913 г. забастовало 57 рабочих в снарядно-закалочной мастерской, в виду отмены выдачи премии, которую они получали с выработки сверх заработной платы. Забастовавшие были уволены.

Это вызвало "заметное волнение" среди всех рабочих завода и 27 июля рабочие подали коллективные обращения через старост к начальнику завода, с просьбою принять обратно уволенных рабочих. По окончании работ рабочие собрались на дворе; к ним вышел начальник завода и обещал возбудить ходатайство перед морским начальством об обратном приеме рабочих на лучших условиях. После этого рабочие "спокойно разошлись" по домам. Однако, морской министр отказался удовлетворить требования рабочих. 29 июля рабочие, не приступив к работам, вновь потребовали обратного приема уволенных рабочих и увольнения одного сторожа, которым многие из рабочих были недовольны "за строгое отношение к обыскам рабочих при выходе из завода". Начальник завода не удовлетворил новые требования, после чего все рабочие бросили работу. Морской министр велел закрыть завод и уволить всех рабочих.

В августе 1913 начальник завода отправил товарищу морского министра письмо следующего содержания:

31 июля 1913 г. "мною были вызваны рабочие электрического и технического отделов, необходимые для освещения и водоснабжения заводов. Я им указал в присутствии местного пристава на совершенную необходимость для завода иметь освещение и отопление и предложил немедленно приступить к исполнению своих обязанностей". Начальник завода угрожал рабочим привлечением к уголовной ответственности. "На это со стороны мастеровых последовали заявления, что они находятся в совершенной невозможности исполнять свои обязанности, т. к. и теперь, когда они шли для разговоров со мной, им угрожали насилием вплоть до лишения жизни". "Сегодня утром кочегары технического отдела, шедшие в завод, чтобы исполнить свои обязанности на водокачках, встретили вблизи завода толпу людей, которая их сортировала, пропуская на водокачку — бессемеровскую, которая снабжает водою баню, общественную лавку и дома, в которых живут рабочие, не пропуская в то же время на другие водокачки, которые также необходимы в настоящее время на случай пожара".

Из-за угроз со стороны забастовавших прекратилось также жел.-дорожное движение с полустанком "Обухово".

После закрытия завода, от имени рабочих начальник завода получил анонимное письмо, содержащее следующие дополнительные требования:

1) увеличение платы постоянным рабочим на 25%, 2) установить плату чернорабочим не менее 15 коп. за час, 3) перевести поденных рабочих в постоянные, 4) отменить сверхурочные работы, 5) обратное принятие всех рабочих, 6) уплаты за время забастовки, 7) за забастовку никто не должен пострадать и 8) вежливое обращение. Требования эти были отклонены.

Уволено было свыше 5.000 рабочих. Продолжали работать около 800 чел., не рабочие техн. и электр. отделов приступили к работам, вследствие угроз со стороны начальства. Некоторое время на их место были вызваны матросы, но они "по недостатку опытности или преднамеренно неправильной работой машин испортили провода электр. освещения и последние перегорели, вследствие чего освещение завода прекратилось".

Переговоры начальника завода со старостами о возобновлении работ не привели ни к каким результатам. Часть рабочих раз'ехалась по домам в провинцию, т. к. на другие заводы их не принимали.

Для охраны движения по ж.-д. ветке к полустанку "Обухово" были прикомандированы два вооруженных городовых. Департамент полиции просил градоначальника "не отказать в принятии мер к недопущению насилий со стороны забастовщиков, а также ограждение рабочих, желающих работать".

8 августа, в местности за р. Славянкой, полиция задержала 22 рабочих Обуховского завода. "Они участвовали в неразрешенном собрании рабочих того же завода, но большая часть таковых успела разбежаться при приближении полиции". На месте митинга полицией были подобраны прокламации Петерб. Комитета Р. С.-Д. Р. П. по поводу репрессивных мер правительства против забастовок и рабочей печати.

12 ноября забастовали рабочие пушечных и снарядных мастерских. 13 ноября к забастовавшим присоединились рабочие некоторых других мастерских. Забастовавшие были уволены. 22 ноября начальник завода об'явил, что "до тех пор, пока мастеровые не начнут работать, нельзя вести переговоры со старостами".

По донесению агента охранного отделения от 4 января 1914 г., на Обуховском заводе рабочие бастовали с 13 ноября 1913 г. в числе 4.900 чел. Забастовка возникла в виде протеста против распоряжения начальника завода об увольнении до 300 чел. рабочих пушечной мастерской за нарушение ими правил внутреннего распорядка, выразившегося в том, что 11 ноября 1913 г. они, по окончании работ, разошлись помимо контрольных часов, поставленных у входов в некоторые мастерские для пропуска рабочих, что задерживало их на минут 15. Все бастующие были уволены, кроме рабочих технического, железнодорожного и электрического отделов, которым было об'явлено, что они не могут быть уволены в виду характера их работ, но в случае продолжения забастовки они будут привлечены к уголовной ответственности. 9 декабря 1913 г. было об'явлено о найме новых рабочих.

Однако, новый набор не имел никаких результатов. Рабочие пред'явили требования об уничтожении контрольных турникетов для пропуска рабочих в мастерские и обратно, о повышении заработной платы на 15% и об обратном приеме забастовавших (участников обеих забастовок 1913 г.) или о выдаче им аттестатов о службе и неимении препятствий к поступлению на другие заводы. Требования эти были отклонены и 30 декабря 1913 были вывешены дополнительные об'явле-

ния о том, что желающие работать на заводе могут подавать заявления. Но и это об'явление не имело успеха, так как поступило всего 240 заявлений.

По мнению охранного отделения, ликвидация забастовки рабочих Обуховского завода затягивалась поддержкой общества потребителей при заводе. В начале декабря 1913 г. членам Общества, в состав которого входили почти все рабочие Обуховского завода, был разрешен кредит на ежедневный забор продуктов холостым на 50 коп., а семейным от 80 до 1 руб., в зависимости от числа членов семьи.

По сообщению агента охранного отделения от 20 января 1914 г. забастовка на Обуховском заводе пошла на убыль. Число работающих дошло до 1.590 чел., а число бастовавших уменьшилось до 4.390 чел.

К тому времени стало известным, что "20 января будут даны на заводе гудки в обычное время, при чем все бывшие мастеровые и рабочие, числившиеся в списках завода в день прекращения работ, приглашаются явиться с паспортами в свои мастерские для получения номеров и начала работы".

20 января работы на Обуховском заводе возобновились полностью. Поставленные ранее в двух отделениях пушечной мастерской завода контрольные часы были временно упразднены вплоть до приобретения таковых для всех мастерских завода. Из числа нескольких рабочих, ранее препятствовавших возобновлению работ, сведения о которых были сообщены администрацией завода и приставом Александровского участка, охранное отделение арестовало 5 чел., "о коих имелись более или менее неблагоприятные в политическом отношении сведения".

24 января 1914 г. на заводе снова произошла забастовка. До июля 1914 г. при заводе постоянно находилась команда из одного околоточного и двадцати городовых. С июля 1914 г. на улице у завода был поставлен пост из трех городовых содержимых на средства завода.

В июле 1914 г. рабочие Обуховского завода принимали участие в рабочих волнениях, охвативших большинство петербургского пролетариата.

9 июля 1914 рабочие Обуховского завода бросили в 3 часа дня работу и "при выходе из завода пытались петь революционные песни, но по требованию полиции это прекратили; по пути следования рабочие предлагали закрывать питейные заведения, а против карточной фабрики опрокинули 2 вагона Невской городной жел. дороги". Один околоточный "был избит толпой и толпа отобрала у него шашку".

10 июля рабочие в числе 6,000 чел. столпились у ворот и начали петь революционные песни.

Полиция рассеяла собравшихся. После этого 400 чел. обуховских рабочих собрались на другом месте, выкинули красный флаг, сняли с работы рабочих карточной фабрики и двинулись вместе с ними по Шлиссельбургскому проспекту. Здесь они были встречены полицией и рассеяны. Из толпы были брошены камни и один рабочий, кричавший толпе при ее разгоне: "товарищи, чего вы испугались 5-ти городовых", был задержан с камнем в руке.

9 июля 1915 г. один рабочий снарядной мастерской, недовольный назначенным расценком за сданную им работу, вступил в об'яснение с заведующим мастерской, "во время которого держал себя в высшей степени дерзко", за что он был

уволен. Тогда рабочие снарядной мастерской в числе 361 чел. бросили работу, пред'явив требование об обратном приеме уволенного рабочего и увеличении расценок. Требование было удовлетворено.

10 августа 1915 г. рабочие Станочной мастерской пред'явили требование о прибавке по 20% на каждый заработанный рубль за сверхурочные и ночные работы.

Ожидая разрешения этого вопроса, дневная смена не осталась на сверхурочные работы, а ночная смена в числе 110 чел. совершенно не приступила к работе.

В 1916 г. происходили брожения на почве продовольственных затруднений. Брожение выражалось в частичных приостановках работ и в попытках организовать массовое обсуждение продовольственного вопроса. В государственной думе был пред'явлен запрос, в котором указывалось, что "на Балтийском, Обуховском и др. заводах все чаще насчитываются случаи отправки вольных рабочих, нередко по возрасту еще не подлежащих призыву в войска, нередко рабочих в 42—45 лет, в военно-морские карцеры, куда они заключаются на разные сроки, причем иногда сидят на хлебе и воде". Но начальник завода сообщил морскому министерству, что таких случаев на Обуховском заводе никогда не было.

В январе 1917 г. рабочие некоторых мастерских бастовали, в виду неудовлетворения требований о повышении заработной платы. Начальник завода угрожал забастовавшим закрытием мастерских. Последняя забастовка произошла в февральские дни 1917 года.

Макс Гордон.

Экономическое положение рабочих-металлистов до 1905 года.

I.

Вплоть до освободительной реформы русская горно-заводская промышленность в значительной степени покоилась на принудительном труде. Принудительный труд водворился на горных заводах разными путями и в разных формах. Первоначально это совершалось в виде приписки государственных крестьян к заводам. Такая приписка, начавшаяся в 17 веке, получила со времени Петра широкое применение: в 1714 г. Петр, выстроив Сестрорецкий оружейный завод, приписал к нему 500 мастеровых из числа государственных крестьян; к заводам Демидова, Шувалова и др. крестьяне приписывались целыми тысячами.

В 1721 году был издан знаменитый указ, которым разрешалось наравне с дворянами и "купецким людям" приобретать деревни с крепостными для фабрик и заводов, "однако с той кондицией дабы те деревни всегда были уже при тех заводах неотлучно". От собственно государственных крестьян приписные крестьяне отличались тем, что вместо уплаты податей за числившееся у них число ревизских душ, они должны были отработать эти подати на заводах: за известное число дней проработанных бесплатно на заводе, эти крестьяне освобождались от податей; фабриканты могли требовать от них работы и сверх положения, но этот труд должен был оплачиваться.

Помимо приписных крестьян к заводам прикреплялись еще и так называемые "подлые и неимущие люди" из купечества, нищие и бродяги, а также беглые крестьяне, которые, под именем вечно отданных мастеровых, становились крепостными заводовладельцев. В 1752 г. право купцов покупать населенные имения было подтверждено с тем однако, чтобы купленные крестьяне становились собственностью предприятия, но отнюдь не самого владельца. Через 10 лет под давлением дворянства, опасавшегося усиления влияния буржуазии, последовало запрещение купцам и вообще не дворянам покупки крестьян для заводов; лишь в 1798 г. при

[1]) Некоторые данные о горнозаводских рабочих при крепостном праве, изложенные в настоящей статье, хотя и были уже приведены в исследованиях К. Пажитнова (напечатанных в „Архиве истории труда в России"), все же сохраняются здесь, чтобы не нарушить цельности работы. *Ред.*

Павле I, стремившемся ограничить привилегии дворянства, указ 1762 г. был отменен. Благодаря такой поощрительной политике правительства в одном уральском горно-заводском округе к 1844 г. существовало 37 посессионных заводов, с которым было приписано 178 тысяч крестьян.

Рабочий день крепостных рабочих был очень длинен. Первым актом государственного регулирования рабочего времени нужно считать регламент Адмиралтейства, изданный Петром в апреле 1722 г. Согласно § 32 регламента предписывалось в период с 10 сентября по 10 марта звонить в колокол на работу утром за час до восхода солнца, а вечером с работы час спустя по заходе солнца. Обеденный перерыв устанавливался в 1 час—от 11 до 12 час. Рабочий день был определен таким образом зимою в 10 часов, а летом в 13 час. Средним можно было бы считать 11½ час. Указ 1722 г. имел обязательную силу, конечно, только для Адмиралтейства, но фактически им руководствовалась, за отсутствием иных указаний, администрация и других казенных заводов. Нужно однако признать, что и казенные и особенно частные заводы на практике все же обходили этот указ и устанавливали у себя более продолжительный рабочий день. Правилами, например, Алтайского горного правления был установлен 13 и 13½ час. рабочий день в течение всего года. Да и сам указ этот впоследствии подвергался также частым изменениям.

Известным устроителем уральских заводов Геннином в 1723 г. составлен был наказ, глава десятая которого предписывает, чтобы заводские люди находились в работах летом 14, осенью и весною 12, а зимою 10 часов, исключая воскресных и праздничных дней. Глава же одиннадцатая того же наказа гласила следующее: "Понеже здешний народ безмерным леностям подвержен, которой ради не токмо определенными неделями и городскими праздниками довольствуется, но еще многие от обычая и лености празднования умыслили, того ради кроме недель господствующих праздников и государских ангелов с работ не отпущать, а для лучшего известия неработные дни при сем именую": 1 янв., 6 янв., 2 февр., 25 марта, 30 мая, 25 июня, 29 июня, 6 авг., 14 авг., 8 сент., 21 ноября, 24 ноября, 25, 26 и 27 дек.—святки; на пасхальной неделе—понедельник и вторник; Вознесенье—1 день; Троицын день—понедельник; на сырной неделе четверг, пятница, суббота; на страстной неделе—суббота.

Однако и этот распорядок работ не привился и регламентом Берг-Коллегии предписывалось вести работы двумя 12-ти часовыми сменами в течение круглого года, т. е. в течение 250 дней. О такой цифре часто упоминается в штатах уральских заводов, составленных в 1723 и в 1737 г.г., как о норме рабочих дней в году.

В 1806 г. был одобрен доклад министра финансов о том, чтобы работы производились по трем сменам. Каждая из них должна была работать одна днем, другая ночью, а третья пользоваться отдыхом. Однако в 1822 г. нигде не было найдено и следов такой организации работ. Почти у всех рабочих того времени были покосы, а многие имели и пашенную землю. Первоначально время отпуска вполне зависело от усмотрения администрации; но в 1726 г. состоялось определение Берг-Коллегии, которым предписывалось мастеровых и работных людей увольнять для заготовления сена каждый год на неделю. Указом 1819 г. все

мастеровые и рабочие получали отпуска в страдное время на двадцать дней. Правила об отпусках рабочих распространялись также на частные заводы, работающие казенными мастеровыми.

Продолжительность рабочего дня на частных заводах в общем приближалась к казенным заводам, но иногда наблюдались и значительные отклонения в сторону удлинения рабочего дня. В общем, продолжительность рабочего дня фактически ничем и никем не регламентировалась; длина рабочего дня зависела исключительно от усмотрения и произвола владельца предприятия.

В том же, например, Алтае добыча руд и выплавка металлов продолжалась круглый год и днем и ночью, за исключением лишь ремонта печей и горнов или по случаю маловодия в прудах. Для этих рабочих не существовало установленного законом праздничного отдыха. Тоже самое наблюдалось и на Юрюзанском заводе, где работы производились без различия воскресных, праздничных и высоко-торжественных дней.

Как же оплачивался этот труд? Вознаграждение производилось так же, как и в последующее время, в виде повременной или сдельной платы. В первых штатах уральских заводов (1723 и 1737 г.г.) говорится как о первой, так и о второй системе. Последняя применялась в литейном цехе, при углежжении, дегтярном и смолокуренном деле. При выработке штатов в 1827—29 г.г. в основу их были положены уроки и сдельная плата, где только возможно, ибо она "представляет собою действительнейшее средство к одобрению труда и поощрению искусства, увеличивает усердие рабочего, усугубляет его внимание и облегчает надзор за оным".

Несмотря на такие пожелания, сдельная плата прививалась сравнительно туго: на Алтае, например, к началу 19 века она совсем перестала существовать да и на Урале ее распространение сильно сократилось и единственной формой оплаты труда являлась собственно повременная оплата. Средним заработком в 1674 г. в день для работавших полудно было: для мастера 57 коп.; для подмастерья—38 коп.; работника около 10 коп. В год это выражалось, считя 250 рабочих дней в году, для мастера 145 р. 50 к., для подмастерья 95 р. и для работника 25 руб. Вспомогательным рабочим—преимущественно в этот период вольнонаемным—плата устанавливалась: пешему 6 коп., а конному 12 коп.

Принимая во внимание тогдашнюю дешевизну жизни, нужно признать этот заработок сравнительно удовлетворительным, но в 18 в. плата систематически падала, несмотря на то, что предметы первой необходимости все росли в цене. Уже указом 1724 г., впервые регулирующим заработную плату, заработок для вспомогательных рабочих понижался: вводилась одинаковая для всех вспомогательных рабочих плата: летом крестьянину с лошадью 10 коп. в день, без лошади 5 коп., зимою с лошадью 6 коп., без лошади 4 коп. Под давлением, однако, крестьянских волнений заработная плата этой категории рабочих снова медленно поднимается вверх:

	В 1769 г.	В 1779 г.
Пеший работник летом	6 коп.	10 коп.
Конный " "	12 "	20 "
Пеший " зимой	5 "	8 "
Конный " "	8 "	12 "

Не то мы видим у мастеровых. Плата за этот период времени не обнаруживает тенденции к повышению, а остается незыблемою. Жалованье мастерам по первому штату равнялось 24—36 руб.; подмастерьям 15—18 руб.; ученикам и чернорабочим 12—13 рублей в год. По второму же—мастерам 30—36 руб.; подмастерьям 18—24 руб.; ученикам и чернорабочим 10—15 руб. Между тем цифры штата 1766 г. немногим отличаются от них: слесарям полагалось 30 руб., кузнецам по 18 руб., токарям—16 руб. и ученикам 12 руб. и т. д.

В дальнейшем видим ту же картину. На заводах Алтайского горнозаводского района мы можем проследить движение заработной платы по данным местных архивов:

	1769—74 г.г.	1849—61 г.г.
Мастера	24 р.—48 р.	30 р.—48 р.
Подмастерья	18 „ —30 „	— —18 „
Рабочие (высш. разряд.)	20 „ —26 „	10 р.—12 „
„ (низш. „	12 „ —18 „	6 „ — 9 „

Вывод получается следующий: перед падением крепостного права рабочие получали вдвое меньшую плату, чем за сто лет тому назад. И только мастера сумели сохранить или даже несколько повысить плату за свой труд. А жизнь между тем сильно вздорожала: стоимость хлеба поднялась в три раза, а мясо не менее, чем в шесть раз. Это обстоятельство создавало почву для беспорядков и буйств. Поэтому в 18 в. к жалованию стала присоединяться выдача провианта натурой. Выводя среднюю стоимость ржаной муки в 42½ коп. пуд, можно принять стоимость выдаваемого провианта перед падением крепостного права в 10 р. 20 к. для холостого и 30 р. 60 к. в год для семейного. Тогда положение рабочего к концу 60-х г.г. 19 в. представится следующим:

		В начале 18 века.	В 1855—60 г.г.		
		Жалованье.	Жалованье.	Провиант.	Всего.
Мастера	один.	36 руб.	72 руб.	10 руб.	82 руб.
Высш. разряд	семейн.	36 „	72 „	30 „	102 „
Низш. „	один.	24 „	36 „	10 „	46 „
„ „	семейн.	24 „	36 „	30 „	66 „
Рабочие „	один.	18 „	18 „	10 „	28 „
Высш. разряд	семейн.	18 „	18 „	30 „	48 „
Низш. „	один.	12 „	10 „	10 „	20 „
„ „	семейн.	12 „	10 „	30 „	40 „

Инженер Латынин пишет: "Мастеровой получал провиант на себя, жену и все семейство; количество выдаваемой ржаной муки было совершенно достаточно, чтобы обеспечить его хлебом в течение целого месяца, но денежная заработная плата была так мала, что ее недоставало на то, чтобы купить самые необходимые припасы для хозяйства, чтобы быть сытым, обутым и одетым". Между тем работать приходилось в тягчайших условиях. В официальном описании Пермской губернии в 60 г.г. читаем: Болезни, происходящие от образа жизни и рода занятий, особенно развиты между заводскими мастеровыми и рабочими. "Приходилось рабо-

гать и днем и ночью, как при сильной жаре, так и стуже, на чистом воздухе и в рудниках. Здоровью грозила или внезапная опасность, или постепенное влияние вредно действующих условий. Почти каждый род занятий имел свою специфическую болезнь; у дровосеков—раны, ушибы, переломы; у угольщиков—воспаление глаз, дыхательных путей; плавильщики и литейщики страдали ожогами и ревматизмом и т. п.

Заводская администрация не делала ничего для создания в мастерских каких либо предохранительных мер для предупреждений несчастных случаев. Рабочая сила была дешева, и о ней нечего было особенно заботиться. К тому же закон не накладывал на предпринимателя никакой ответственности за несчастные случаи с рабочими.

Правда, по свидетельству известного исследователя горнозаводской жизни Зобнина, дела о несчастных случаях с рабочими, сопровождавшихся смертью, нередко разбирались в военных судах, но постоянно оканчивались таким приговором: "за неотысканием виновных в смерти мастерового такого-то дело предать воле божьей". Несмотря на частые повреждения, только при Петре I регламентом Адмиралтейства повелевается: "В Портах везде надлежит быть госпиталям". На 200 больных полагался один лекарь. Больной получал в день 1½ ф. хлеба, 5 фун. мяса в неделю; круп 4½ ф. и масла ½ ф. в неделю; 5 золотников соли и хорошего кваса. С больных, не вышедших на работу, удерживалась на заводе половина денежного жалованья, и весь хлебный паек. В 1734 г. на Тульские заводы был направлен лекарь в открывшийся госпиталь. Содержание последнего легло на самих рабочих: с них высчитывалось по 1 копейке с каждого рубля. На Луканском заводе Енисейск. губ. за пользование госпиталем у мастеровых удерживалась половина жалованья и провиант, не считая постоянного вычета по 1 коп. с заработанного рубля.

Рабочие Ирбинского завода жаловались, что в лазарете нельзя найти никаких лекарств, кроме слабительного. Заболевшие "французской" болезнью долгое время не только лишались возможности пользоваться лечением в больнице, но еще подвергались наказанию батожьем[2]).

Тяжелые условия, плохая постановка медицинской помощи влекли за собою повышенную смертность заводского населения. Так, на Кувшинский завод поступило в 1817—1818 г.г.—2.263 чел., из них в 1819 г. на службе осталось только 1164 чел.: 880 умерло, 207 бежало и 12 выбыли по другим причинам.

Как мы уже говорили, почти вся русская добывающая промышленность дореформенного времени покоилась на принудительном труде. "Уральский рабочий был (по словам известного экономиста Безобразова) в состоянии почти полного рабства. С самого детства рабочий поступал на попечение заводского начальства, бравшего на себя полное содержание рабочей семьи и зато требовавшего постоянной работы, исполнявшейся, естественно, крайне плохо. Весь процесс выплавления железа, начиная с рубки леса для доменных печей, перевозки материалов, добычи руды и кончая литьем железных и чугунных изделий, исполнялся рабочим по

[2]) Сибирский сборник. 1891 г., кн. II. Цит. по статье Пажитнова: „Положение рабочих при крепостном праве" („Архив истории труда", кн. 4).

угрозой суровых наказаний, без всякой надежды на улучшение своего материального положения"[3]). А угрозы наказаний преследовали рабочего везде. Заводчику Демидову грамотой подтверждается право наказывать ленивых по вине батогами и плетьми.

По инструкции Геннина "мастерам смотреть на крепко, чтобы подмастерья и работники не спали, через которое скоро худоба явиться в домне и ежели на других заводах из домен станет чугуна меньше и хуже являться, то тех мастеровых по розыску жестоко наказывать с убавкой жалованья и в работе быть скованным". Сковывать очень любили и часто прибегали к этому средству для отрезвления запивших рабочих. "Заскорбевшим" мастерам выдается половинное жалованье. "дабы мастера напрасно приговорною болезнью не заскорбели".

С 1761 г. были заведены записи наказаний. Вот любопытная выписка из протокола Томской и Самарской конторы (с 1770 по 1802 г.г.): "За сделание для себя в заводской кузнице ножичка, рабочий наказан три раза плетьми: за леность - батожьем; за самовольную выпряжку лошадей—батожьем; за покушение на самоубийство—прутьями; за пьянство—тростьми; за побег—4½ месяца работ из под стражи" и т. д. Перед самым освобождением крестьян при управляющем Салаирским краем Фризе 400—500 розог считалось детским наказанием. Он дал 3000 ударов мастеру за то только, что последний заступился за рабочего. В "табели взысканий с рабочих Гурьевского завода" находятся и такие наказания, как отрезание ушей, вырывание ноздрей и т. п. Ясно, что при таком положении рабочих на заводах не могло быть спокойно. И на протяжении всего 19 в., вплоть до падения крепостного права, тянется непрерывная цепь кровавых восстаний и борьбы крепостных рабочих за улучшение своего положения.

Переходя к обозрению положения рабочих петербургской обрабатывающей промышленности, нам приходится отметить, что оно мало чем отличалось от положения рабочих на заводах Урала. И здесь казенные заводы пользовались преимущественно принудительной рабочей силой. На одних заводах—Ижорском Адмиралтейском и т. п. рабочие набирались из крепостных крестьян, на других военного ведомства,—Арсенал, Сестрорецкий и т. д., рабочие были набраны из крепостных и рекрутов. Для работ в Адмиралтействе по приказу Петра I в 1720 г. были мобилизованы и доставлены из средней России крестьяне—плотники. Последние в 1732 г. сделались собственностью Морского ведомства. Жизнь их находилась в полной зависимости от воли начальства. Мани в своем историческом обзоре развития Морского министерства говорит, что жизнь в Адмиралтействе была настолько стеснена, что рабочий не смел отлучиться из дому даже на один день без позволения начальства; чтобы не было упущений в этом отношении—два раза в день производилась среди рабочих проверка. Работать приходилось по 13 часов в день вплоть до 1806 года. Понятно, брать работу на стороне строго воспрещалось. А казенное жалованье, составлявшее 3 рубля ассигнациями в месяц, да и то только мужчинам старше 20 лет, было ничтожно и рабочие впадали в крайнюю нищету. Поэтому в 1803 г. рабочие отпускаются на оброк, в размере 30 руб.

[3]) Туган-Барановский, Русская фабрика.

лесигнациями в год. С этого времени они могли работать где им угодно и над чем угодно. С 1858 г. они были отпущены на волю.

Мастеровые в Арсенале в первые годы его существования набирались из рекрутов, к ним добавляли кантонистов. При общем наличии рабочих в 900 чел. мастеровых было 600 чел., т. е. ⅔ наличия, но несмотря на такое сравнительно выгодное для производительности соотношение в рабочей силе, Арсенал работал плохо, и в 20-х годах 18 столетия возбуждался вопрос о коренных реформах. Причины к этому были следующие: 48 мастеровых по отзыву своего начальства были слабы или попросту не знали дела; постоянных чернорабочих не было, их заменяли "полковые люди", командируемые по нарядам из полков очень неохотно и неаккуратно, и для несения текущей работы приходилось отрывать от дела "мастеровых"; не было специализации по работе—людей перебрасывали из слесарей в шорники, столяров в литейщики и т. д.; например, кузнецов из Брянского Арсенала перевели в Петербургский Арсенал в литейщики. Личный состав Арсенала в 1840 г. был разделен на пять рот, составлявшихся исключительно из нижних чинов. На заводе царила строжайшая воинская дисциплина, вплоть до подбадривания "лозанами". Для поддержки дисциплины была создана особая организация—штат строевого начальства; назначением его служила муштровка рабочих вне мастерских. Рабочий день продолжался 11 часов, по окончании работ начинался ужин, затем, перед сном, происходили переклички в казармах. По субботам после работ было еще фронтовое учение. За работу нижние чины получали от казны харчи, одежду и жалование и заработную плату; жалование мастеровых—с 1763 г. по 1840 г. от 24 р. в год до 7 р. 16 к. В среднем 12 р. в год, т. е. по 1 руб. в месяц (в 1840 г. цены на продукты: соль 1,5 к., мясо 5 к. за фунт, мука пшеничная 3,5 к., масло 12 к., крупа 7 р. 50 к. за куль). Помимо основной в Арсенале существовала еще дополнительная плата по 5 коп. в сутки на человека: она стала даваться с 1811 г. при усиленной работе Арсенала во время войны и осталась так и дальше до введения вольного труда. Продовольствие было на артельных началах, на него отпускались особые суммы из заводск. средств и часть "заработной платы". Рабочие жили на казенных квартирах. Смертность среди рабочих достигала 5,6%. Чесотка была постоянной болезнью рабочих; свирепствовала среди них также и цынга; 2,5% умирали ежегодно от чахотки. Часты были случаи отмораживания рук, ног, при командировках на Волково поле. Нравы на заводе были очень суровые. В виде иллюстрации отметим лишь один весьма характерный случай: "в 1844 г. унтер Кутенников, проходя мимо беременной жены мастерового, ударил ее ногой в живот за то только, что она не посторонилась" [1]). Наказание "лозанами" было обычно, за более серьезные проступки рабочие наказывались "шпицрутенами".

Аналогичную картину мы видим и на Ижорском заводе, где постоянных рабочих в 18 в. было 150 человек, прикомандированных же от 200—300 чел. Мастеровые делились на классы: ученики, мастеровые, подмастерья, мастера. Первые набирались из малолетних детей мастеров и рекрутов: обучались дети от 3—5 лет. В конце обучения они должны были сдать экзамен и производились в

[1]) История Арсенала, стр. 301.

мастеровые. Мастеров и мастеровых полагалось впоследствии до 497 человек. Для надзора за ними во время работ и вне службы была учреждена впоследствии особая должность офицера над мастеровыми. По праздничным дням командир завода собирал всех служащих, прочитывал им статьи из регламента о служебных обязанностях, а затем все должны были итти в церковь. Работать приходилось 12—13 часов в день; с 10 марта по 10 сентября с 4½ час. утра до 7—8 час. вечера с перерывом 1½ час. на обед; в зимнее время работы начинались за час до восхода солнца и кончались спустя час после захода (на обед полагался час времени). В случае экстренного заказа работы производились и в праздник. Оплата была определена от 1 р. до 42 р. в год в зависимости от квалификации. За воскресную работу полагалась особая плата: мастерам по 25 коп. в день; подмастерьям—15 коп., ученикам 10 коп. В 1832 году была попытка перевести весь завод на сдельную плату, но заводская бухгалтерия не сумела справиться с точным расчетом сдельного заработка, и с 1834 года по прежнему была введена повременная оплата труда. Рабочие получали лишь установленное ничтожное жалование. Да и то выдавалось только по окончании каждой трети года. Изредка с большими затруднениями для своих нужд рабочие могли получать месячное пособие. Вместе с жалованием мастерам выдавался и провиант: по 3 пуда муки и по 2 гарнца круп в месяц на каждого мастерового; сторожам, валовым, рабочим и малолетним по 2 четверти муки, по одному гарнцу круп. Семейные могли получать продукты для семьи по заготовочной цене. В 19 веке была открыта столовая, в которой уже к концу первого года столовались около 610 человек. Прокормление 1 человека, кроме стоимости хлеба, обходилось от 2 руб. 20½ коп. в треть года; деньги за столование удерживались из жалования. Одновременно с выдачей продуктов стали выдавать и обмундирование. Рабочие обязаны были иметь форменное платье. Обмундировка одного мастера в год обходилась в 10 р. 10½ к.

Такую же картину условий труда и быта рабочих дореформенного военного завода представляют имеющиеся данные о Сестрорецком оружейном заводе. Ко времени пуска его 1 января 1724 г. на нем работало: 5 иноземных мастеров, 2 русских и 40 чел. мастеровых. Петр I велел перевести из Онежской и Ладожской кузницы 564 мастеровых, что и было исполнено весной 1724 г. К этому времени на заводе стали работать всего 650 человек. На адмиралтейском, т. е. корабельном деле—214 чел., и на оружейном деле—397 чел., и при конторе 39 чел. Мастеровые оружейного отдела работали, кроме учеников, сдельно, а на адмиралтейском отделе на окладном жаловании. Подмастерья получали жалования по 28 руб. в год, десятники—24 р., кузнецы 20—21 р., ученики 6—12 р., плотники—14 р. 45 к., токаря (по дереву)—10 р. 80 к., молотобойцы—2 р. 80 к. Когда мастеровые оружейного отдела находились на работах для Адмиралтейства, то они кроме задельной платы получали поденное жалование по 6 к. в день. Во время болезни рабочим выдавалось "промежных" по 3 к. в день. Мастеровые, работавшие задельно, все материалы за исключением железа и стали покупали в заводском магазине за свой счет по себестоимости завода. Заработки рабочих были так малы, что мастеровые бедствовали и неоднократно обращались к властям с просьбой об увеличении содержания, но только в 1728 году последовал приказ определить мастеровым вместо задельных поденную плату, с удержанием по пя-

ам, как в Адмиралтействе. В штаты вошло 339 мастеровых. Жалованье по штату было положено: мастерам иноземным—780 руб. в год, русским—240—120 р.; подмастерьям—60 руб.; кузнецам 1 кл.—24 руб., 2 кл.—15 руб., 3 кл.—12 руб.; ученикам 2 кл.—36 руб., 3 кл.—12 руб. Кроме того большинству рабочих выдавали продукты—муку и крупу. Рабочий день продолжался от 12 до 15 час. Русские мастеровые жили большей частью в своих избах, а иностранцы в казенных зданиях. В 1725 г. каждый мастеровой был наделен по 6 десятин земли для сенокоса и пастбища скота, с правом бесплатной рубки в заводских лесах дров и бревен на постройку себе изб. Ежегодно летом мастеровые освобождались на десять пятнадцать дней, для сенокоса и других домашних работ. Провиант для всех заводских людей доставлялся по требованию заводской конторы из Петербургского провиантного магазина. За выдаваемый мастеровым провиант деньги удерживались по заготовительной цене из жалованья, каковые и отсылались генерал-провиантмейстеру. Мастеровые, как на заводе, так и вне его "состояли в заводском ведении и послушании, никто не мог поселиться, построить, продать, отдать в наем дом без ведома заводского начальства". Для сохранения порядка в селении мастеровые из своей среды выбирали старосту и десятника,, чрез которых им об'являлись приказания заводского начальства при барабанном бое. Кроме заводских работ, скудно обеспечивавших материальное положение мастеровых, заниматься побочным ремеслом или промышленностью им строго воспрещалось. Об улучшении своего быта мастеровые неоднократно обращались с ходатайствами в Адмиралтейскую коллегию, но просьбы оставались без последствий. Целый ряд побегов, совершенных мастеровыми, а также значительная их смертность с 1725 г. по 1731 г. ясно свидетельствует, как печальна и невыносима тяжела была жизнь первых рабочих Сестрорецких заводов.

В конце концов военное ведомство вынуждено было для улучшения положения завода в целом и рабочих допустить на заводе частные работы: для того, чтобы обеспечить завод такими работами, было отдано распоряжение чтобы государственные места, нуждавшиеся в таких вещах, которые мог сделать завод, обязательно заказывали последнему, "не покупая и не заказывая частным людям" без сношения с ним. Командир завода давал эти заказы мастеровым. В тех случаях, когда требовалось для изготовления заподряженных предметов пользоваться казенными мастерскими, инструментами и машинами, с оружейников по усмотрению командира завода удерживалось на поддержку или исправление их не более 2% стоимости приготовленных вещей. Кроме того на обязанности командира завода лежало содействовать оружейникам во всем, в чем только являлась надобность: он следил за выполнением рабочими в определенные сроки заказов, но во внутренние их действия не имел права вмешиваться, если они сами не обращались к нему с просьбой. Материалы и металлы, нужные для выполнения подрядов, оружейники получали от заводского магазина по той цене, по которой они стоили казне. За выполнение подрядов оружейники отвечали друг за друга круговой порукой. Из полученных мастеровыми денег за изготовленные ими вещи от 1 до 2% отчислялось в общественный оружейнический капитал для выдачи пособия тем мастеровым, которые по каким-либо обстоятельствам не принимали участия в выполнении подрядов.

Кроме казенных учреждений оружейники принимали заказы на изготовление разных металлических предметов от частных лиц, каковые выполнялись тем же порядком, который описан выше. В 1832 г. частные работы были воспрещены, а в 1850 г. вновь разрешены.

В последние годы военно-крепостного режима на Сестрорецком заводе (1860—67 г.г.) заработок рабочих составлял:

	В день.	В год.
Стволодела средн.	52 к.	135 р. 51 к.
Кузнеца „	32 к.—43 к.	86 „—113 р.
Замочника „	40 к.	105 „ 60 к
Литейщика „	40 „	105 „ 60 „
Шлифовщика „	48 „	128 „
Столяра „	44 „	116 „ 38 к.

Заработок рабочих Сестрорецкого завода, как видим, был значительно выше обычной платы того времени на казенных заводах, но в данном случае не принята во внимание стоимость ложившегося на оружейников брака, получавшегося при изготовлении ружейных частей. Между прочим он иногда доходил до размеров, превышавших всю задельную плату оружейников. Кроме задельной платы с 1850 г. оружейники, мастеровые, и заводские ученики, отличившиеся хорошим поведением и знанием оружейного дела, получали единовременные награды.

Обязательный срок заводской службы для оружейников и мастеровых был установлен 25-летний. Оружейники и мастеровые, прослужившие в заводе хотя и более 25 лет, но если были судимы, или штрафованы, от работ не освобождались до полной потери трудоспособности. От службы такие рабочие увольнялись без денежных наград с одним только пропитанием. Мастеровые и оружейники из рекрут, оказавшиеся неспособными к работам и не имевшие в слободе ни семейств ни оседлости, после обязательного срока службы, согласно их желанию, отправлялись на казенный счет на родину.

После 1867 года рабочие освобождены были от принудительных работ, а завод сдан в аренду генералу Липпенфельду, который через 13 лет оставил завод, приобретя капитал в пять миллионов рублей.

Частные петербургские металлообрабатывающие заводы мало чем отличались от казенных. Правда, заводы Путиловский, Франко-Русский и т. п. пользовались главным образом вольнонаемным трудом. Заработная плата у них была несколько выше, чем на казенных заводах. Зато рабочий день, благодаря сверхурочным работам, на практике был не только меньше, а несомненно даже выше, чем на казенных заводах. Не было на этих заводах и той жестокой дисциплины, которая так характерна для горных заводов того времени. Наказаниям вольных рабочих, конечно, не могли подвергать в такой же мере, как крепостных.

На частных фабриках и заводах не было команд, воинского уклада и военных судов; ослушание мастеру или даже владельцу завода не рассматривалось, как бунт против государственной власти. Вольнонаемных рабочих владелец не имел даже права подвергать телесному наказанию.

В докладной записке московского генерал-губернатора Закревского от 1848 г. указывается на то, что администрация частных заводов, не имея власти удержать

рабочих от пьянства, принуждена в борьбе с этим злом ограничиться одними вычетами за прогульные дни [1-а]).

Итак, подводя итоги положению рабочих на заводах при крепостном праве, нужно признать его непомерно тяжелым, обстановку, в которой приходилось работать, крайне нездоровой, и потому, понятно, этот труд не мог быть производительным.

Какие бы затраты не делались на усовершенствование различных технических операций, все равно успеха нельзя было ждать в условиях подневольного труда. Пришлось волей неволей притти к мысли ввести вольнонаемный труд. Уже в 1860 г. на Ижорском заводе разрешалось нанимать временных мастеровых и рабочих; для подготовки мастеров допускается прием учеников всякого звания не моложе 14 лет. В 1862 г. уже были упразднены рабочие морских экипажей и образованы кадры постоянных рабочих и мастеровых. Порядок и условия найма были определены Адмиралтейств-Советом.

В Арсенале еще до 1860 г. пришли к мысли о вольнонаемном труде, администрация завода неоднократно обращалась с докладными записками к своему начальству с указанием на необходимость и целесообразность применения вольного труда. Правительство, однако, под тем или иным предлогом, отклоняло предложения заводской администрации. Вольный труд стал применяться в Арсенале, Сестрорецком и др. военных заводах, лишь с 1866 г. Это были последние бастионы подневольного труда. С падением их труд стал формально свободным, но только формально...

II.

"Освободительная реформа" 1861 года повлекла за собою крупные изменения в рабочем рынке: сказалась сильная тяга крестьян к земле. Насильственно прикрепленные к заводам, работавшие в каторжных условиях, крепостные рабочие, едва лишь получили свободу, как немедленно бросили ненавистные заводы. Бегство с заводов приняло массовый характер. Так, из большого пункта горно-заводской промышленности—Богословского округа Пермской губернии, ушло ¾ всего мужского рабочего населения. Естественно, что в связи с таким резким сокращением рабочих рук неизбежно должна была подняться и заработная плата рабочих. Особенно значительно поднялась плата на Урале, где после освобождения крестьян количество рабочих сократилось на 60%.

Плата двух-конному рабочему, составлявшая там в шестидесятых годах XIX века — 35 коп. в день, поднялась после реформы до 1 р. 30 к. Тоже, правда, в несколько меньших размерах происходило и по всей России. Обратную картину будем наблюдать в дальнейшем, когда началась острая борьба фабрично-заводской про-

[1-а] Напрасно, однако, генерал так сокрушался об отсутствии прав у фабрикантов для закабаления рабочих. Частный предприниматель имел в своем распоряжении достаточно средств, чтобы поставить рабочего, если не в рабское, то в близкое к этому положение.

мышленности с кустарным промыслом. Процесс этот сопровождался вытеснением ручной домашней работы. Кустари-ремесленники были выброшены на улицу.

К тому же и деревня стала усиленно перебрасывать в город безземельных и малоземельных крестьян, не имевших возможности прокормиться, найти себе заработок у себя на родине. Происходит усиленный рост предложения рабочих рук, росла армия безработных. В 1881 году перепись населения Петербурга обнаружила уже 3,4% безработных от общего числа рабочих. Конечно, предприниматели использовали благоприятную для себя обстановку.

Задерживается рост заработной платы, принимаются меры к искусственному ее понижению. Мужской труд заменяется женским, более дешевым. На сдельных работах понижаются расценки.

Женский труд в Петербургской металлообрабатывающей промышленности.

Г О Д Ы.	Общ. колич. рабоч. Петербурга с пригородами.	Количество женщин.	% отношен. к общему числу раб.
1881	31.305	156	0.5
1885	26.489	29	0.1
1890	33.720	67	0,2
1895	42.120	489	1,1
1900	79.856	1048	1,3

Правда, под влиянием наметившегося было в те же годы правительственного курса на ограничение женского труда, промышленники решили было избавиться от женского труда. За пятилетие 1881—1885 гг. число женщин не только не возросло, но резко сократилось, более, чем в пять раз. Но эта паника скоро прошла. Промышленники убедились, что никаких серьезных мер к улучшению положения женщин правительство не предполагает вводить, и уже в 90-х гг. намечается рост женского труда. Применение на заводах женского труда пошло таким быстрым темпом, что относительно обогнало даже рост мужского труда. В то время, как общее количество рабочих с 1881 г. по 1900 г. возросло только в 2½ раза, количество женщин за это время увеличилось почти в 7 раз.

Несколько иное мы наблюдаем в отношении труда малолетних. Тут фабрикантам волей-неволей приходилось считаться с законом, ограничивающим труд малолетних. Процент участия в Петербурге малолетних до 15 лет в производстве по обработке металла в 80 гг. значительно сократился: с 6,2% в 1869 г. он неуклонно затем падал: в 1881 г. — 4,4%, в 1885 г. — уже до 1,3%, а в 1900 г. — до 1,1%. Тоже самое можно отметить и в отношении малолетних до 16 лет. В 1869 г. для всей металлообрабатывающей промышленности Петербурга участие малолетних в производстве выражалось в цифре 8.1%; к 1900 г. количество малолетних сократилось уже до 5,6%.

В отчете за 1885 г. петербургский инспектор определенно отмечает, что фабриканты, вместо того, чтобы ограничить по закону число рабочих часов для малолетних, просто увольняли их, не желая исполнить те формальности, в сущности маловажные, которые требовались от них установленными правилами.

Вероятнее всего, однако, сокращение труда малолетних вызвано было не столько простым нежеланием фабрикантов выполнять эти формальности, вытекавшие из законодательных мероприятий правительства, сколько резким изменением уклада самого производства, делавшего труд малолетних непосильным, непроизводительным, опасным и потому дорого стоющим.

Рабочий день был велик и сплошь и рядом зависел от произвола заводовладельца. Отмена крепостного права в этом отношении мало что изменила. 70-80 годы не принесли металлистам улучшения. И только в последующее десятилетие, когда металлисты почувствовали себя силой, когда пробудилась у них классовая активность, когда вместе с ткачами они впервые выступили на общественной арене, рабочий день стал постепенно падать. По данным Когап-Бернтейна продолжительность его [5]) на 10-ти чугунно и меднолитейных и машиностроительных заводах в 1885 г. колебалась от 11 до 12½ часов. Для большинства заводов средней и мелкой промышленности в 80 гг. можно считать, что рабочий день в среднем равнялся 11½ — 12 часам. Но встречались отдельные предприятия, где рабочий день превышал и эту норму и доходил до 13½ часов.

По обследованиям Лангового в 1894 — 1895 г. для одноименных рабочих рабочий день составлял: на 89 чугунно-литейных, машиностроительных заводах 13.849 рабоч.—10½-12 час., на 2 трубопрокат. и прювол. с 1.005 рабочими 11-12 час., на 13 фабриках электрич. машин и приборов—11-12 час. В среднем приходилось таким образом работать 11-12 часов в день.

За десятилетие 1885 — 1895 гг. рабочий день почти совершенно не изменился. Предприниматели, однако, не удовлетворялись продолжительностью нормального рабочего дня—стали вводить сверхурочные работы, которые впоследствии приняли обязательный характер и удлинили рабочий день до 16-ти часов в сутки. В 1898 г. петербург. металлозаводчики сумели добиться отмены всех ограничений, заключавшихся в законе 1897 г. в отношении применения сверхурочных работ. По обследованию фабричной инспекции в 1902 г. оказалось, что из 125 предприятий по обработке металла 66 пользуются сверхурочными работами. Из 30 тыс. рабочих 15 тыс. работают так называемые обязательные, 7½ — необязательные сверхурочные.

Длинный рабочий день, непомерно тяжелые условия труда заставили металлистов притти в движение. Начиная с 90-х годов тянется цепь рабочих стачек: стачка Семянниковского завода 1894 — 1895 г., Сестрорецкого и Балтийского Судостроительного — 1896 и 1897 г., которые на первый план выдвигают вопрос о 10½ часовом дне. Предприниматели и администрация казенных заводов поспешили пойти навстречу рабочим. Рабочий день на всех более или менее значительных предприятиях металлопромышленности Петербурга сокращается.

---

[5]) „Численность состава и положение Петербургских рабочих" 1911 г.

Закон 3 июня 1897 г., явившийся в результате стачечной борьбы 1896 — 1897 гг., нисколько не улучшил положения металлистов, потому что фиксировал рабочий день в 11½ часов. На предприятиях металлообрабатывающей промышленности к этому времени рабочий день уже нигде не превышал установленной законом нормы. По мнению фабричного инспектора Микулина, этот закон "не оказал никакого влияния на положение рабочих по обработке металлов, несмотря на то, что рабочие этой отрасли являются наиболее сознающими необходимость сокращения времени труда". Но рабочие волнения середины 90 годов, политическое оживление среди рабочих в конце этого десятилетия и, наконец, технический прогресс на крупных механических заводах сделали свое дело: на основных, наиболее крупных предприятиях Петербурга рабочий день колебался от 10 до 11 часов.

Согласно данным, собранным нами по 17-ти крупнейшим заводам (в том числе Путиловский, Балт., Невский Судостр., Обуховский, Трубочный, Франко-Русский Лесснер), рабочий день в 1901 г. длился в среднем 10½ час., а в субботние дни 7½ час. В 1905 г., по сведениям, сообщенным представителями 69 заводов, рабочая неделя составляла 57 — 67 час., при чем свыше 57 час. в неделю работали 23 завода, т. е. лишь ⅓. Таким образом, надо считать, что накануне революции 1905 г. в крупной металлообрабатывающей промышленности общим правилом был 10-ти час. рабочий день.

Так, в результате борьбы 1896 г. и 1901 г. петербургским металлистам удалось значительно снизить рабочий день. Вместо 12-ти часового рабочего дня в 60-х годах 19-го столетия металлисты имели пред революцией уже 10-ти часовой рабочий день. И только в отдельных предприятиях рабочий день продолжался еще 10½ часов.

Как же оплачивался труд рабочих металлистов, и каково было движение заработной платы за тот же период?

К сожалению, у нас нет сведений о движении заработной платы со времени отмены крепостного права. Мы располагаем лишь данными, начиная с 1885 г., не охватывающими, правда всей металлопромышленности Петербурга, но достаточно типичными для того, чтобы делать из них общие выводы.

Впрочем, имеются данные по заводу Л. Нобель. За 20 лет плата с 1865 года по 1885 год поднялась всего на 15%. Правда, 1884 — 1885 гг. совпали как раз с резким понижением заработной платы, связанным с промышленным кризисом, и потому вернее взять для сравнения, пожалуй, следующий год—1886-ой, когда заработная плата вновь поднялась и сохранила устойчивость на протяжении почти 10 лет; но и тогда повышение зар. платы за весь этот 20-летний период будет всего на всего на 28 — 30%. Мы не располагаем данными о движении цен на предметы первой необходимости за этот период. Но несомненно, что в связи с революцией в сельскохозяйственном производстве, цены на продукты должны были значительно подняться. Несколько более полные данные имеются у нас за 80-ые и позднейшие годы.

На механических заводах движение заработной платы за десятилетие представлялось в следующем виде:

ЗАВОДЫ.	1885 г.					1895 г.				
	Количество рабочих.	Средн. заработ. в день. Слесаря.	Литейщики.	Токаря.	Чернорабочие.	Количество рабочих.	Средн. заработ. в день. Слесаря.	Литейщики.	Токаря.	Чернорабочие.
Вилькис . . .	30	1.10	1.65		70	45	139	2.30	—	75
Лангензипен. .	25	1.75		198	90	640	2.14	—	2.85	1.10
Хаймович. . .	105	1.80		—	62	165	1.50	—	—	64
Сименс-Гальске	210	1.80		185	86	375	2.00	—	2,02	95
Сан-Галли . .	600	1.15	1.40	1.30	66	674	1.30	1.55	1.40	70
Франко-Русский	980	1.15	1.40	1.12	65	1340	1.21	1.50	1.19	68

Мы видим, что заработная плата, хотя и медленно, но повышается. Правда, заработок квалифицированного рабочего за 10-летие поднялся только на 10—15%, а чернорабочего—увеличился еще меньше всего на 3—5%. Заработок чернорабочего по заводам Лангензипена и Сименс-Гальске хотя и повысился несколько больше, но эти заводы работают преимущественно высоко квалифицированной рабочей силой и принимать их в расчет при исчислении заработка чернорабочего нельзя. Нужно принять также во внимание, что в заработок рабочего включена не только плата за нормальный рабочий день, но зачисляется и оплата сверхурочной работы.

Таким образом, среднее повышение за 10-летие 1885 — 1895 гг. нужно считать в 9 — 11%. Последняя цифра подтверждается и полученными нами непосредственно с заводов данными о среднем заработке рабочих заводов: Ижорского, Путиловского и Невского.

Наименование заводов.	1884 г. Количество рабочих.	1884 г. Средн. зар. одного раб.	1885 г. Количество рабочих.	1885 г. Средн. зар. одного раб.	1886 г. Количество рабочих.	1886 г. Средн. зар. одного раб.	Ср. зар. За 3 года.	1894 г. Количество рабочих.	1894 г. Средн. зар. одного раб.	1895 г. Количество рабочих.	1895 г. Средн. зар. одного раб.	1896 г. Количество рабочих.	1896 г. Средн. зар. одного раб.	Ср. зар. За 3 года.
Путиловск. з.	2200	378	2306	380	2388	381	380	6926	402	8443	421	10175	428	417
Невский з. .	250	347	400	348	1100	350	348	3110	364	3240	371	3486	374	370
Ижорский з.	1897	355	1811	356	2198	360	357	3580	382	3593	390	3254	392	388
Итого. .	4347	366	4517	367	5686	367	367	13616	388	15276	403	16917	410	401

Далее, средние годовые цифры заработной платы Путиловского завода и завода Нобель за 1885 — 1900 гг. дают следующую картину движения зар. платы.

ГОДЫ.	Заводы.		ГОДЫ.	Заводы.	
	Путил. зав.	Нобель з.		Путил. зав.	Нобель з.
	Руб.	Руб.		Руб.	Руб.
1885 . . .	378	388	1893 . .	409	417
1886 . . .	381	432	1894 . .	402	446
1887 . . .	338	432	1895 . .	420	590
1888 . . .	332	432	1896 . .	427	576
1889 . . .	401	417	1897 . .	422	576
1890 . . .	382	432	1898 . .	443	446
1891 . . .	393	432	1899 . .	452	460
1892 . . .	414	417	1900 . .	461	460

Наконец, данные о заработной плате, собранные нами на крупнейших заводах Петербурга, позволяют составить таблицу за 1891, 1901 и 1904 годы (см. приложение).

Сопоставление средних цифр, даваемых упомянутой таблицей, по трем основным группам труда говорит о замедлении темпа роста заработной платы в 900-х годах в сравнении с девяностыми:

Группы рабочих.	Дневная заработная плата (в рублях).					
	1891 г.	1901 г.		1904 г.		Увелич. с
	Абсол.	Абсол.	% увел.	Абсол.	% увел.	1891—1904 г.
Мастеровые . . .	1.65	2.08	26	2.32	11,5	40,6
Чернорабоч. . .	0.64	0.72	12,5	0.77	7	20
Ученики	0.28	0,35	25	0.41	17	46,4
Средн. рабочих (средн. по зав.).	1.25	1.50	12	1.56	4	24,8

В таблице при определении среднего заработка по заводу и % сдельщиков, средних для всей металло-промышленности, мы руководствовались следующими соображениями: при установлении % сдельщиков принято во внимание наличие людей на каждом заводе; но средний заработок квалифицированных мастеровых высчитан, как среднее арифметическое всех данных по заводам, что является по нашему мнению более точным приближением к истине, чем поправка на общее наличие людей.

Но под этими средними цифрами скрывается (данные для 17-ти заводов) большая пестрота оплаты труда внутри одной и той же группы рабочих. Именно наименьший и наивысший размер платы составлял:

К статье „Экономическое положение рабочих металлистов до 1905 года" („Архив истории труда в России", кн. 9, стр. 92).

№ № по порядку.	ЗАВОДЫ.	1891 г.—288 дней. Число людей.	Продолжительность рабочего дня.	% сдельщиков.	Дневная плата в коп. Мастеров. Ср. ц.	% прираб.	Аб. зар.	Чернорабочих.	Учеников.	Ср. по зав.	Годовая в руб. Мастеровых.	Чернорабочих.	Учеников.	Средняя по зав.	1901 г.—288 дней. Число людей.	Продолжительность рабочего дня.	% сдельщиков.	Поденная в коп. Мастеров. Ср. ц.	% прираб.	Аб. зар.	Чернорабочих.	Учеников.	Ср. по зав.	Годовая в руб. Мастеровых.	Чернорабочих.	Учеников.	Средняя по зав.	1904 г.—302 дня. Число людей.	Продолжительность рабочего дня.	% сдельщиков.	Поденная в коп. Мастеров. Ср. ц.	% прираб.	Аб. зар.	Чернорабочих.	Учеников.	Средняя по зав.	Годовая в руб. Мастеровых.	Чернорабочих.	Учеников.	Средняя по зав.	ЗАВОДЫ.
1	Путиловский	3506	10½	49	86	178	153	75	25	137	510	216	72	304	12441	10	87,60	96	195	185	30	25	165	533	230	72	460	11667	10	88	97	205	194	85	45	175	585	257	136	630	Путиловский.
2	Невский	3009	10½	64½	81	200	162	55	25	125	460	158	72	360	5359	10	90,86	88	217	190	60	30	157	547	180	86	453	7901	10	91,8	80,0	230	185	65	45	150	560	196	136	452	Невский.
3	Фр. Русский	1840	10½	15	110	150	165	55	25	120	475	158	72	345	2000	10	19%	125	155	193	70	30	131	555	200	86	375	2830	10	95	136	160	202	70	45	125	610	214	136	380	Фр. Русский.
4	Балтийск. (Судостроительный)	2200	10½	41	120	130	157	55	35	120	450	158	98	345	4557	10	56%	128	129	165	65	40	135	475	186	115	390	6868	10	38	142	140	200	70	45	135	605	214	136	407	Балтийский (Судостроительный).
5	Металлический	870	11	52½	118	140	165	65	25	118	475	185	72	340	1546	10½	81,63	136	159	218	71	45	148	610	205	202	427	1878	10	82	115	191	220	74	54	150	660	225	164	452	Металлический.
6	Розенкранц	400	11	50	108	130	140	55	—	110	405	158	—	320	800	10½	50,65	138	130	180	65	—	135	520	186	87	390	1000	10½	50,65	145	135	193	70	—	145	580	214	—	440	Розенкранц.
7	Трубочный	700	11	21	182	141	115	70	25	100	330	201	72	280	4000	10½	30%	91	154	140	70	25	120	402	200	72	443	4850	10½	39	92,5	168	155	70	25	125	470	214	76	380	Трубочный.
8	Лесснер	300	11	49	142	140	200	70	25	120	575	201	72	345	597	10½	60%	180	155	280	75	30	155	800	215	86	445	650	10½	65	200	150	300	80	30	157	900	240	91	475	Лесснер.
9	Лангензипен	590	11	51	100	—	205	100	25	135	590	288	72	388	950	10½	71%	—	—	330	105	—	150	950	302	—	432	740	10½	72	—	—	245	110	—	140	740	332	—	422	Лангензипен.
10	Ижорский	2331	10½	49	115	135	156	60	30	128	385	175	86	370	4544	10	76%	125	144	180	75	45	145	510	217	144	450	5308	10	81	118	161	190	80	50	168	575	240	152	510	Ижорский.
11	Обуховский	1562	10½	38½	—	—	139	50	40	125	400	145	115	350	3699	10	47	—	—	173	60	50	140	500	173	144	405	4439	10	61	—	—	196	70	50	160	588	202	152	483	Обуховский.
12	Гвоздильн. (Дюмо)	900	11½	40	115	120	140	55	25	120	405	158	72	345	1242	11½	57%	65	130	150	70	40	150	430	200	115	430	150	10½	60	73	120	160	70	45	160	483	214	136	483	Гвоздильн. (Дюмо).
13	Арсенал	—	11	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	700	10	91	200	200	400	90		230	—	—	—	—	Арсенал.
14	Ремкина (Вагоностроительный)	500	11	—	107	140	150	55	25	120	432	158	72	345	2208	10½	84	105	172	180	70	30	150	510	200	86	450	2500	10½	—	100	130	190	70	30	160	475	214	91	483	Ремкина (Вагоностроительный).
15	Нобель	600	10½	—	—	—	200	60	—	150	575	175	—	430	800	10½	—	—	—	275	70	—	155	800	200	—	557	920	10	—	—	—	320	80	—	195	—	—	—	—	Нобель.
16	Александровский	1200	10½	—	133	150	200	70	25	130	575	201	72	375	1428	10½	85	185	162	300	70	30	160	565	201	87	463	2000	10	80	190	170	325	70	30	170	980	215	91	515	Александровский.
17	Желез.-пр.	420	11½	—	108	200	215	75	—	140	620	216	—	403	860	11	11	135	255	340	80	—	176	980	230		503	900	10	15	135	260	350	85		195	1050	257	—	560	Желез.-пр.
	Итого средн.	21919	103,4	3,1	116	142	165	64	27	124,7	479	184	78	359	47028	—	68,5	123	169	208	72	35	149,7	624	208	106	431	56651	—	67,2	130	173	232	77	41	156	654	230	125	471	

Примечание: % приработка показан вместе с цехом.
Сведения по зав. „Арсенал" взяты из заводских данных, но являются недостоверными и преувеличенными.
Сведения по Железо-прокатн. заводу в тексте не принимаются во внимание, так как завод не характерен для Петроградской промышленности и цифры его дали бы преувеличенное понятие о заработках.

Группа рабочих.	Заработная плата в рублях.					
	1891 г.		1901 г.		1904 г.	
	Минимум.	Максим.	Минимум.	Максим.	Минимум.	Максим.
Мастеровые . .	1.15	2.05	1.40	3.30	1.55	3.25
Чернорабочие . .	0.50	1.00	0.60	1.05	0.65	1.10
Ученики	0.25	0.40	0.25	0.50	0.25	0.35

Группа рабочих.	% увеличения минимальной и максимальной заработн.					
	за период 1891—1901 г.		за период 1904—1901 г.		за весь период. 1891—1904 г.	
	Минимум.	Максим.	Минимум.	Максим.	Минимум.	Максим.
Мастеровые . .	21,7	60,9	10,7	1,5	34,7	58,5
Чернорабочие . .	20	5	8,3	4,7	30	10
Ученики	0	25	0	8	0	35

Таким образом минимум заработной платы возрос в % % за исследуемые период: для мастеровых на 34; чернорабочих на 30; и учеников на 0,0, а за трехлетие 1901—1904 гг. соответственно на 10,7% у мастеровых и 83% у чернорабочих.

Колебание максимумов заработной платы выражается за весь период в 58,5% для мастеровых, 10% для чернорабочих и 33% для учеников и средний по заводу 30, а трехлетие 1901 — 1904 гг. дает для квалифицированных рабочих понижение в 1,5%, а для чернорабочих и учеников повышение на 5 и 28%.

Интересно отметить, что как процент работавших сдельно, так и высота самой сдельной оплаты дают значительное возрастание:

Г О Д Ы.	Средний процент участв. на сдельн. работе.	Средняя высота проц. приработ.
1891 г.	43,1	42
1901 „	68,5	78
1904 „	67,2	76

С 1891 по 1904 г. количество сдельщиков на обследуемых заводах увеличилось на 24%. Процент же приработка за это время возрос на 36%.

Само собою разумеется, что параллельно росту сдельщины, соразмерно увеличению приработка росла обще-заводская производительность, увеличивалась и интенсивность труда. Капитал ничего зря ни делал, даром ничего не давал.

Что же касается числа рабочих, получающих ту или иную плату, то учеников на обследованных заводах в 1901 г. было — 6,88%, а среди мастеровых заработную плату низшего размера получали 24,25%. Если же брать общее количество всех рабочих, без распределения по категориям, то оказывается, что

47,7% их, т. е. почти половина, получали менее 1 рубля в день, а более 2 руб. получало всего 9%.

Такой медленный рост зараб. платы, конечно, не поспевал за ростом цен на предметы первой необходимости и реальная зараб. плата сильно отставала от денежной.

Если принять средние цены 1890 г. за 100, то получим следующую картину движения цен:

НАИМЕНОВАНИЕ ПРОДУКТОВ.	1890—94 г.	1895—99 г.	1900—1904 г.
Хлебные продукты	108,6	91,4	104,0
Животные „	88,8	100,2	121,4
Текстильн. материалы	101,6	98,4	119,3
Керосин	91,1	108,9	113.1
Бакалейные (чай, кофе).	100,8	99,2	104,1

Цена на мясо в СПБ. изменилась следующим образом:

Средняя цена 1 пуда мяса в	1880 г.	1890 г.	1900 г.
	3,40	4,10	4.40

Таким образом заработную плату далеко нельзя было считать высокой, принимая во внимание вздорожание жизни. Да вдобавок, она выдавалась не всегда регулярно. Для большинства петербург. заводов металлообрабатывающей промышленности расплата должна была производиться два раза в месяц, но нередко были случаи, когда жалованье выдавалось всего один раз в месяц. Обесценивался труд еще и тем, что рабочим приходилось покупать продукты в заводской лавке. В других без ручательства конторы в кредит не давали. При таких же длительных сроках расплаты рабочий не мог покупать на наличные. На некоторых заводах при найме рабочий обязывался покупать продукты исключительно из заводской лавки, где цены бывали дороже, нежели в вольных.

Все это указывало на то, что материальное положение рабочих металлистов если относительно и было лучше рабочих других профессий, то абсолютно его никак нельзя было считать удовлетворительным. Специальная комиссия "по улучшению быта рабочих Военного Ведомства" (1902 — 1905) составила три минимальных бюджета: для одинокого рабочего, для семейного, у которого трудоспособные члены семьи оплачивают все свое содержание и часть квартиры, и для семейного, у которого трудоспособные члены оплачивают только свое содержание. Комиссия эта определила, что в первом случае рабочий должен зарабатывать 31 руб. в месяц, во втором 32 руб. в месяц и в третьем — 38 руб. в месяц. Это прожиточный минимум, ниже которого должно начаться голодное существование. На квартиру отводилось всего лишь — 4 рубля, на одежду — 3 рубля, на еду — 10 руб. в месяц. "Образцовый" бюджет совершенно не предусматривал расходов рабочего на культурно-просветительные нужды, на обучение детей, ни на обстановку квартиры, не говоря уже про сбережения на черный день.

И все даже этот далеко несовершенный бюджет оказывается для многих рабочих мог бы служить еще идеалом. Во всяком случае для большинства рабочих действительный заработок был ниже этого "образцового военного" бюджета.

Но из этого весьма и весьма незначительного жалованья сплошь и рядом высчитывались еще штрафные: за приход без номерной жестяники — 20 коп., за опоздание и пр.

Самое скромное существование заставляло рабочих влезать в [illegible] вать себе в самом необходимом, усиленно налегать на сверхурочные [illegible] где не было сверхурочных работ, рабочие, в корне подрывая свое [illegible] заработков на стороне, брали работу на дом.

Выдача натурой в Петрограде была невелика. В "Статистических [illegible] о фабриках и заводах, не обложенных акцизом" за 1900 г. говорится [illegible] ванья всем рабочим металлистам Петербургской губернии [illegible] 18.247,5 тыс. руб.: из них деньгами—18.227,7 тыс. руб., а натурой, квар[illegible] той удержано лишь 19,8 тыс. руб., что составляло 0,10% всего заработка. К этому времени рабочие по большей части жили уже на частных квартирах, хотя и очень плохеньких, но все-таки не в казармах или бараках при заводах, в которых сильно стеснялась свобода рабочего.

Жилищные условия были безусловно неприглядны. Скученность населения в кварталах и домах, заселенных рабочими, была такова, что на 1 человека приходилось не более ¼ куб. саж. воздуха.

Обследование жилищ рабочих Петербурга в 1896 г. показало, что нередки были случаи помещения в одной комнате более 5 человек, на одной кровати 2 [illegible] 1 человек. Холостой рабочий обычно довольствовался углом, а то и просто кроватью; несколько семейств часто ютились в одной небольшой комнатке.

На фабриках рабочие также были поставлены в крайне тяжелые условия: отсутствие предохранительных мер у машин влекло за собою сильное повышение несчастных случаев, перечислением которых пестрят все отчеты фабрично-заводских инспекторов (фабричная инспекция введена в 80-х годах).—Потерявшие в редких случаях получали пенсии, на которые не могли существовать. Правительство обратило на это внимание только в начале 20 века: законом 15 мая 1901 г. устанавливается для рабочих казенных заводов пенсия в размере ⅔ среднего годового жалованья.

Хотя последующим законом 2 июля 1903 г. возлагалась ответственность и на частных предпринимателей за несчастные случаи с рабочими, но получение пенсии обставлялось такими рогатками, такими затруднениями, что рабочему нередко приходилось вступать в частные соглашения с владельцами и ограничиваться незначительными подачками, или, если сохранялась связь с землей, перейти на иждивение деревенских родственников или пополнить ряды городской нищей братии.

Крупные предприниматели поддерживали мысль, что "рабочего вопроса у нас [illegible] существует".

Однако рабочий вопрос существовал и давал себя знать увеличением числа забастовок, вовлечением в них все большего количества рабочих и настойчивостью и солидарностью, с какой они отстаивали пред'являемые требования.

В одном только 1901 г. волнения охватили около 20 тысяч петербургских металлистов. В числе требований чисто местного характера мы встречаем навеянные революционной пропагандой: "8 час. рабочий день, внесение 1 мая в число табельных дней" [6]). Кроме того, обуховцы требовали права избирать ежегодно своих представителей, отмены сверхурочных и т. д.

Бастовали также крупные заводы: 7 мая—Обуховский (требования 8-ми-час. рабочего дня, внесение 1 мая в число табельных дней); 8 мая — Александровский Сталелитейный зав.; 14-16 мая — Невский Судостроительный (характерны требования и рабочих этого завода: сокращение рабочего времени на ½ часа, уничтожение штрафов за приход без жестянки и за опоздание, назначение выборных старост, разрешение организации общества потребителей и сберегательно-вспомогательной кассы для рабочих и т. д.); 17 мая к забастовке присоединился Александровский Вагоностроительный завод (требования выставлены: сокращение сверхурочных работ, окончание по субботам и предпраздничным дням в 2 часа дня вместо установленного заводом окончания в 3 часа); дальше грандиозная стачка на Балтийском заводе, сопровождавшаяся избиением мастеров, насильственным освобождением арестованных и т. п. [7]) (требования аналогичные Обуховскому и Невскому заводам). Забастовка тянулась несколько дней. Администрация прибегла к локауту. Бастовали также заводы: Металлический, Крейтон, Гвоздильный, Пульман и др.

Для выяснения условий труда и положения рабочих был создан ряд комиссий. В докладе морскому министру начальник Балтийского завода генерал майор Ратник признает обоснованность и справедливость требований рабочих 8 час. раб. дня [8]), считает возможным и неубыточным его выполнение, предлагает также значительно повысить зараб. плату, отменить обыски. Градоначальник же жалуется министру внутренних дел, что Ратник вмешивается в действия полиции, требует освобождения зачинщиков забастовки, вообще потворствует рабочим. Администрация Обуховского завода, удовлетворив мелкие требования, остальные передала на разрешение министра внутренних дел, "который таким образом в глазах рабочих и явится виновным в случае отказа в удовлетворении".

Против рабочих Обуховского завода полиция пустила в ход не только нагайки, но и огнестрельное оружие. Рабочие забаррикадировались, защищались камнями, обрубками железа. Войска не могли взять баррикаду. Ночью рабочие сами покинули ее. И только расстрел безоружных обуховцев, избиение балтийцев, локаут, аресты и высылки сотни активных рабочих прекратили движение.

---

[6]) Доклад градонач. Клейгельса от 10 июня 1901 г. министру внутренн. дел („Архив истории труда в России", кн. 2, стр. 142).

[7]) Из доклада Петерб. градоначальника Клейгельса от 10 июня 1901 г.

[8]) А. Блек, Условия труда рабочих на Петербургских заводах по данным 1901 г. („Архив истории труда в России", кн. 2).

Прошли забастовки и прекратились разговоры о необходимости коренных реформ в области рабочего вопроса. Все было предоставлено естественному ходу. Прямых, крупных, реальных ощутительных побед 1901-ый год не дал петербургским металлистам. После бури администрация бастовавших заводов успокоилась и ограничилась понижением рабочего дня в субботние и предпраздничные дни и не значительным повышением платы.

Но это движение не могло пройти бесследно. Оно расшевелило рабочих, подготовило почву для большого движения металлистов и рабочих вообще 1905 года. Январских дней Петербурга в 1905 г.

В 1902 — 1904 гг. металлисты Петербурга не выступали [illegible] сплоченной и организованной силой. Для них это был период затишья. За это время происходили отдельные, разрозненные столкновения рабочих с предпринимателями. Однако, лозунги 8 час. рабочего дня, отмены обысков, создания выборного представительства на заводе жили в умах и сердцах рабочих. Всякое мало-мальски серьезное столкновение труда с капиталом неизбежно сопровождалось тем, что выдвигались требования 8 час. раб. дня и организации представительства рабочих на заводе.

Январская забастовка 1905 г. вновь выдвинула эти лозунги, широко популяризировала их.

Наиболее полно требования рабочих металлистов были изложены (в январе 1905 года) депутацией от рабочих начальнику Балтийского завода.

1) Рабочие Балтийского завода требуют, чтобы заводская администрация пошла навстречу их нуждам, откровенно, не прибегая к уловкам, к обещаниям, которые потом не выполняются, к содействию полиции.

2) Для выяснения нужд забастовавших — совещание между выборной самими рабочими депутацией и представителями администрации Балтийского завода. При совещании рабочие имеют равное число голосов с представителями завода.

3) Члены депутации должны быть обеспечены в личной неприкосновенности и впоследствии отнюдь не уволены от работ.

4) Общее решение должно считаться обязательным и вменено по всем мастерским завода за подписями администрации и старшего инспектора.

5) Никто не должен потерпеть от забастовки.

6) Время, в которое не производились работы вследствие забастовки, не должно считаться прогульным, и администрация обязуется оплатить его по средней расценке заработной платы.

7) 8-ми часовой рабочий день.

8) Расценка новых изделий после испытания должна устанавливаться мастерской по добровольному соглашению с выборными рабочими из мастерской и затем должна считаться обязательной. Что касается старых изделий, то они должны быть вновь пересмотрены на том же основании.

9) Отмена обыска, дабы не осквернить человеческого достоинства.

10) Должна быть учреждена при Балтийском заводе постоянная комиссия из выборных рабочих, которая совместно с администрацией разбирает все претензии отдельных рабочих. Увольнение рабочего не может состояться иначе как с ведома и разрешения этой комиссии.

11) Увеличить заработную плату чернорабочих не ниже 1 рубля.

12) Отмена сверхурочных работ; в случае необходимости их плата вдвое и предельное число на каждого рабочего в течение года не более 60-ти часов.

13) За брак, независящий от рабочего, завод уплачивает.

14) Медицинский персонал обязан принять к сведению, что никакая болезнь, исключая заразных, не должна препятствовать поступлению на завод.

15) Должны быть улучшены санитарные условия мастерских.

16) Возвратить право поступления на завод всех лиц, [illegible] стачки три года тому назад.

17) Мастера, подмастерья, указатели и вообще вся администрация должна обязательно обращаться с рабочими как с людьми, но не как [illegible], и в разговоре лишних слов не употреблять, как это у нас принято.

18) Выдачу заработной платы производить в рабочее время.

19) Удалить Михаила Денисова, заведывающего набором чернорабочих с улицы, за грубое и дерзкое обращение с ними при найме.

20) Каждый рабочий должен занимать не более одного станка.

Эти требования, повидимому, являются одной из первых формулировок однородных заводских требований, выставлявшихся и другими заводами (Путиловский, Семянниковский и др.), что свидетельствует с одной стороны об общности причин и настроений, а с другой об организационной солидарности [1].

Ф. Семенов-Булкин.

[1] При составлении настоящего очерка использованы, [illegible], следующие источники: Механ. завод Л. Нобель 1862—1912 г.г.; Краткий исторический очерк С.-Петербургского Арсенала (СПБ. 190[illegible] г.); Балтийский судостроительный и механический завод (СПБ. 1903 г.); Общество франко-русских заводов, [illegible] (СПБ. 1901); [illegible] Путиловского завода (1901 г.); Отчеты Ижорского и Сестрорецкого заводов; [illegible], К рабочему вопросу в России (СПБ. 190[illegible] г.); [illegible] [illegible] состав и положение Петербургских рабочих (СПБ. 19[illegible] г.). [illegible] материал [illegible] непосредственно от [illegible].

Преддверье аграрной революции 1905 г.

Опыт характеристики аграрного движения 1902 г.

Причины движения. Беспорядки и [illegible]. [illegible] [illegible] плены. Последствия движения.

2 апреля 1902 г. было днем историческим в двояком [illegible]. В этот день были ликвидированы вспыхнувшие за [illegible] недели [illegible] крестьянские беспорядки в Полтавской и Харьковской губерниях. В этот же день в вестибюле Мариинского дворца затрещал браунинг Балмашева, направленный на министра внутр. дел Сипягина. Правительственная репрессия, явившаяся реакцией на первый вполне осязательный симптом революции в деревне, была вместе и первым шагом нового хозяина русской внутренней политики, В. К. Плеве, холодная энергия и мрачный ум которого вдохновляли режим последнего в недолгий период времени от выстрелов Балмашева до бомбы Сазонова. Властному и всесильному Плеве пришлось первому подойти в серьез к исполинскому крестьянскому вопросу и поставить его, по крайней мере в программной речи, „прежде всего“. Попытке Плеве разрешить вопрос нельзя отказать в энергии и быстроте. Пересмотр законоположений о крестьянах уже к 1903 г. [illegible] в шесть увесистых томов. Однако взрыв сазоновской бомбы, убившей Плеве (15 июля 1904 г.), обратил эти законченные труды в макулатуру. О них совершенно забыли и о них никто не пожалел, несмотря на массу потраченного труда и их сравнительно высокое техническое совершенство. И этому никто не удивится, смотря на дело теперь с объективно-исторической точки зрения. В реформаторских начинаниях того времени было что-то неотразимо мертвящее. На них, как на всем режиме Плеве, лежала печать того, что можно попробовать охарактеризовать парадоксальным выражением „могучая безнадежность“.

Но если отзвуки первой крестьянской грозы в сфере правительственного творчества замерли столь бесплодно, то не бесследно [illegible] прошли для исторического процесса аграрного движения. Ликвидация беспорядков 1902 г. ни с какой стороны, ни с экономической, ни [illegible], ни в каком отношении — ни в местном, ни в общегосударственном, не была разрешением наболевших деревенских нужд, [illegible], хотя бы и несовершенным, выходом из исторически сложившихся противоречий.

Движение [illegible] [illegible] [illegible] и на [illegible] [illegible] [illegible], что сила нанесенного удара [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] крестьянских [illegible]

и на таком пространстве, что заколебалось все государственное здание страны, официально именовавшейся „страной по преимуществу земледельческой".

В этом смысле между первым актом аграрной драмы, сыгранным в 1902 г., и его двумя последующими действиями, в 1905 и 1917 г.г., имеется прямая органическая связь. И как не скромны масштабы событий 1902 г., охвативших всего только площадь четырех уездов, длившихся ровным счетом две недели и задевших (иногда очень поверхностно) лишь 63 экономии (в том числе и мелкопоместных владельцев), по сравнению с стихийной бурею 1905 г., потрясшей почти всю сельскую Россию,—все же внимательное изучение причин движения 1902 г., его типических проявлений, идеологии и психологии участвовавших в нем масс и даже методов его пресечения, не только не может быть обойдено историком русского аграрного вопроса, но во многом даст ключ к правильному пониманию и освещению дальнейших явлений, откроет множество аналогичных и повторяющихся в позднейших движениях сторон и, наконец, послужит опорой для противопоставления особенностей, специфически свойственных вспышке 1902 г., новым формам и этапам процесса, развившегося в последующее время. Все это неизбежно необходимо и для нахождения „социальных закономерностей" аграрного процесса и для отчетливого индивидуализирования его во всем его историческом своеобразии.

Этим оправдывается и цель этого очерка—указать вкратце причины, ход и внешнюю историю движения 1902 г., обрисовать его психологическую атмосферу и его результаты [1]).

Причины движения.

Общеизвестно, что всякое сложное общественное явление, а в частности всякий массовый процесс, имеет за собою и сложную совокупность обусловливающих его влияний, из коих каждое вправе именоваться его причиной. Для удобства анализа, однако, весьма часто прибегают к различению в составе такой сложной причинной связи между внутренними причинами явления, которые делают его необходимым, и теми внешними толчками или поводами, которые довершают действие первых, реализуя событие в данном месте и в данный момент времени. Маловдумчивый наблюдатель, при этом, всегда оказывается склонным внешний повод, как нечто более уловимое и доступное для его взора, считать за всю причину явления или, по крайней мере, придавать ему несвойственно преувеличенное значение. Совершенно ту же картину мы наблюдаем, если обратимся к свидетельствам высокопоставленных официальных лиц, взявших на себя об'яснение происшедших в Харьковской и Полтавской губерниях ранней весной 1902 г. событий.

„Не подлежит никакому сомнению,—авторитетно утверждает в своем всеподданнейшем отчете по губернии за 1902 г. полтавский губернатор князь Урусов,—что беспорядки были вызваны подпольной агитацией среди народа. Один из студентов, поселившись со своими единомышленниками в д. Лисичьей, в доме своей матери, систематически подготовлял наиболее развитых молодых крестьян к противоправительственной пропаганде, а последние уже действовали, с своей стороны, на народ непосредственно, распространяя среди односельчан зловредные убеждения и подпольные брошюры".

---

[1]) Материалом послужили дела 1-го департамента министерства юстиции (его 2-му, уголовному отделению), извлечения из коих были опубликованы Центрархивом в издании „Крестьянские движения 1902 г." (1923 г.).

Отчеты пишутся ex post, по истечении отчетного года. Иная — оценка событий, высказанная тотчас же „по горячим следам". В нашем случае она представлена прокурором харьковской судебной палаты А. А. Лопухиным, настолько отличившимся именно в деле о полтавских и харьковских беспорядках, что ему впоследствии Плеве была тогда же вверена высшая политическая полиция государства (департамент полиции). Замечательно, что тон губернаторских отчетов в значительной мере уже будет выравниваться под этот камертон. Вот что пишет Лопухин о причинах беспорядков (письмо его от 1 апр. 1902 г. министру юстиции Н. В. Муравьеву[1]): „Дело в том, что, несмотря на бдительность и энергию местных чиновников нескольких уездов в Полтавской губернии, революционеры, поселившиеся в различных ее местностях, работали [illegible]. Распространение их в деревнях — явление совершенно новое... За [illegible] в шести уездах Полтавской губернии полицией обнаружено распространение воззваний в 15 местах... Мое предположение заключается в том, что крестьянские бунты... являются результатом революционной пропаганды и должны быть рассматриваемы, как первое проявление организованного революционного движения в крестьянской среде в России". В другом письме[2] Лопухин подкрепляет свой взгляд ссылкой на мнение местных деятелей и указывает, что „ранее, [illegible], [illegible] шуткой, которая [illegible], предвещая необходимость [illegible] общего передела земли".

Вот первая точка зрения на причины беспорядков. Их основа — распространение социалистической пропаганды. Крестьянское движение создано революционерами. Эта точка зрения бесспорно имела успех в правящих сферах. Последовало специальное расследование. Некоторое количество молодых революционных деятелей было схвачено и выслано в административном порядке.

Но имеется и другое отношение к вопросу о причинах беспорядков. Два официальных лица, посланные министром юстиции на место для исследования происшедшего (член консультации Семенов и вице-директор [illegible] товарища обер-прокурора 1-го департамента сената Ковалевский) в своих записках, доставленных министерству, обстоятельно и смело указали, как на причину беспорядков, на исключительно неблагоприятные условия хозяйственного быта крестьян и прежде всего на их малоземелье, непосильную эксплуатацию со стороны владельцев и арендаторов окрестных экономий, на голодуху и на полную духовную одичалость населения, заброшенного всеми теми органами и лицами, на которых, по закону и условиям быта, лежала обязанность помощи и содействия. Картина, нарисованная в докладах этих лиц, дышит неприкрашенной правдой. И выводы их о причинах беспорядков как раз сводятся к различению действительных причин, каковыми является невыносимая, в течение многих лет длящаяся и безысходная нужда эксплуатируемой крестьянской массы, и повода-искры, упавшей на порох, — революционной агитации.

Для того, чтобы разобраться в том, которое из двух мнений о причинах движения ближе отвечает действительности, необходимо подробнее остановиться и на экономической и на политической стороне вопроса.

По сведениям полтавского губернского [illegible] (Ежегодник за 1901 г.), на 1 января 1902 г. значилось жителей по губернии [illegible]79

[1] „Крестьянское движение в 1902 г.", стр. 19 [illegible].
[2] Там же, стр. 23.

душ обоего пола. Земельная территория ее равна 4.144.875 десятин. В частности сельское население распределялось следующим образом:

Казаков	1.151.398
Казенных крестьян	306.244
Государственных крестьян	88.265
Крестьян собственников	895.998
Всего . .	2.443.905

Земли на это количество населения приходилось:

Казакам	1.358.126	дес.
Товариществам	76.666	„
Поместн. влад. каз. и крестьян . . .	40.009	„
Купл. крестьянск. обществами	23.948	„
Крест. собств. др. губерний . . .	4.387	„
Крест. собственникам	866.623	„
Всего . .	2.370.759	дес.

Если считать все земли эти без остатка, то и тогда на душу придется несколько *менее 1½ десятин земли.*

По исчислениям земства, если за исходную точку взять лучший в смысле урожайности за последние к 1902 г. тринадцать лет,—1899-й год, то окажется, что хозяйству крестьян и казаков не хватало от своих посевов на продовольствие и обсеменение полей 10.483.740 пудов хлеба (считая по 18 п. хлеба на наличную душу в год). Площадь земли, могущая поступить путем найма сельскому населению, пополняет недочет в размере около 3½ миллионов. Значит, остается докупить еще около 7 миллионов пудов хлеба, считая по 50 к. за 1 п. ржи, т. е. на сумму около 3½ миллионов руб., приплачивая сверх того 0/0/0 по займам деньгами или отработками. При этом промышленность развита слабо, кустарных промыслов нет, площадь отхожих заработков с распространением сельско-хозяйственных машин, сокращалась из года в год. В 1900 году в Полтавской губ. было уже 16,9% безземельного населения [1]).

Специально по Константиноградскому уезду, особенно пораженному аграрной эпидемией, статистические данные представляют следующую картину. Площадь земли уезда—541.285 дес., из этого количества земли лицам сельского сословия принадлежало 41,4%, а лицам привиллегированных классов—54,4%, земель общественных—4,2%. Ни в одном другом уезде полтавской губ., где вообще 0/0/0 помещичьего владения был не ниже 37, не было столь значительного преобладания частного владения над крестьянским. Между отдельными разрядами сельских обывателей земля делится так (в 0/0/0): на 1.674 хозяйства казаков—земли 7,3%, на 15.251 х. крестьян-собственников—36%, на 10.048 х. казенных крестьян—43,6, на 1.817 х. переселенцев—11,2, на 624 х. мещан—1.9.

Ясно, что наименее обеспеченным является наиболее многочисленный класс крестьян-собственников. У них на 1 хозяйство приходилось в среднем 4,7 д. пахатной и 0,05 д. сенокосной земли. О размерах безземельного контингента можно судить по селению Максимовка, жители коего принимали наиболее деятельное участие в движении. В первой части этого селения на 657 душ обоего пола полагалось 28 дес. 184 кв. сажени земли, во второй части на 413 душ—32 д. 650 кв. саж. (т. е. владение *одними усадьбами*). Земельных наделов не оказалось вовсе в 15 обще-

[1]) Там же, стр. 74—75.

ствах волостей, принимавших участие в беспорядках [1]. В деревне Лисичьей (главный очаг движения) на 445 душ—245 д. 1792 кв. саж. земли. Хлеба от урожая на собственных полях—не хватало по Константиноградскому уезду в 75% всех хозяйств (в Полтавском у. 54%).

Съемочные цены в Константиноградском уезде за 14 лет (с 1886 по 1900 год) поднялись—под яровой хлеб на 123% (по всей губернии на 44%), под озимый на 92% (по губернии на 38%); а в Полтавском уезде на 32 и 38%.

Арендные цены за 1891—1895 гг. возросли по сравнению с предшедшим пятилетием по Константиноградскому уезду на 19,2% под яровой посев и на 20,7% под озимый, а за пятилетие 1896—1900 гг. — 30,7% и 31,4% (по Полтавскому уезду—за пятилетие 1891—1895 гг. на 4,7% и 5,3%; а за 1896—1900 гг. на 13,5 и 12,7%). При этом нужно заметить, что площадь отдаваемых и по таким ценам земель крупных владельцев с каждым годом сокращалась. Преследуя свои узко-экономические выгоды, землевладельцы и арендаторы отдавали внаймы крестьянам землю преимущественно под уборку хлеба. В Константиноградском уезде за одну десятину полевой земли под хлеб требовалась уборка (частью с возкой) по 2 дес. экономического хлеба, а в Полтавском уезде крестьяне убирали за 1 дес. до 3-х дес. Выпасы для скота если и давались, то за тяжкие отработки в поле. В иных местах крестьяне вовсе не имели где пасти скот и частью были лишены его, частью вынуждены держать скот на привязи [2].

„Если расчитать,—пишет в своем докладе Коваленский,—то количество времени, которое крестьянин должен употребить для исполнения экономических работ за нанимаемую им землю, а вряд ли можно оспаривать положение, что только площадь в 6 дес. обеспечивает при наличности элементарных приемов хозяйства крестьянский двор хлебом на круглый год, то, таким образом, получится, что когда иной крестьянин обратится к своей ниве, то там перестелый колос уже успеет потерять часть зерна, и правы те обвиняемые, которые в своих речах, жалуясь на тяжесть положения, указывают и на это обстоятельство, как его усугубляющее".

Ко всему сказанному остается прибавить, что урожай 1901 г., как по всей Полтавской губернии, так и по Константиноградскому уезду, оказался за 15 последних лет ниже среднего (особенно картофель). Выражая разницу между урожаем 1901 г. и средним за 15 лет урожаем по названному уезду в %% отношениях к последнему и обозначая первые „+", а недостаток „—", получаем следующее соотношение хлебов в экономиях и малых хозяйствах:

Рожь + 22, — 14, озимая пшеница + 2, — 20; яровая — 5, — 24; ячмень — 2, — 28; овес — 5, — 34; просо — 2, — 48; гречиха — 50, — 32; картофель + 12, — 16.

Что касается хозяйственного положения затронутых движением уездов Харьковской губ. (Валковского и Богодуховского), то и оно не было лучше; валковское уездное земство отмечает недород хлебов в 1901 г. в одной трети уезда, но зато почти полный и повсеместный неурожай в огородах овощей, картофеля и капусты. В неблагоприятном положении определился уезд и по отношению к корму скота. Сузилась площадь земли, сдаваемой в аренду, и поднялись арендные цены, в связи с постройкой в пределах уезда двух сахарных заводов. И по этим уездам не редкость было встретить 1 дес. надела на душу и даже меньше; арендная плата под хлеб доходила до 12 р., отработка же требовалась в пору уборки в жатву до 2 д. и даже до 3-х д.

---

[1] Там же, стр. [illegible].
[2] Там же, стр. 3[illegible].

Итак, мы видим, что крестьянское население „обеспечено" земельным наделом в среднем по 1—1½ десятины на душу. Но это именно „в среднем". Нередки деревни и целые районы, в которых это обеспечение спускается ниже десятины и даже вовсе отсутствует. Остаются лишь усадьбы. Замечательно, что такое положение вещей наблюдается как раз в тех деревнях, которые явились главными центрами и пропаганды, и движения. 75% сельского населения прокормиться собственным хлебом, при самой выгодной конъюнктуре, не в состоянии. Вокруг этих злосчастных и заброшенных судьбой деревень раскинулись помещичьи экономии и частные владения, занимающие в общем около половины земельной площади губернии. Заработать что-либо, дабы не умереть с голоду, можно только там, ибо ни промышленность, ни кустарные промыслы не развиты. Только с помощью тех же частных владельцев можно найти место для выпаса скота, иначе надо держать его на привязи. И здесь открывается поле для самой беззастенчивой эксплуатации. „Помещики, — пишет Семенов, — обрабатывают большую часть земли сами, при помощи машин и небольшого числа рабочих, предоставляя в пользование крестьянам лишь незначительное количество земли плохого качества". Но податься некуда. Крестьянские владения окружены поместьями. Нет выбора. И за одну десятину, взятую под пары, обрабатывается по 2 и по 3 дес. на помещика. Такие же нормы и за предоставление выпаса. А за потравы—немилосердная практика неустоек, штрафов и судебные преследования. Крылатое словечко 3-го мужика из „Плодов Просвещения" попадает в официальный отчет члена консультации Семенова, как ходячий стон местного мужика: „Курицы некуда выпустить!"

Ко всем этим хроническим бедствиям присоединяется и переполняет чашу мужицкого горя неурожайный 1901 год. Трав совсем не было, картофель не уродился. К весне все запасы истощены. Нет хлеба, нечем кормить скот. В течение зимы 1901—1902 г. стояло к тому же полное бездорожье. Отпали немногие и скудные зимние заработки, вроде извозного промысла, перевозки дров и т. п.

Любопытно отметить, что как раз в 1900 г. последовал закон об обеспечении продовольственных потребностей сельских обывателей, согласно которому продовольственное дело было отнято у земства и передано в руки института земских начальников и других крестьянских учреждений. 1901—1902 г.г.—это первые годы практического применения этой новой государственной меры. И вот земство продовольственной помощи не оказывает. А деятельность новых хозяев продовольственного дела, видимо, стоит не на высоте. Ссуды из запасных магазинов выдавались далеко не всегда и притом лишь на обсеменение полей [1]).

Куда деваться? И хотя „порвалась цепь великая", но порвалась в законах и манифестах, а в „экономике" своей жизни крестьяне все же оказались прикованы, как к тачке, к помещичьей экономии, прикованы с неменьшей „крепостью", чем раньше. И оставалось кланяться соседу-помещику, просить его милости. „Но здесь, — продолжает Семенов, — они встречали безучастное к себе отношение, большинство землевладельцев отказывало крестьянам в помощи; только немногие давали им незначительные ссуды зерновым хлебом, безусловно отказываясь поделиться с ними своими запасами корма для скота. По убеждению крестьян, *быть может и не лишенному основания*, делалось это с целью искусственно возвысить цены на сельско-хозяйственные продукты" [2]). Жандармский ротмистр

[1]) Жандармский ротмистр Беклемишев, производивший дознание о „преступной пропаганде" в этих местностях, свидетельствует, что ссуды фактически стали выдаваться только после беспорядков.

[2]) Там же, стр. 61.

Бекдемишев, на которого возложено было производство дознания о преступной деятельности революционеров, вызвавших, по мнению правительства, бунт, пишет в своем заключении „хотя настоящее дознание, направленное, главным образом, для выяснения политической стороны движения, коснулось экономических условий жизни крестьян, принимавших участие в беспорядках, лишь в общих чертах, но и те немногие данные, которые имеются в деле, оттеняют неудовлетворительное материальное положение крестьян Константиноградского и Полтавского уездов и *полную экономическую зависимость* их от окрестных землевладельцев и арендаторов". И далее этот жандармский чин, вряд ли могущий навлечь на себя подозрение в антипомещичьей тенденциозности, излагает о малоземелье, непомерно высоких арендных ценах и притеснениях на почве отработки земли и штрафов.

Вот об'ективные данные об экономических предпосылках того, что случилось в четырех уездах Полтавской и Харьковской губерний в конце марта и начале апреля 1902 г. От официальных показаний о безвыходности положения местных крестьян перейдем к показаниям их самих. Главными были „лозунги", громогласно выкрикиваемые толпой во время „беспорядков": „Есть нечего, дайте хлеба!", „Дайте муки, а то пропадаем!", „У нас столько земли нет, пусть дадут нам есть, а то заберем". „Наши отцы работали панам, работаем и мы, пропадаем с голоду, никто нам не хочет помочь".

Когда один помещик нашел нужным обратиться к толпе, пришедшей его грабить, с вопросом, за что она хочет его разорить, крестьянин Вакула кратко и выразительно ответил: „У тебя на одного 100 десятин, а у нас 1 десятина на семью. Попробовал бы ты прожить на 1 десятину, тогда бы посмотрел, как мы бы тебя накормили". При разгроме одной экономии в Валковском уезде на увещания прекратить грабеж крестьянин, уводя воз награбленного имущества, ответил: „Как ты думаешь, могу ли я жить на 3/4 десятины"?

„Позвольте рассказать вам, — говорил на суде крестьянин …, — о нашей мужицкой, несчастной жизни. У меня отец и 6 малолетков, без матери, детей, и надо жить с усадьбой в 1/2 дес. и 3/4 десятины земли. За пастьбу коровы мы платим арендатору Кузьминову 12 р., за десятину под хлеб надо работать 3 десятины уборки. И все это надо заработать двумя мужичьими руками! Теперь уже даже и за такую высокую цену землю с трудом найдешь. Жить нам так нельзя, мы в петле. Что же нам делать? Обращались мы, мужички, всюду. И у земского начальника были, ходили и в земскую управу, нигде нас не понимают, нигде нам нет помощи"...

„Если бы ты ел такой хлеб, как едим мы и наши дети, — сказал 75-ти летний крестьянин Константиноградскому исправнику, — ты сам пошел бы хлеб забирать у тех, у кого его много".

Сельский староста дер. Максимовки, особенно отличившейся в движении, расположенной по соседству с Карловкой, экономией принца Мекленбург-Стрелицкого, описывает хозяйственное положение общества так: „Последние годы особенно тяжело стало жить. Условия отдачи земли Карловской экономией с каждым годом становились все стеснительнее. Ведь десять лет тому назад за 100 д. толоки снимали 60 д., а теперь за 1 дес.—1, 1 1/2 десятины уборки хлеба, притом экономия обязывает нас уничтожать овражков, даже штраф установила в 200 р., если мы это не исполним. В весенний пост этого года наше общество заключило условие о найме земли под толоку, причем за 160 д. мы обязаны скосить и связать 180 или 190 дес. хлеба. Толока отдается нам уже лет 40 на одном и том же месте. Условия отдачи земли под посев таковы: за 1 д. земли нужно убрать 1 1/2 д. экономического хлеба и в данном случае экономия дает нам

худшую землю под посев... Условия обработки тяжелы еще потому, что в экономии обыкновенно урожай хлеба превосходный: бывает иногда 30—35 копен на десятине, а потому на десятину земли, на которой часто и урожая не бывает, так как она уже истощена... приходится иногда затрачивать 6—7 дней втроем работы (экономической) и получится все же, что при этом сам хлебом не обеспечен, зато панскую землю обработал и хлеб ему собрал... Хлеба у нас хватает не далее декабря... Сенокосов нет и выпаса для скота нет... Рабочего скота за последнее время очень уменьшилось. В прошлом году было 300 голов, а теперь и 100 штук не найдешь в нашем обществе. Земледельческих орудий, сколько-нибудь пригодных для работ, мы не в состоянии приобрести, потому и обработать землю как следует мы не можем. Удобрить землю навозом также не можем, потому что он у нас идет на отопление".

Экономическими предпосылками определяется и психология бунтующей массы. Безвыходный тупик заражает ее злобой и отчаянием. Идет баба, несет только что родившегося поросенка. „Куда несешь, все равно сдохнет" говорят ей. „Пускай сдохнет, лишь бы не пану". „В тюрьму всех не возьмете,—кричит один обвиняемый,—а Сибирь нашего царя, там землю дают". Другой крестьянин на угрозу, что за грабеж полагается тюрьма, отвечает просто: „Там кормят".

Тупик, в который оказались загнанными крестьяне, вырисовывается ясно. И ясно становится, что при такой хозяйственной обстановке людям жить было нельзя. На лицо были глубоко залегшие, исторические, закоренелые „причины" аграрного движения. „Поводы" должны были найтись и нашлись. Только возможно ли при таких условиях утверждать, как это с усердием и озабоченным видом делали представители власти, будто в этом „поводе" кроется и причина бунта. Нужно ли было революционизировать, т. е. систематическим путем агитации внушать населению тот или иной революционный образ мыслей и чувств, воспитывать массы в направлении к восстанию против существующего порядка, когда вся эта, сама по себе, медленная и методическая работа оказалась уже выполненной условиями самой жизни и быта.

Спрошенный о распространении революционных изданий среди населения один староста, сказал так: „До меня никаких слухов о „книжках" не доходило, ни о том, что в них написано... И думаю, что если бы нам лучше жилось, никакие книжки, чтобы там в них не написано, не имели бы никакого значения. Страшны не книжки, а то, что есть нечего ни тебе, ни скоту".

Однако, все-таки „книжки" были. Были и „сб'екты" политического дознания и административно-жандармских мероприятий.

Со второй половины 1901 г., в особенности с начала 1902 г., в население начинают проникать книжки, брошюры и листки, написанные преимущественно на малороссийском языке, в которых доступным для понимания крестьянина образом излагается то, что вполне отвечает настроению населения, измученного продолжительной борьбой с тяжелыми экономическими условиями и не получающего ни откуда ни материальной, ни нравственной поддержки.

В руки полиции попало сравнительно незначительное число экземпляров листовок и изданий, что лучше всего доказывает интерес и бережное к ним отношение населения. В обращении находились: „Рабочие союзы", „19 февраля", „Стачка лжи", "Великая Французская революция", „Мартовская революция в Германии", „Женщина-работница", „Воззвание по поводу 19 февраля от имени рабочей партии политического освобождения России".

отдельные номера „Искры" за 1901 г. и „Южного рабочего". Но особенный успех в крестьянской среде имели, главным образом, „Дядько Дмитро" издание русской украинской партии, „Чи е теперь панщина", „Ко всем Полтавским крестьянам" от имени российской социал-демократической партии, „41 рик назад" (украинские социалисты революционеры) и т. п.

Книжки читались и пересказывались друг другу охотно. Многие крестьяне цитировали их наизусть. Даже ученики местных школ оказались осведомленными в этой литературе.

Ротмистр Беклемишев, производивший политическое дознание, [illegible] в связь это появление в деревне революционной литературы с новым направлением „преступной деятельности организаций и групп, [illegible] в России за так называемое освобождение родины" и ссылается на программную статью Плеханова („Заря" № 2—3 за 1901 г.), где намечался [illegible] агитации еще бо́льшие размеры, распространив ее, по возможности, и на сельское население".

Казалось, что в виду косности и инертности крестьянской массы, пропаганда должна была быть расчитана на длительное время, чтобы добиться ощутительных результатов. В № 5 „Листков жизни" 1902 г. киевский корреспондент писал: „Никому не приходило в голову начинать борьбу с такими слабыми силами, притом на пространстве только нескольких уездов". И действительно, трудно было бы предположить, чтобы в задачи революционных партий входило устроить аграрную вспышку в столь незначительном масштабе, как бы только для того, чтобы растратить революционную энергию масс без всякой надежды притом, чтобы эта вспышка послужила сигналом к какому-либо другому выступлению, более широкому, в других местностях.

Однако вышло иначе. По словам того же корреспондента, „в местностях, где происходили крестьянские волнения, нужда среди крестьян была так велика, столько уже накопилось сельского пролетариата, что, как оказалось, достаточно было какого-либо толчка, чтобы недовольство современным положением вещей, от менее опасного для правительства и землевладельцев проявления недоброжелательства, перешло к открытому бунту".

Вот этот толчек, со всей его случайности. Рядом с деревней Лисичьи (Константиноградского уезда) находилось имение в 550 дес., принадлежавшее вдове Наталии Павловне Алексенко, которая там и проживала. С 1900 года туда стал приезжать и по неделям жить ее сын, студент Анатолий Алексенко. Этого последнего его дядя полтавский городской голова Трегубов характеризовал, как „полоумного". Насколько эта характеристика основательна, можно усомниться, в особенности если принять во внимание, что мотивировалась она тем, что Алексеенко, тогда уже студент, еще чуть ли не со старших гимназических классов все свободное свое время проводил в деревне в постоянном общении с крестьянами. Трегубов не раз говорил племяннику: „Охота тебе с ними возиться, устраивать елки, ходить по избам, лечить".

Материал дознания, повидимому, дал довольно определенные указания на то, что Алексенко снабжал революционной литературой местных крестьян, из числа которых двое, Бушкий и Коркишко, были особенно близки с ним и впоследствии во время беспорядков играли в них видную роль. В разгар беспорядков (30 марта) Алексенко был арестован. Он отрицал свою виновность в пропаганде. Родственники его сделали попытку доказать его невменяемость. Его даже поместили в полтавскую психиатрическую больницу, но уже 1 мая того же года он был выписан оттуда, а полтавский окружной суд (18 окт. 1903 г.) постановил: „Признать умственные способности дворянина Анатолия Алексенко, как в настоящее время, так и весною 1902 года, нормальными и его, Алексенко, умственно

...ровым". Производившее дознание начальство предлагало ограничиться высылкой Алексенко на срок до 3 лет, но высочайшим повелением определено было выслать его под гласный надзор полиции в Восточную Сибирь на 10 лет и лишь впоследствии это наказание было заменено такой же высылкой в Вологодскую губернию.

Таков был главный деятель революции на месте. Что касается его ...подвижников—то это местные крестьянские парни, охотно читавшие нелегальную литературу и раздававшие ее другим, охотно вступавшие в беседы на прочитанные темы. Из их числа несколько человек действительно принимали впоследствии активное участие в беспорядках и подверглись как уголовному, так и административному взысканию.

Все это, однако, чрезвычайно далеко от правильной, систематически организованной постановки дела. В деревне Лисичьей мы имеем дело не с разветвлением какой-либо общей революционной организации, а просто с случайно образовавшимся кружком местных крестьян, тяготевших к студенту Алексенко, снабжавшему их интересными книжками и листовками, и своим отношением к местному сельскому люду вызвавшему симпатию и доверие. Правда, в дознании упоминаются и какие-то другие молодые люди, отчасти раздававшие нелегальные издания, отчасти просто беседовавшие с крестьянами на темы об их тяжелом житье-бытье; однако ничего определенного из этих отрывочных указаний составить было настолько невозможно, что ротмистру Беклемишеву осталось формулировать результаты своих достижений так: „Из предыдущего изложения усматривается, что район Константиноградского и Полтавского уездов (Лисичье, Максимовка, Варваровка, Войновка и др.), откуда начались крестьянские волнения, был снабжен нелегальными изданиями отчасти б. студентом дворянином Анатолием Алексенко, при содействии крестьян д. Лисичьей Власа Коркишки, Артема Куцого, Тараса Стороженко и Василия Денисько, которых Алексенко, пользуясь своими периодическими наездами в д. Лисичью, успел развить в противоправительственном направлении, почему они в деле пропаганды среди крестьянского населения ложных идей принимали вполне сознательное участие. Наряду с ними, как видно из дознания, политической пропагандой среди крестьян занимались и другие лица, *своевременно не задержанные и дознанием не обнаруженные*".

Жандармское дознание, в целях придать всей этой истории размеры и содержание, сколько-нибудь отвечающие калибру происшедших аграрных волнений, вынуждено было припутать сюда же и некоего Леонтия Гомелли, „одного из видных деятелей Полтавской группы Российской социал-демократической партии", на том только основании, что некоторые издания, обращавшиеся в кружке Алексенки, были выпущены в свет этой группой. Так ли это, или не так, одно ясно, что во всем дознании ротмистра Беклемишева не усмотреть ничего конкретного, что свидетельствовало бы о работе Алексенко и других лиц, дознанием обнаруженных и необнаруженных, к поднятию окрестного населения и устройству восстания.

Да и совершенно очевидно, что самая количественная ничтожность местных революционных сил не говорит за наличность такого намерения.

Коваленский по поводу этого дознания отзывается сурово. По его мнению, — это „материал малоценный и своей расплывчатостью и частичным собранием большей частью всяких слухов, но не убедительных фактов, проливает мало света на дело". Причину тому Коваленский видит в том, что жандармские чины, натренированные на интеллигентах-одиночках и полуинтеллигентных рабочих, оказались неподготовленными, чтобы разобраться в простом по форме, но сложном по существу явлении

совершенно новой для них среды, совершенно им чуждой по своей психологии, нравам и обычаям“ [1]).

Но каков ни был политический розыск, исследовать все же приходилось нечто весьма проблематическое и отнюдь не стоившее серьезного расследования. Коваленский это в полной мере признает: „Алексенко [illegible] был не чужой среди лисичан, у него там было много и товарищей детских игр в деревне. А рядом с этим он не мог не быть осведомлен о [illegible]ком экономическом положении этих сельчан и о благоприятной [illegible] паганды почве... Эффект этой, *случайно*, повидимому, [illegible] с. Лисичьей пропаганды был *неожиданностью* как для [illegible] так и для самой революционной партии, в нем *ближайшей* [illegible] *принимавшей*“ [2]).

„Вещие“ слова о справедливом разделе земли, [illegible] мести сплочения, борьбы и открытое осуждение тяготеющих над [illegible] порядков отозвались в крестьянах. Средство, расчитанное на [illegible]ское и постепенное применение, неожиданно оказалось в условиях [illegible]левшего деревенского организма сильно действующим.

И вот вся Лисичья сгрудилась в один плотно спутанный [illegible] „Все нити расследования,—говорят представители власти, ведут к Лисичьей, но тут бесследно пропадают“. Дело в том, что лисичане [illegible]лись величайшей конспиративностью, забронировались неприступной [illegible]варищеской солидарностью. Круто изменилась вся психология селения. Раньше, по наблюдению местного исправника, эти люди были благонравны, аккуратны в работах, даже владели землей, купленной с помощью Крестьянского банка. И вдруг платежи в банк прекратили („землю, мол, все равно не отберут“), перестали работать в экономиях, поведение стало резким, вызывающим. В самой деревне какие-то потайные собрания. А тут рукой подать—Максимовка, почти безнадельная деревня, сплошь заполненная сельским пролетариатом.

Беспорядки и усмирение.

„С 31 марта по 5 апреля отчетного года,—пишет во всеподданнейшем отчете за 1902 г. харьковский вице-губернатор Азанчевский,—в Валковском и Богодуховском уездах происходили беспорядки, выразившиеся в массовом нападении крестьян на владельческие экономии. Крестьяне [illegible]били движимое имущество помещиков, как-то: хлеб, корм для скота, живой и мертвый сельско-хозяйственный инвентарь, предметы домашней обстановки и т. п., в отдельных же случаях даже поджигали экономические постройки. Беспорядки застигли местную администрацию *совершенно врасплох*. Казалось бы, народному движению столь необычной формы и также размаха должно было предшествовать известное движение в крестьянской среде. Между тем....., как полиция, так и землевладельцы.... были совершенно спокойны, не усматривая в настроении крестьян тревожных признаков“ [3]).

Ни землевладельцы, ни полиция, ни земские начальники ничего не подозревали, до такой степени, что первым об'ектом погрома оказался как раз земский начальник Глушков.

---

[1]) Припуталась тут и чисто случайная причина. Беклемишев был поставлен в этом деле в положение, совершенно независимое от местного губернского жандармского управления, во главе которого оказался некий полковник Преферанский, к Беклемишеву лично нерасположенный...

[2]) Там же стр. 73.

[3]) Там же, стр. 6.

Но движение началось не в Харьковской губ., оно перекинулось туда из Константиноградского уезда Полтавской губ.

Владельцы и арендаторы Константиноградского уезда за два или за три месяца до начала событий стали замечать что-то неладное между крестьянами. „Слышно было о книжках, газетах преступного содержания", сельчане стали дерзки, вызывающи, работали плохо, толковали о каких-то новых законах, о переделе имуществ; в людских и на кухнях в экономиях сообщалось, „что в сельском правлении уже имеются книжки, в которых написано, что студенты хлопочут, чтобы земля панов перешла к мужикам". И оказывалось, что это не вздор. Книжки и прокламации находились. Владельцы и арендаторы, смущенные этими находками, ездили с ними к исправнику, к земскому начальнику. Но это не произвело никакого впечатления.

К арендатору Коломийцу (экономия Трегубова) приходят рабочие с неожиданными вопросами: что такое революция, что такое политика?

„Книжки" начались еще зимой, а с марта вдруг вспыхнули пожары. Имущая часть населения всколыхнулась. Появилились анонимные письма. Помещик Гриневич в первой половине марта получает требование убираться из имения, иначе имение сожгут, „облив керосином". „Здесь,— говорилось в записке,— будут другие хозяева". Пожары стали заметно стихать, но доносилось народное суждение: „Зачем жечь, все равно наше будет".

25 марта такой же ультиматум очистить имение получает арендатор Коломиец. К нему явились 50 человек лисичан с категорическим заявлением: „Убирайся, мы и наши отцы здесь работали, это все наше". В ту же ночь последовал поджог. Коломиец полетел в „губернию" к городскому голове; тот к губернатору Бельгарду, к которому, оказалось, уже обращались с аналогичными предупреждениями и другие помещики уезда. Но губернатор авторитетно отозвался, что „это не так" и что исправник только что ручался ему за спокойствие в уезде.

А между тем через день в д. Лисичью, по словам крестьян, приезжала „комиссия", повидимому, жандармы, но „ничего не сделала". Дело в том, что казак Василец воспользовался приездом начальства, чтобы подать жалобу на похищение у него сена. „Комиссия" сказала, что это не ее дело, что она касается „только пропаганды". Почему-то это разъяснение в устной передаче людей, уже взбудораженных предчувствием чего-то близкого и значительного, приняло такую версию: комиссия будто бы сказала: „всего у панов брать нельзя, а только половину". Тогда „пошли и мы грабить"[1]).

Когда общественный эксцесс слишком назреет, то его актуальное проявление наступает одинаково и тогда, когда требования не удовлетворяются, и тогда, когда они начинают удовлетворяться слишком поздно. Последнее обстоятельство и открыло настоящие „прямые действия". Вот как об этом рассказывает Максимовский сельский староста:

„В виду неурожая картофеля, последний сильно поднялся в ценах, а в карловской экономии, как было слышно, картофель продавался по 10 коп. за пуд. Пошел и я с десятским проверить этот слух в варваровское управительство. Управляющий подтвердил это и сказал, что беднейшим жителям моего общества будет выдано *даром* по три меры картофеля на человека. Собралось нас сначала человек 3; нам выдали, за нами поехали и другие, третьи и т. д. Управительство давало, пока можно, а затем, так как нуждающихся было все более и более, то *начали уже брать не спросясь*, т. е. грабить. Слухи о том, что нам даром дали,

[1]) Там же, стр. [illegible].

быстро облетели все села, и все поехали, на том основании, что брать можно. После варваровского начали брать в бурговском управительстве, но не картофель, а уже сено; притом в данном случае выяло, что нужда в сене была крайняя, особенно, когда настала весенняя пора работать. Дело в том, что максимовцы сначала *купили* стог сена, а когда приехали его забирать, то желающих было больше, чем сена, а потому забрали уже самовольно и второй стог. Услыхали это другие и порешили, что значит *сено* брать *можно* и продолжали сами. И чем дальше, тем больше охватывала людей страсть воспользоваться, поживиться хоть чем-нибудь. Все были какие-то взволнованные, верили слухам, на слово. И грабеж от картофеля перешел к хлебу и ко всему, что попадалось под руки. Людей трудно было удержать, они не слушали и захватывали все, что попадалось"[1].

После этого движение охватило другие селения.

Внешний ход беспорядков был таков: по Полтавской губ. крестьяне дер. Лисичьей явились с ультиматумом к Коломийцу 25 марта. 27 и 28 марта идет расхищение картофеля и сена в Карловской экономии. Одновременно происходят нападения на экономии Чамары, Костарева, Чуева и Водяницкого — эти нападения частично длятся до 30 марта. 28 марта разграблен ненавистный крестьянам помещик Роговской. 29 марта разграблены еще 5 экономий, то же число пострадало 30 марта. Только с этого числа полтавский губернатор, уже получивший от начальства указания и наставления, решается начать действовать. 31 марта — апогей движения в Полтавской губернии — разнесено 14 экономий. На следующий день войска начинают оперировать. Однако в этот день пострадало еще 5 экономий; 2 апреля задето еще 3 экономии и движение стихло. В Харьковскую губ. движение перекинулось (в Валковский уезд) 31 марта: были разграблены 2 экономии, при участии полтавских крестьян; 1 апреля пострадало уже 13 экономий; 2 апреля — 9 экономий. В этот день в г. Валках была паника: огромные толпы крестьян двигались к городу. Но губернатор князь Оболенский уже накануне был на месте, движению была противопоставлена военная сила, а также и другие не менее энергичные меры воздействия, о которых будет сказано ниже. Беспорядки сразу стихают. К 5 апреля все кончено безусловно.

Какова была интенсивность бунта? В какой мере помещичьи экономии подверглись разграблению?

Положительно можно утверждать, что случаи полного разгромления экономий, хотя и имели место, но составляли исключение и не типичны для характеристики форм проявления движения. В Константиноградском уезде подверглось полному разграблению несколько усадеб. В них не только из амбаров, но и из помещичьих домов увезлось все, до дверных ручек и печных вьюшек включительно, расхищалась сбруя, экипажи, посуда, книги. Две усадьбы были подожжены и сгорели.

По Харьковской губ. в этом отношении особенно выделяются случаи разгрома завода купца Молдавского в селе Ново-Ивановском Валковского уезда и нападения на усадьбу помещицы Гаевской, в том же уезде. С завода Молдавского было расхищено до 30 тысяч пудов сахару, всевозможная утварь, разобраны по частям и машины, и уведено 100 голов скота. Во время опустошения складов сахара этой последней были [illegible] и задавлены на смерть два крестьянина. [illegible] [illegible] экономию, толпа кинулась даже на заводскую больницу, похитила все медикаменты из аптеки, [illegible] [illegible] [illegible] которые были [illegible]. [illegible]

[1] Там же, стр. [illegible]

одно только старое кресло. Строение сожжено, хотя дом уцелел от пожара. Можно упомянуть еще и о разгроме усадьбы Яхонтовых, где помимо разграбления амбаров и скота, расхищена была движимость дома, бриллианты, ценная библиотека.

Но перечисленные случаи, как сказано, не являются типическими. В подавляющем числе случаев дело ограничивалось отобранием хлеба, картофеля и корма для скота; притом и бралось не все,—„и пану нашу скот кормить". В общем все это приобретало характер какой-то реквизиции, происходящей на точном основании каких-то таинственных „законов". Последними в представлении крестьян часто являлись „книжки" и „листы", т. е. нелегальные издания, иногда же ссылались на некие „царские указы", которые вот-вот будут привезены на место „генералами" и опубликованы.

Таковые черты беспорядков 1902 года резко выделяют эту фазу аграрного движения от последующих, в частности от движений 1905—1907 г.г. Там, на ряду с применением совершенно новых, незнакомых 1902 году форм— вроде сельскохозяйственных забастовок в самые критические моменты деревенских работ и снятия с работ,—шли и разгромы; и разгромы эти преследовали совершенно сознательную цель, а не были, как в 1902 г., случайными эксцессами. Там жгли и уничтожали до тла с сознательным намерением „выкурить помещика", так, чтобы ему и вернуться было некуда. Здесь же, прежде всего, изголодавшиеся хотели покормиться и накормить скот. И хотя возгласы вроде того, что „сами скоро будем панами", „будет им пановать", „скоро все будет наше", и оглашали весной 1902 г. украинские села, но они не были лозунгами какой-либо определенной практически осуществляемой программы, а просто облегчали душу и служили взаимным ободрением.

Беспорядки 1902 г. как быстро вспыхнули, так быстро и потухли. Какими же мерами их прекратили?

Известно, что в Полтавской губернии меры прекращения беспорядков были признаны центром неудачными, вялыми, запоздалыми, и губернатор был тотчас же смещен. Действительно, он просмотрел движение, хотя у него не было недостатка в предупреждениях. Между прочим еще 23 марта константиноградский уездный предводитель дворянства в присутствии полтавского губернского предводителя определенно указывал ему, что в местности, которую ему намечали на карте, должны произойти в ближайшие же дни крупные крестьянские беспорядки и грабежи помещичьих усадеб. Беспорядки в Полтавской губернии начались с 25 марта, а 27 и 28 марта происходили очень уже крупные события. И однако только в ночь на 30 марта, получив от константиноградского исправника телеграфную просьбу о присылке войск, губернатор отправился на место действия с 5 батальонами пехоты, без кавалерии. Это обстоятельство определяет в дальнейшем и всю его неудачную стратегию. Он стал двигаться со всем отрядом по линии беспорядков из селения в селение. Появление войск в деревне, разумеется, сразу производило сильное впечатление. Губернатор следовал дальше и при этом не только уводил с собой все свои вооруженные силы, но даже и местную полицию. И, разумеется, в пройденных им местностях, оставленных без полиции, беспорядки сейчас же вспыхивали с усугубленной силой. Надо отметить, что губернатор не прибегал в этой фазе усмирения ни к военным постоям в селениях, ни к систематическому сечению. В рапорте министру юстиции Лопухин сурово оценивает действия неудачливого губернатора: „Необходимо признать, что в Полтавской губернии насилия и грабежи не были подавлены властью, а прекращены самими грабителями".

Повидимому, на полтавское движение повлияли харьковские события, подобно тому, как аграрный пожар перекинулся из Полтавской губ. в Харьковскую, так обратно—страх правительственной репрессии, „молниеносно" проявившейся в Харьковской губ., сковал стихию, бушевавшую в Полтавской губ.

Однако и в Полтавской губ. не обошлось без стрельбы. В Ковалевке (Полтавского у.) в имении Трепке бывший унтер-офицер Преображенского полка Павел Шанда, прибывший только в 1901 г. со службы из Петербурга в деревню, став во главе толпы, вооруженной кольями, пошел [illegible] на воинскую команду. „Я унтер-офицер лейб-гвардии Преображенского полка, — кричал он,—я знаю, что они не смеют стрелять!", а обращаясь к солдатам, говорил им: „Не стреляйте в крестьян, им есть нечего, у них земли нет". Толпа ринулась вперед с криком „ура!" Последовал залп, давший результаты в виде убитых и раненых [1]). „Экзекуции" начались в Полтавской губернии, когда движение уже стихало, и хотя, как указано, не приняло систематического характера, но все же отличалось в отдельных случаях большой жестокостью. В особенности, обращает на себя внимание, что они применялись как-то по пустякам. В Карловской экономии однажды украли 30 пуд. сена стоимостью в 15 р. В это время сам губернатор находился в Карловке. Узнав о случившемся, он приказывает разыскать виновных, а зачинщиков наказать розгами. Несмотря на отсутствие улик, 17 крестьян повинились, а так как требовались зачинщики, то „было решено" шестерым лечь под розги. Они были жестоко наказаны. В другом месте крестьяне не только прекратили самый грабеж, но даже снарядили 100 подвод под войска, а награбленный хлеб решили сложить в волостном правлении и ждать дальнейших распоряжений губернатора. Несмотря на столь миролюбивое их настроение, их стали сечь и наносили до 150 ударов. Были случаи нанесения до 200 ударов человеку. Приходилось после экзекуции отдавать наказанных в больницу, откуда некоторые выходили месяца через два. Не гарантировал и возраст. Секли и 65-летних крестьян [2]). Секли и женщин. 50-летняя баба, увидав своего высеченного сына, выскочила на улицу и закричала: „Что вы на них смотрите, сечь вельят, где эти законы!" Ее тотчас же высекли, но с соблюдением приличия в сельском правлении.

Процесс усмирения в Харьковской губернии прошел необычайно быстро. Донесения о первых волнениях были получены в Харькове около 10 ч. вечера 31 марта. Губернатор выехал на место с батальоном пехоты и сотней казаков. Застав грабителей в имении генерала Перлика, отбил награбленное, высек крестьян и произвел аресты. Увлекшись преследованием грабежей в окрестных селениях, он стал оперировать в усадьбах соседней Полтавской губ., но узнал о происходящем в Валковском уезде разграблении завода Молдавского и поспешил в свою губернию, прибыл однако к концу разгрома. Здесь была произведена жестокая экзекуция. 1 и 2 апреля волнение продолжалось в разных местах, и губернатор всюду стремился предупредить их своим появлением, что иногда удавалось. Но вот возникла новая опасность. С вечера 1 апреля от г. Валок началось встречное движение грабежей. В городе возникла паника, жители стали сдавать ценности в казначейство и полицейское управление. 2-го апреля на улицах показались толпы крестьян. Разгром висел над городом. Но губернатор поспел с войсками. Только что приступили к расквартированию

[1]) Там же стр. 102.
[2]) Там же, стр. 112.

утомленных походами воинских частей, как получаются известия о новых нападениях на близь лежащие усадьбы. Казаки вновь поскакали и т. д. Но движение затем явно уже пошло на убыль.

В Харьковской губ. „экзекуции" были применены не случайно, не под давлением какой-либо неотвратимой необходимости, но заранее включены в программу действия. Лопухин доносил Манухину: „кн. Оболенский, уезжая сегодня ночью на место, высказывал предположения о том, что для прекращения беспорядков ему придется прибегнуть к телесному наказанию главных виновников, если таковые будут обнаружены на месте преступления, но при этом заявил, что к сечению, как каре, по окончании беспорядков, ни под каким видом прибегать не будет" [1]). На этом, видимо, состоялось соглашение между губернатором, „хозяином губернии" и прокурором палаты. Несомненно, что губернатор не сдержал своего слова. Более того, отбывая в Харьков, он предоставил всем, кто считал себя начальством на месте, продолжать экзекуцию. „*Сек всякий кто хотел и как хотел*",—сообщает Коваленский,—„сводились личные счеты, а не карались виновные... *крестьян секли без счета*" [2]).

В заключение небезинтересно отметить, что харьковский губернатор в деле усмирения пользовался услугами добровольцев. В их фигурах нетрудно узнать типические черты будущих членов союза русского народа. В Валковской волости выступает некий Федор Иевенко, мужчина огромного роста, с громогласным, не терпящим возражений, голосом, по профессии мясник. Он берет на себя функцию „защитника правды", и для этого начинает ходить по базару, об'являя „слово и дело". Всякого произносящего „подозрительные слова", влечет в полицию. Он засел при дороге, ведущей в Валки, и при малейшем сомнении хватал всякого проходящего. Его потребовали к губернатору и „тот его целовал" и целовал почему-то „в каждый висок по три раза" и обещал наградить. Был еще какой-то другой тип—Рапота, без устали скакавший на серой лошади по деревням; он гонялся за всеми, всех бил, хватал и влек к ответу. Но его где-то настигли „крамольные" крестьяне и жестоко избили.

Некоторые черты психологии «бунтующей» массы.

Нигде так отчетливо не сказывается, что полтавские и харьковские события 1902 г. были только прологом к грядущей аграрной революции, как на настроениях крестьянской массы, если приглядеться к ним и стараться по отдельным психологическим чертам уловить некоторую вытекающую из них, хотя бы не вполне осознанную самими действующими лицами, идеологию последних.

Как было уже указано, коренные, определяющие все аграрное движение последующих годов, идеи захвата и передела помещичьих земель, хотя и высказываются (частью выношенные опытом крестьянской действительности, частью внушенные чтением революционной литературы), однако, не ложатся в основу какого-либо практического обдуманного плана действия, не определяют собой самой линии поведения. Последнее главным образом направляется на ближайшие, гораздо более скромные цели,—покормиться, раздобыться хоть на время насущно-необходимым. В дальнейшем, чем более растет движение, чем больше вскипает массовое возбу-

[1]) Там же, стр. 20.
[2]) Там же, стр. 108 -110.

ждение и взаимозаражение, тем рельефнее сказываются судороги импульсивного раздражения, позывы мстить, разрушать, без ясно сознаваемой практической цели.

Как ни „преступна“ была деятельность полтавских и харьковских землеробов с точки зрения статьи закона, по которой многие из них и были затем посажены на скамьи подсудимых, с точки зрения государственного порядка, но, если взглянуть в дело со стороны коллективной психологии самих участников аграрных событий, то едва ли не следует притти к заключению, что прямого разрыва с основами „порядка“ не только еще нет, но что историческая идеология русской государственности того времени продолжает жить и в „бунтующей“ массе, правда, получив весьма неожиданное и причудливое преломление.

На первый взгляд кажется очень парадоксальным, но в существе дела глубоко верно, что крестьяне желали „грабить“ и старались себя уверить, что грабят *„по закону“*.

Отсюда ряд последствий. Прежде всего не все можно брать. Все брали и все громили только в отдельных случаях особого возбуждения и раздражения. Общая картина—другая. Берется только следуемое „по закону“, т. е. хлеб, картофель, сено, корм для скота. И эти последние припасы большею частью берутся у помещиков не целиком, а так, чтобы оставалось впечатление справедливого дележа. Бралось все это только у помещиков (хотя бы и просто крупных кулаков из своей же среды); отнюдь не громили никаких правительственных учреждений или складов. Был случай, когда во время нападения на усадьбу помещика Чамары, хлеб которого был заложен в банке, крестьяне, подойдя к амбару, увидели, что на двери последнего наложены печати с изображением государственного герба,—и этого оказалось достаточным, чтобы они оставили хлеб в амбаре нетронутым, заявляя, что здесь брать ничего нельзя: „это казенное“. И Семенов и Коваленский свидетельствуют в своих докладах, что к должностным лицам судебного ведомства и даже административного крестьяне не проявляли агрессивных действий, несмотря на то, что к последней категории чинов не могли быть настроены дружелюбно. Мало того, очень важно и ценно указание, что бунт 1902 г. был *бунтом трезвым*. „Ни одна винная лавка не была разорена. Нужно было со стороны крестьян много мужества, чтобы лишить себя наслаждения выпить всласть даром водки. Крестьяне, памятуя, что винные лавки казенные, значит царские, их в своем движении обошли“ [1])...

Но эти внешние, если можно так выразиться, черты лойяльности бунтовщиков становятся на второй план, если обратить внимание на то, кем и во имя чего направляется, *в представлениях крестьян*, самый бунт. Потому и должен происходить бунт *по закону*, что он предписан никем иным, как самой верховной властью.

Дело в том, что „царь уехал к теще“. По делу Шацилло (Константиноградского уезда) обвиняемый Чмель говорит: „царя нет, он выехал к теще, а нанял за себя управляющего, который разделывает панов“. Василий Гречка (по делу Роговского) высказывает следующее миросозерцание: „бога нет, теперь одна натура, а царь уехал к теще“. Крестьянин Коваленко (по делу Полея) повествует об от‘езде царя так: „Царь спрашивал

[1]) Из этого, кстати сказать, Коваленский делает не совсем ловкий для официального отчета вывод, что в крестьянах живет преданность монарху и принципам самодержавия

у синода, кто у вас хозяин, когда вы уезжаете? Синод ответил: управляющий. Можно мне назначить? Синод говорит, можно". Царь и уехал к теще, назначил управляющего, а этот панов разбирает. Итак, вместо царя, забывшего крестьян в их недоле, явился какой-то благодетельный управляющий. Чем ближе к местам беспорядков, тем эта идея не только крепнет, но и конкретизируется. Этот управляющий—князь Михаил (Михаил Александрович?). Он где-то тут. „Ходит в шинели, а под ней царские медали". Он всемогущ и прекрасен. От него идет сияние. Горе тем, кто ему не верит. Вот земский начальник Глушков не верил князю Михаилу при виде его сияния и был за это разорван на части. „Князь" не один. При нем „генералы и студенты". Последние являются, по словам крестьян, либо как лица о них хлопочущие, либо как спутники князя Михаила. Понятие о студентах, как о лицах, достойных доверия и подражания, выросло отчасти под влиянием пропаганды, но роль, приданная им в воображении крестьян, приспособлена к потребностям минуты. Крестьяне давно мечтали об упразднении своего ближайшего начальства. „Теперь мы панами будем,—кричат крестьяне в толпе (причем под словом „пан" часто подразумевается чиновник),—да и суды надо упразднить, чтоб не было". Обвиняемый Буцкий говорил: „здесь начальства нет, начальство в городе".

Но если начальства нет, надо же его заменить, так же, как „управляющий" заместил уехавшего к теще царя. Отсюда и особая роль „студентов". Это новое излюбленное начальство.

Вот как организует свое движение идеология восставших землеробов Во всем его ходе чувствуется тяга не к разгулу разнузданных страстей а к какому-то высшему справедливому акту, чему-то оправдываемому и даже требуемому народной совестью. „Быть может скажут,—писали мы в другом месте по этому поводу,—что приведенные факты не важны и ничтожны. Что другое выражается ими, как не недоразвитость, забитость, приниженность крестьянской массы"? Однако не все в таком суждении было бы справедливо.

Описанные факты сохраняют и интерес и ценность, если на них взглянуть глубже. „Указы", „генералы" и пр.—это только привычные, сами собой явившиеся, за неимением иных, моменты оформления того, что переживалось массовым сознанием, как подлинная, сущая справедливость, что было неподдающимся вытравлению, из века в век, от поколения к поколению переливавшимся убеждением крестьянина в „праве на землю только того, кто ее обрабатывает". Это правовое убеждение—вторая натура русского крестьянства, его неотъемлемый атрибут. И то, что с формально-законной точки зрения квалифицировалось деянием, предусмотренным статьей закона, то в действительности в глазах толпы являлось актом народной совести, не грабежом, а осуществлением права, а потому и должно было происходить не как-нибудь, а „по закону", не хаотическим сбродом, а организованно.

Организация снизу кое-где и была налицо. Но этого было мало. Нужна была целостность и красота такого дела. Нужно особое увенчание его. Народная фантазия выполнила это ей доступными средствами, своими „указами", „генералами", таинственными „сияющими" благодетелями „в шинелях и медалях" [1]). Все это рамка для мотива внутренней правоты учиняемого, мотива, развернутого в целую идеологию. Но и эта идеология „права на землю и на труд" не расцвела еще полным цветом. Она пере-

[1]) Там же, стр. 10—11.

плетена с привычной государственной идеологией. Она дает не изначальное народное право, а полномочия, разрешаемые исторической властью, с которой нет разрыва, которую, напротив, тоскуя по ее недосягаемости, масса стремится приблизить к себе через частокол своих местных начальств, приблизить самым фантастическим способом.

Последствия движения.

Вереница преступлений, предусмотренных статьей о „лицах и скопище, учинившем насилие над личностью, похищение или повреждение чужого имущества или вторжение в чужие жилища, или покушение на сии преступления, вследствие побуждений, проистекших из... экономических отношений“ [1]), должна была пройти перед судом. Задача открывалась для судебной власти нелегкая. Количество лиц, подлежавших привлечению к следствию, должно было измеряться тысячами. Судить такое количество народа было явно бессмысленно и невыполнимо.

Это было сразу учтено прокурорской властью, которая прямо указала привлекать не всех, а наиболее видающихся участников беспорядка. „По Валковскому и Богодуховскому уездам мною указано, пишет прокурор Лопухин министру юстиции, ограничиваться пока привлечением лишь тех крестьян, которые будут изобличены в подстрекательстве к нападениям на усадьбы и руководительстве грабежами; тех, которые, добровольно не возвратив похищенного, уличены в участии не в одном, а в нескольких разбоях, и, наконец, всех сельских должностных лиц, участвовавших в нападениях на помещичьи усадьбы“.

С другой стороны были приняты меры к предупреждению каких либо осложнений при разбирательстве дел судебными палатами. Для этого, прежде всего, заседания их были назначены в Валках и Константинограде, а не в губернских центрах, где могли бы последовать демонстрации и разные общественные выступления. К тому же был для того и серьезный деловой аргумент — близость к месту действия и месту жительства вызываемых в суд. Но сверх того, озаботились закрыть для публики двери судебного заседания. Было испрошено сепаратное высочайшее повеление о применении порядка допуска в заседания, указанного в Положении об усиленной охране. Согласно этому правилу, не допускался в заседание никто посторонний, за исключением должностных лиц и лиц, о допущении коих будут просить подсудимые и потерпевшие, причем в этом случае допускаются их супруги и родственники в прямой линии, не более одного лица со стороны каждого просителя. Разумеется, едва ли этим правом широко пользовались.

Вообще приняты были совершенно особые наружные меры для поддержания порядка. Так, по крайней мере, происходило в Валках (в городе семь тыс. жителей). Кроме постоянно квартирующей в городе артиллерийской батареи, поставлен был батальон пехоты и казачья сотня. Из Харькова вытребованы были 20 городовых, 2 околодочных и пристав, и вся местная и уездная полиция поставлена на ноги. „Особенно на всех нас, пишет Коваленский,—удручающее впечатление производит в это занятое для деревни время (сентябрь) сбор нескольких десятков сельских сотских,

[1]) Статья 269[1] Уложения о наказаниях.

расставленных группами на улицах, перекрестках и площадях. Население так устрашено этой, как бы нарочито шумной, демонстрацией власти, что буквально не показывается на улицах, уже не говоря о том, что проезд в город, видимо, тоже ограничен... Вчера, проходя по этим невзрачным пустым улицам, мне казалось, что здесь нет обычной гражданской жизни, никого нет, кроме начальства".

А между тем, настроение населения, повидимому, было совсем иное. Родственники обвиняемых просили исправника разрешить отслужить на площади молебен, чтобы „господь смягчил сердца судей". Разумеется, в этом было отказано, с указанием, что для этого существуют храмы, а не площади.

Имеющиеся в материалах сведения о ходе судебных процессов любопытны в двух отношениях.

Во-первых, в смысле характеристики крестьян, фигурировавших перед судом. „Присматриваясь к длинному ряду лиц, проходящих перед моими глазами на суде и вне суда,—пишет Коваленский Манухину,—прислушиваясь к их показаниям и говору, я выношу убеждение, что крестьяне *устрашены,* но вовсе *не убеждены.* Крестьяне поражают меня еще и незамечавшейся, в годы моей бывшей службы на местах не то своей одичалостью, не то своей сосредоточенностью. Во всяком случае недоверчивость к начальству и полная от него отчужденность, проглядывают во всем".

Это наблюдение, меткое и ценное, логически связано со всем ходом событий. Мечта обманула. Подлинная „правда", которая чуялась в том, что было совершено, отлетела, пришлось ответ держать перед правдой официальной, холодной, неумолимой. К тому же пришлось пройти через тяжкие телесные истязания и моральные оскорбления. Опять тупик. Отсюда сосредоточенность и одичалость. С глубоким вздохом говорит один подсудимый: „пострадал и еще пострадать придется".

В таком виде предстают перед судом не только рядовые крестьяне, но и сельские власти. „Все они, эти старосты, уж не говоря о полицейских,—пишет Коваленский,—имеют какой-то исключительно несчастный и обшарпанный вид. Какая-то забитость, растерянность чигалась на этих лицах".

После допроса максимовского старосты, показания которого были приведены выше, председатель делает перерыв, „чтобы привести свои нервы в порядок", настолько влияет на самих судей появление старосты, имеющего вид „нищего, просящего милостыню", жалующегося на то, что он „сильно побитый человек" (получил 150 розог за несвоевременную, по болезни жены, явку к губернатору).

И в эту мрачную и серьезную атмосферу судебной драмы, тяжело переживавшуюся не только крестьянами, но судьями и официальными наблюдателями, нелепым диссонансом врывается поведение защиты. Защищать аграрников с'ехались лучшие представители адвокатуры. К сожалению, они, повидимому, не усмотрели в этих делах и в своих подзащитных ничего кроме предлога для красивого политического жеста. Дело в том, что большинство их усвоило совершенно единообразную тактику, состоявшую в том, что перед завершением судебного следствия защитники начинали предлагать вопросы, подвергались ли подсудимые телесному наказанию. Председатель останавливал защиту и снимал подобные вопросы. Тогда защитники удалялись из зала, ссылаясь на „невозможность" исполнять свои обязанности при таком отношении суда. Дальнейшая же участь

подсудимых, поступивших к кандидатам на судебные должности, командируемым судом для защиты, не интересовала светил адвокатуры. Характерно замечание, вырвавшееся из толпы „подзащитных": „Не нужно нам вольных, хотим казенных защитников, а то эти уходят и нас бросают, потому что мы бедны и нечем платить, а дай мы им по 50 к. на человека, наверное бы остались".

Положение суда было не из легких. Масса однотипных, утомляющих своим однообразием дел. Масса подсудимых, в индивидуальных оттенках виновности которых чрезвычайно трудно разобраться, хотя бы с приблизительной справедливостью. Еще большая масса свидетелей, при [illegible] обескураживающе действует роль слепого случая, распределяющего [illegible] между скамьей подсудимых и скамьями свидетелей. Ясно [illegible] свидетели в большинстве столь же виновны, как и подсудимые, столь же несчастны, как и свидетели...

В конце концов для правительства важно было *как нибудь* закончить эти злосчастные процессы: нужна кара, нужен „пример", но не высота репрессии. Это настолько понимали в центре, что, повидимому, дали какие-то секретные и неформальные указания. Утверждать наверное, по документам, это нельзя, но намек на это сохранился. В одном из дел министерства юстиции имеется без заголовка и подписи, отрывок, начинающийся словами: „Но, постановляя этот приговор, судебная палата не могла не принять во внимание нижеследующих обстоятельств настоящего дела", и кончающийся формулой ходатайства суда пред царем о смягчении наказания подсудимым в размере, выходящем из пределов власти суда. В промежутке приведены аргументы, изложенные как раз в таких общих выражениях, что могут относиться к любому аграрному беспорядку, не включая в себя ничего конкретного, что связывало бы их только с данным делом. Быть может этот отрывок редактирован в министерстве, в виде образчика, которому должны были следовать судебные палаты, вынося свои приговоры.

Всего предано было суду по этим делам 937 лиц. Из них осуждено 820, причем 102 приговорены к исправительным арестантским отделениям, 634 — к тюрьме от 2 лет (один случай) до 4 месяцев с лишением особенных прав и 84 человека к тюрьме без лишения прав (на сроки от года до 2 месяцев). Постановив эти приговоры, судебные палаты, возбудили ходатайства о смягчении таковых „в путях монаршего милосердия", применив эту меру к 750 лицам. Ходатайство это отклонено было лишь в отношении 51 человека, в отношении остальных удовлетворено в той или иной мере.

Но почти в то же время, как уголовное правосудие выполняло тяжкий труд индивидуализирования виновности 937 лиц, различая среди них зачинщиков, подстрекателей, виновников, участников, укрывателей, пособников и т. п., правительство решило увенчать репрессию происшедших беспорядков внезапным применением „групповой ответственности" и притом в самой чувствительной для крестьян области. Из государственного казначейства были отпущены 800.000 р. „на вознаграждение потерпевших землевладельцев" [1]), в виде безвозвратного пособия. А чтобы эти деньги вернулись в казначейство, и притом достигнута цель общественно-воспитательная, пусть их выплатят крестьяне за круговой друг за друга ответственностью, что внушит им уважение к „неприкосновенности частной собственности". В соответствии с этим специальным царским указом устанавливается

[1]) Указ сенату 11 мая 1902 и особое положение комитета министров о применении этой меры—Сборник Узакон. 1902 г., № 56, ст. 597.

„с сельских обществ и селений, крестьяне коих принимали участие в беспорядках, дополнительный к существующим окладной сбор". Этот сбор должен был взиматься не с установленных судом участников беспорядков, а со всех обществ и селений подлежащих губерний, если можно установить, что из состава их хоть отдельные лица были замешаны в беспорядках, так как подобные общества и селения „своим преступным попустительством способствовали развитию беспорядков". Нечего говорить, что и в способах исчисления убытков, и в разверстке их между обществами, царил полнейший произвол. Полтавские и харьковские землеробы по своему оценили это мероприятие; распределение платежей происходило при весьма неблагоприятных условиях: крестьяне на волостных и сельских сходах выказывают особую возбужденность настроения, держат себя так, как будто происходит не серьезное дело, а какой-то балаган; нужно делать много усилий, чтобы удержать их в рамках хотя бы полуприличий". Было хлопот с крестьянами и чтобы получить с них „покаянные" приговоры....

Впрочем, дополнительный сбор, хотя был исчислен и значился в соответственных окладных листах и книгах, почти не поступал. Пришлось его просто сложить манифестом 11 августа 1904 г.

Наложив на крестьян, участвовавших в беспорядках, наказания и карательный сбор, правительство до 1905 г., до второй, уже всероссийской, грозы, не предприняло ничего для улучшения сельского хозяйственного быта. Единственной мерой, действительно сколько нибудь смягчившей положение сельского населения за это время, была отмена круговой поруки во взносе окладных сборов (указ 12 марта 1903 г.). Ответственность за исправное внесение податных сборов была переложена с лица, пользующегося обложенным земельным имуществом, на самое это имущество. Во всем остальном перемен не последовало. Правительство попрежнему упсвало улучшить хозяйственный быт крестьян, либо разрежая местное население путем переселения, либо содействуя расширению площади крестьянского землевладения помощью крестьянского поземельного банка. Ни та, ни другая мера не дали и не могли дать ничего существенного для выхода из создавшегося критического положения.

„Основной взгляд правительства на переселение остался и теперь тот же, что и прежде. Переселение допускается только по необходимости, при чем изобретаются различные способы ограничить население в его стремлении найти выход из тяжелого экономического и социального положения путем эмиграции, поставить переселенческое движение в границы, не выходящие из пределов административного контроля, опеки и воздействия" [2]). „Правительство никогда не смотрело на вопрос о переселении, как на вопрос, имеющий за собою важное политическое значение, его также, видимо, не тревожило, что, напр., в 1898 г. в разгар действия закона о ходачествах, число самовольных переселений из Полтавской губ. достигло 44%, не взирая на всякие запретительные меры и действия власти".

Напротив, политика переселенческого дела того времени была проникнута чисто экономическим духом некоторой взаимной выгоды и потому составляла не помощь, а помеху естественной тяге населения найти лучшие места для поселения. До 1895 г. для переселения в Южно-Уссурийский край требовалось от переселенцев не только оплатить проезд, но и обладать наличностью определенной, различной для отдельных разрядов, суммой (в 600 или 400 р.) для каждой семьи. Впоследствии эти требо-

[2]) Издание полтавского губ. земства „Переселение из Полтавской губ.", вып. II (1844—1901 г.г.).

вания были несколько понижены, но отнюдь не отпали вовсе, и только имеющие не менее 150 р., кроме проезда, на семью могли надеяться быть переселенными и то в качестве переселенческого резерва, в случае, если не будет других, более состоятельных.

Таким образом переселение служило контингенту крестьян зажиточных. Голодный сельский пролетариат оставался прикованным к своим усадьбам.

Но еще того яснее, что не для него были расчитаны операции крест. банка. Выдачей 90% ссуды последний облегчал нарождение нового помещика-эксплуататора над беднейшей частью населения, но не открывал ни какой возможности безземельному получить землю и насущный хлеб.

Мало того операции банка косвенно влекли за собой подъем покупных и арендных цен, т. е. ухудшали положение. „Мелкий землевладелец-крестьянин или казак, хотя бы Кобелякского уезда,—пишет Коваленский,— продав свою землю там по 300—350 р. за десятину, являлся уже сильным покупателем в Константиноградском уезде, с помощью того же банка, и владельцем за те же деньги, в двойном против прежнего количестве земли, чем и подымал цены на землю, как покупные, так и арендные".

Итак, меры экономической политики того времени ровно ничего не давали для облегчения создавшегося положения. Но правительство не забыло о 100 миллионах крестьянах. Оно думало и думало тревожно, думало, правда, довольно ленивой, но неотвязной, как думают о том, от чего не уйти, но для разрешения чего, хорошего не выдумать.

Работа по „пересмотру" крестьянского вопроса поднята была уже с 90-х годов 19-го столетия. Инициатива принадлежала государств. совету. Но выполнение этой работы министерство внутренних дел сосредоточило у себя, „дабы она выполнялась в тесной связи с текущей деятельностью управления крестьянским делом". С тех пор работа эта шла черепашьим шагом, без всякого плана и ясного сознания руководящих целей. При Плеве в течение года работа была закончена. Приступив к делу, он нашел просто сырой материал. Он организовал особую комиссию по пересмотру законоположений о крестьянах и в 1903 г. было отпечатано 6 томов трудов этой комиссии. Работа обнимает, помимо общих руководящих соображений, новое построение крестьянского общественного управления, новое положение о волостном суде, а равно волостной устав о наказаниях, сельские уставы о договорах и наследовании, положение о надельных землях, и правила об ограничении крестьянских наделов и разверстании их с чересполосными угодьями смежного владения.

В этом начинании обращает на себя внимание мысль дать сельскому населению для его гражданского и земельного правового обихода писаный закон.

Со времени отмены крепостного права и вплоть до введения в действие новейших кодексов советского права русское крестьянство жило вне общего права страны. Правовая сторона земельной жизни крестьян определялась скудными, отрывочными и устарелыми постановлениями Крестьянских Положений, весьма мало развившимися со времени 1861 г.; собственно же гражданский оборот крестьян был предоставлен действиям обычая, чего-то весьма таинственного и туманного, в существование и мистически охранительную силу которого очень верили в правящих кругах и реакционных салонах, но в котором никак не умели разобраться органы управления и суда, и, что примечательнее всего, которого большей частью не могли установить и уловить сами крестьяне. Общеизвестно, что

этот обычай, на котором строились все имущественные отношения в деревне, выражался просто в произволе „мира“ и волостных судей, а прежде всего в усмотрении волостного писаря. Под таким деморализующим режимом развивалось правосознание русского крестьянства в течение десятков лет и это не могло пройти бесследно.

Совершенно не касаясь вопроса о внутренних достоинствах или недостатках упомянутых проектов волостных и сельских уставов, нельзя не сказать, что самая мысль организовать земельную и гражданскую жизнь крестьян нормами законодательного права, была мыслью здоровой, но мыслью, осуществление которой история отложила еще на двадцать лет.

Что же касается собственно мер экономических, мер, направленных к улучшению земельного быта крестьянства, то, разумеется, проекты эпохи Плеве не могли содержать в себе и тени какого-либо принципиального подхода к наболевшему вопросу. Они любопытны только в том отношении, что в них можно усмотреть осторожное вступление на путь, открытый впоследствии актами политики Столыпина.

В проектах выставляется на вид преимущество отрубного хозяйства, но они не решаются идти радикально в сторону его насаждения во что бы то ни стало. О „ставке на сильных“ нет речи. Напротив, хотят оградить и слабых от чрезмерного натиска более предприимчивых элементов. В конце концов дело ограничивается лишь признанием „необходимости облегчить отдельным крестьянам выделение своих земель из общего состава надела к одному месту, с тем, чтобы на этих выделенных участках они могли беспрепятственно применять те системы хозяйства, которые при данном уровне их общего развития и степени их зажиточности являются для них наиболее приемлемыми“ [1]). К этому, да и к мерам облегчения расселения излишне многолюдных обществ и сводятся главнейшие мысли проекта. Разумеется, с этого разрешение вопроса, стоящего „превыше всего“, даже еще и не начинается.

В то же время из круга своих начинаний упомянутая комиссия самым категорическим образом отринула всякое прикосновение к сфере „управления крестьянами“, т. е. прежде всего к институту земских начальников, — старое правительство питало к этому институту слепую веру.

В рамки нашего очерка не входит его критическая оценка. Однако, материал, которым мы пользуемся для характеристики движения 1902 г., изобилует данными, показывающими с совершенной очевидностью, до какой степени уже в 1902 г. земские начальники оказались непригодными как раз для тех целей, для которых они были нужны правительству. Они были созданы для управления крестьянами в духе интересов помещичьего класса. Идеальный земский начальник — это местный дворянин-землевладелец, старожил; его знает и чтит местное население. Он живет постоянно в его среде, близко изучил местные нужды и быт крестьян. Он вечно среди них, раз'езжая по волостям и селениям. Он—власть „близкая к населению“. Он призван к тому, чтобы положить предел „местному многовластию, соединенному с фактическим безвластием“ и потому вразрез со всеми „отвлеченными началами умозрительной теории“, в его руках сосредоточены все полномочия, нужные для организации местной жизни. Он

[1]) Труды редакционной комиссии по пересмотру законоположений о крестьянах (1903 г. т. I) стр. 91—92.

и судья, он и администратор, отчасти полицейский, отчасти сборщик податей и продовольственный агент. Он прежде всего „культуртрегер" и притом принудительный: его дискреционному усмотрению и попечению вверено „хозяйственное и нравственное преуспеяние населения". Ему подчинены все волости и сельские власти, не исключая волостного суда; все сельское население подлежит его дисциплинарной власти и т. д. Такова эта фигура в законе и в мечтах законодателя и кругов, его вдохновлявших. А вот действительность.

„Из производившихся дел,— пишет Коваленский,— усматривается, что г.г. земские начальники в пораженном беспорядками районе не были своевременно осведомлены ни о том, что в их участках творится [illegible]... ни о том, что за месяц до беспорядков начались систематические поджоги... Земский начальник Старицкий (Константиноградского уезда) [illegible] не двигался по участку: в селе Максимовка... не был 7 лет". О другом земском начальнике староста д. Смородщина решился дать такое показание: „земский начальник на наши нужды внимания не обращает, живет за 8 верст в г. Полтаве, всего один раз показывался в нашей деревне и то по просьбе владельца... в камере его всеми делами орудует письмоводитель". И это смелое заявление подчиненного должностного лица вполне подтверждается отзывом жандармского ротмистра: „со дня назначения, два года, ни разу не был в некоторых пунктах участка, живя постоянно в имении под Полтавою". К одному земскому начальнику крестьяне едут с специальной целью узнать, можно ли грабить или нет. Но не застают его дома и говорят только с его матерью. Делал ли он после этого какие-либо распоряжения, из дела не видно. Другой земский начальник, на вопрос, знал ли он, что в его участке готовятся беспорядки, однообразно отвечал: „мне об этом ничего старшины не докладывали".

„Ни один из этих господ,— говорит Коваленский,—не решился стать лицом к лицу с населением иначе, как во главе воинских или экзекуционных команд, и только этим путем названные земские начальники восстановили свое общение с народом".

Институт земских начальников, просуществовавший уже 12 лет, на первом серьезном испытании оказался несостоятельным именно с точки зрения тех требований, ради которых он был создан.

Чужие крестьянам, ни о чем не осведомленные, неподвижные, окруженные атмосферой народной ненависти, запуганные ею, неавторитетные — они были лишними для населения и бесполезными для правительства. И однако, так велика сила идеологических предубеждений, что правительство не решилось прикоснуться к этому институту в проектах, составленных под свежим впечатлениеим украинских событий.

Всем сказанным удостоверяется, что никаких реальных улучшений ни в хозяйственном быте, ни в правовом положении, ни в распорядках управления для крестьян после 1902 г. не последовало. Это краткое предвестие грядущей еще бури было для правительства и командующих классов слишком слабо и эпизодично. На движение решили смотреть, как на какой-то несчастный случай. К тому же все дело в „крамоле", в агитации. Тем тверже должно держать взятый курс и не идти на уступки.... В уездах, охваченных волнением 1902 г., по свидетельству местных деятелей, среди крестьян, под влиянием голодухи, распространилась эпидемическая болезнь, которую называли „куриная слепота". Повидимому, какая то хроническая слепота мешала и правительству видеть то, что накоплялось на социальном горизонте. И только после событий 1905—1907 г.г. наиболее дальнозоркие стали смутно ощущать себя уже во власти неудержимого

хода вещей. Развиваясь по законам исторической диалектики, аграрный процесс стремился к своему предельному пункту—декрету о социализации земли.

Условия русской земельной и политической действительности были таковы, что течение этого процесса можно было более или менее замедлить, но не предотвратить.

Ив. Цызырев.

Историческая справка о положении рабочих на Охтенском пороховом заводе [1]).

Охтенский пороховой завод был основан в 1715 году, т. е. всего двенадцать лет после возникновения Петербурга. Во главе его управления первоначально стоял комиссар. Комиссары вели себя весьма непринужденно не только по отношению к рабочим, — в те времена солдатам, но и по отношению к местному населению. Так, например, в челобитной крестьянина Савельева, просившего в 1725 году о пропуске дров через плотину, говорилось, что комиссар Батищев, «не показав никакого резону, против дому своего на улице взяв обретающихся там артиллерийских служителей велел бить батоги наголо, которым боем меня изувечил и обесчестил напрасно при многих свидетелях». Легко себе представить, как такой Батищев, обращался с подведомственными ему рабочими-солдатами.

Мастеровые и прочие нижние чины комплектовались обыкновенным порядком, с тою разницею, что на пороховые заводы назначались, обыкновенно, самые худшие солдаты. Подобный взгляд существовал в то время вообще относительно всех технических заведений; так, напр., на селитренные заводы (в Восточной России) ссылали солдат за тяжкие преступления вместо каторжных работ. При состоянии образования в 18 м веке, когда даже дворянское сословие изобиловало недорослями, нет ничего удивительного, что, напр., в 1734 году из числа 110 служителей неграмотных было 97, в том числе два мастера. Нередко были случаи приглашения иностранных мастеров, которые обходились казне очень дорого.

Высочайшим указом на имя инспектора всей артиллерии барона Меллера-Закомельского 22 мая 1816 года на заводе введено было военное поселение. Указ гласил: «Для сокращения государственных издержек и ради самого благосостояния солдат давно имею я предположение о поселении войск на особо отведенных им землях, для чего несколько уже лет производится и опыт одного пехотного полка, о успехе коего получив ныне донесение, приступаю к поселению нескольких уже полков. Находя полезным приступить ныне же к опыту сего поселения и по артиллерии и предполагая начать оное с Охтенского порохового завода, я повелеваю вам приступить к сему полезному заведению на тех правилах, какие сообщать будет вам генерал-инспектор артиллерии граф Аракчеев; почему и обязаны вы по сей части иметь ваши сношения только с ним и исполнять все его предположения».

Вслед затем Аракчеев уведомил инспектора всей артиллерии, что им утверждены из числа служителей завода 37 человек военными хлебопаш

---

[1]) Главным источником для настоящего очерка послужило секретное издание главного артиллерийского управления военного министерства: К. И. Каменев, Историческое описание Охтенского порохового завода (Спб. 1892).

цами (из них: 35 поселены в своих домах, а 2—во вновь выстроенной образцовой связи) и 80 человек — в звании ремесленников. Каждому из хлебопашцев назначено по шести десятин пахотной земли и по две десятины сенокосу. К каждому из хлебопашцев было назначено по два человека постояльцев, кои должны помогать своим хозяевам в обработке земли; пока хлебопашцы не получат своего хлеба—им отпускается провиант по прежнему положению. Что касается ремесленников, то предположено было провианта им не выдавать, а положенный им—хранить в «экономическом магазейне». Ремесленникам предоставлено было по два свободных дня в неделю (кроме воскресений) для собственных их надобностей.

В 1817 году число хлебопашцев было доведено до 40 семейств. На каждого хлебопашца из казны выдавалось по одной корове, одной лошади и на всех вместе 30 волов для первоначальной распашки. Казна выдавала и овес для лошадей. Для пробного посева хлеба, начатого в 1817 г. после предварительной осушки болотистых мест и корчевания пней, казна выдала овес и ячмень и необходимые орудия.

Так образовалась на пороховом заводе первая поселенная рота в составе 126 человек плюс четыре «непоселенных» «нижних чина»: фельдфебель, каптенармус, писарь и цырюльник.

Через четыре года к первой роте была прибавлена вторая. Военные поселяне-ремесленники, кроме огорода, получали от казны землю для выгона и сенокоса каждый по полторы десятины и получали безвозмездно, но по усмотрению командира, лес из казенных дач. Жены и дети хлебопашцев и ремесленников в случае болезни пользовались в лазарете Охтенского порохового завода.

Нижним чинам, находившимся при пороховой, селитерной, серной и угольной работе, в виду трудности работы и того, что они «при всех предосторожностях ежеминутно подвергаются опасности», выдавалось по десять копеек в день на человека для улучшения пищи.

При поселенных ротах существовала команда инвалидов в 200 человек и кантонисты, разделявшиеся по возрасту на три разряда: «малый» возраст до истечения 10 лет; «средний» — до истечения 14 лет и «большой»—до истечения 18 лет.

В 1830 г. учреждена была «школа для образования мастеров и подмастерьев порохового, селитерного и серного дела при Охтенском пороховом заводе». В школе обучалось 36 учеников из кантонистов Охтенского, Казанского и Шостенского (Черниговской губ.) заводов не моложе 16 лет. Обучались арифметике, геометрии, алгебре, общим понятиям об артиллерийских орудиях и снарядах, началам физики и химии и искусству делать порох.

Резкими штрихами рисуется быт поселения в деле генерал-майора Головачева, возникшем в 1841 году. Нижним чинам было запрещено отлучаться в соседнее село Мурино без разрешения ротных командиров. Встретив однажды унтер-офицера Тиханова и трех мастеровых, шедших из Мурина (куда все они были посланы для исправления моста), Головачев отправил их на гауптвахту, а на другой день приказал наказать Тиханова, как главного виновника, розгами (300 ударами) и поставить его на работу мастерового на два месяца, а мастеровых сместить со старшего оклада на младший. «Наказание» было таково, что, придя на квартиру, Тиханов через четверть часа умер. Дело это, несмотря на попытки штаб-лекаря Бахтурова выгородить своего начальника, дошло до суда и в результате Головачев был уволен от службы тем же чином с лишением орденов.

Как известно, главной причиной опасности работ по изготовлению дымного пороха является его взрывчатость. С 1817 по 1840 год на Охтенском пороховом заводе было зарегистрировано 47 взрывов [1]).

Уже начиная с 1826 года, с удалением от дел графа Аракчеева, изменилось отношение и к военным поселениям. Полковник Кандиба, который устраивал в свое время военное поселение на Охтенском заводе, стал видеть именно в военном поселении источник и причину бесхозяйственности и других недостатков и упущений. Но только в 1851 году был поставлен на очередь вопрос об упразднении военного поселения на заводе. В 1859 году округ военных поселений Охтенского завода [illegible] ства департамента военных поселений перешел в заведывание артиллерийского департамента. И только вышедшее после уничтожения крепостного права, в 1863 году «Положение об устройстве военных поселян Охтенского порохового завода» ликвидировало военные поселения, как несовместимые с основами «Положения о крестьянах 19 февраля 1861 года».

При этом были сделаны следующие постановления: на военных поселян распространяются личные и имущественные права, предоставляемые крестьянам; военные поселяне имеют право увольняться в отставку и «увольняются от обязательных отношений к заводу»; заемный капитал разделяется между поселянами; желающие остаться на заводской земле поселяне-хлебопашцы и поселяне-ремесленники, остающиеся после отставки в домах, ими занимавшихся, образуют особые сельские общества, которые присоединяются к ближайшей волости и к ближайшему мировому участку; принадлежащие поселянам строения с усадебною землею оставляются домохозяевам безвозмездно в собственность, хотя бы строения были возведены казною или при пособии от казны; каждому поселянину хлебопашцу предоставляется, платя оброк, получить в постоянное пользование все те пахотные, сенокосные земли и другие угодья, коими они наделены; надел, превышающий установленную для государственных крестьян норму (в Петербургской губернии — 8 десятин), считается дополнительным; для дровяного довольствия поселян-хлебопашцев отмежевывается (за установленную для государственных крестьян плату) в общинное пользование особый участок от казенной дачи Охтенского порохового завода; обществу поселян-ремесленников отводится выгонная земля в размере довольствия для поселян-ремесленников; поселянам-хлебопашцам предоставляется право выкупа их полевого и лесного наделов.

Таким образом возникли два общества: поселян-ремесленников (10 душ) и поселян-хлебопашцев (48 душ), приписанных к Полюстровской волости и составивших нынешнее селение Пороховых.

Перед учрежденной в 1862 году особой комиссией по преобразованию технических артиллерийских заведений встал вопрос о замене обязательного труда вольнонаемным. Вопрос был поднят сначала относительно Арсенала и лишь значительно позже и Охтенского завода. Доводы в пользу этой замены сводились главным образом к большей выгодности свободного, или, как предпочитали тогда выражаться, «вольного» труда по сравнению с обязательным. Соответствующий проект, разработанный в 1865 г. командиром Охтенского завода генерал-майором Венденом, предусматривал—в скромных, конечно, пределах,—и пенсии за увечья и «товарищества», несколько напоминающие позднейшие больничные кассы, и «вспомогательные кассы», устанавливал число постоянных рабочих—342 и

[1]) В 1858 г. при взрыве было убито 45 и ранено 40 человек; из числа последних 7 умерли от ран.

временных—164 [1]), определял размер заработной платы от 15—25 руб. в месяц для мастеровых и до 30—35 р. для мастеров. В дальнейшем проект претерпел некоторые изменения, но введение вольнонаемного труда на Охтенском заводе было все же принято в виде временной меры, которая только с 1872 года стала постоянным законом.

Сравнивая «Положение о вольнонаемных мастеровых и рабочих технических артиллерийских заведений» и «Правила о найме мастеровых и рабочих в технических артиллерийских заведениях» [2]) с проектом Вендена, приходится заключить, что Венден имел более широкий кругозор в рабочем вопросе, чем последующие законодатели. «Положением» было установлено, что в мастеровые и рабочие могут быть нанимаемы, исключая евреев, лица всех сословий обоего пола, исключительно русские подданные не моложе 15 и не старше 50 лет (допускается исключение для отличающихся знанием своего дела и при том сохранивших физические силы). Нанявшиеся не на срок, могут оставлять службу по собственному желанию, но не иначе, как предварив об этом начальство за две недели (за исключением особых случаев). Без предварительного об'явления и без выдачи не в зачет полумесячной платы заводом увольняются: уличенные в преступлениях, за дурное поведение, ослушание, при обнаружении скрываемой заразительной болезни и проч.. Во время отпусков кратковременных и продолжительных, на срок не свыше шести недель, содержания от казны не выдается; кроме поденной и задельной платы или месячного жалованья, мастеровые и рабочие получают инструмент и по роду занятий тулупы, полушубки и пр.; уплачивают штрафы за прогул, леность, дурное выполнение работы, пьянство, порчу и пропажу инструментов и пр.; в случае болезни пользуются советами заводского врача и медикаментами из приемного покоя, могут поступать в военные госпиталя, лазареты и приемные покои с довольствием от казны в продолжение двух месяцев безвозмездно; когда болезнь или увечья явились прямым последствием самих работ, дозволяется содержать заболевших во врачебных заведениях на счет казны впредь до выздоровления; начальнику завода предоставляется право выдавать заслуживающим того мастеровым и рабочим за время болезни половину условленной поденной платы, но не долее двух месяцев.

«Правила» отчасти дополняли «положение», устанавливая медицинское освидетельствование рабочих, испытание, расчетные книжки, сроки расплаты (два раза в месяц), рабочий день (девять часов для дневных и восемь часов для ночных), сверхурочные работы (за полуторную плату и не свыше четырех часов в день), штрафы и другие подробности рабочего регламента. Один параграф гласил: «В случае явного со стороны мастеров, мастеровых и рабочих неповиновения, не одним, а целою артелью или толпою, для того, чтобы понудить заведение к возвращению получаемой платы, виновные тотчас же удаляются из заведения, не теряя права на получение заработанных денег и передаются полиции, для распоряжения о поступлении с ними по закону».

Рабочее движение девятидесятых годов не осталось без влияния на рабочее законодательство. Появился закон 2 июня 1897 года... Рабочие «технических артиллерийских заведений», к каковым принадлежал и Охтенский пороховой завод, первые воспользовались плодами нового законодательства в виде пенсий за увечья и профессиональные заболевания. Рабочим предоставлялось или искать пенсии судом, или обращаться непо-

[1]) До введения электрического освещения завод работал лишь в течение семи летних месяцев, т. к. другое искусственное освещение представлялось опасным.

[2]) Оба издания неоффициальные, вышли под редакцией Н. М. Лисовского в 1906 и 1905 г.

средственно к администрации завода. В последнем случае размер утраты работоспособности (в %%) определялся комиссией заводских врачей, согласно «инструкций к правилам о вознаграждении потерпевших вследствие несчастных случаев и повреждений в здоровье (профессиональных заболеваний) вольнонаемных мастеровых, рабочих и служащих в артиллерийских заведениях военного ведомства, а равно и членов семейств сих лиц». Врачебной комиссии представлялся протокол несчастного случая, а если речь шла о профессиональном заболевании, краткое сообщение об условиях работы в мастерской, где работал подвергавшийся освидетельствованию рабочий.

Как известно, около четверти века тому назад Охтенский пороховой завод перешел к выделке бездымного пороха. Дымный и бездымный порох химически совершенно различные вещества. В то время, как дымный порох представляет механическую смесь серы, угля и селитры, бездымный путем целого ряда химических процессов получается из хлопчато-бумажных концов, превращаемых посредством обработки смесью азотной и серной кислот во взрывчатое вещество—пироксилин, которое, в свою очередь подвергаясь обработке спирто-эфирной смесью, дает бездымный порох. В связи с этим значительно изменились условия труда.

Приведем некоторые сведения о заработной плате и других условиях труда в течение 1906—1908 гг. в главнейших (основных) мастерских.

Кислотная обработка «концов».

Отделение мастерской и категория рабочих.	Число рабочих.	Заработная плата.			Урочных часов.		Средний заработок в месяц.	Примечания.
		В месяц.	Поденных.		Днем.	Ночью.		
		Р.	Р.	К.			Рубли.	
Переборка, трепка и сушка концов.								Работа днем. В 12 ч. остановка машин для смазки, в это время обедают. Есть куб, паровой шкаф. Урок—60—70 фунтов на работницу.
Переборка в ручную старш. работниц. . . .	1	40	—	—	11	—	41 *)	
Переборщиц . . .	28	—	—	70	9	—	17	
Контрольных . . .	1	—	—	80	9	—	25	
Младш. рабочих для подвозки тюков.	3	—	1	—	9		32	
Трепка на машинах:								Урока нет; продолжительность работы зависит от запаса материала в сушке концов.
Работниц при машинах	6			80	9		25	
Работниц запасных	2			75	9		22	
Старш. рабочих для смазки машин. .	1			1 30	9		49	

*) В этой графе заработок показан со сверхурочными.

Отделение мастерской и категория рабочих.	Число рабочих.	Заработная плата. В месяц. Р.	Заработная плата. Поденных. Р. К.	Урочных часов. Днем.	Урочных часов. Ночью.	Средний заработок в месяц. Рубли.	Примечания.
Сушка концов:							
Старш. рабочих. .	2		1 25	9	—	51	Уроков нет; дежурят на горячей промывке в праздники.
Младших. . .	6		1 —	—	—	39	
Мастер.	1	75	—	11		85	
Разливка и навеска кислот:							Все рабочие кислотного отделения получают через 2 месяца по суконному переднику, резиновые рукавицы и деревянные колодки. Кроме этого рабочие по разливке, мешке и сборке кислот по резиновому переднику.
Старш. рабочих .	1	—	1 90	8	8	53	
„ „ . .	3		1 72	8	8	49	
Младших.	32	—	до 1 48	8	8	от 28 до 38	
Мешка кислот:							
Старш. рабочих. .	3		1 88	8		50	
Младших.	27		от 1 20 до 1 48	8		от 30 до 38	Уроков нет.
Навеска концов:							
Младш. работниц.	12		60	8	—	20	
Рабочих для подвозки концов . .	6		от 1 28 до 1 48	—	—	32 38	
Напитывание концов и отвозка горшков с пироксилином:							
Старш. рабочих.	3		1 88	8	—	50	
Младших.	76		от 1 08 до 1 48	8	—	28 38	
Нитрация в бассейнах:							
Младш. рабочих. .	12	—	1 2 1 48	8	—	33—42	
Перевозка пироксилина из бассейнов, отжимка в центрокругах, промывка в баках с холодной водой и пр.							
Старш. рабочих.	3	—	1 80 1 88	8	—	48—50	
Младших „ . .	108	—	1 02 1 88	8	—	28—52	
Машин. (монтер) .	1	70	—	8	—	71	
Слесарей	2	60	— —	8	—	51	
Смазчиков	2	50	— —	8	—	51	
Бетонщиков . . .	1	45	—	8	—	46	
Плотников . . .	3		1 48	8	—	45	
Смазчиков	2	45	— —	8		46	

Отделение мастерской и категории рабочих.	Число рабочих.	Заработная плата. В месяц. Р.	Поденных. Р.	К.	Урочных часов. Днем.	Ночью.	Средний заработок в месяц. Рубли.	Примечания.
Сборка отработанн. кислот:								Мас[illegible] [illegible] дени[illegible] [illegible] ние. [illegible] и [illegible] [illegible] за каждый [illegible] [illegible] день по одн[illegible] [illegible] [illegible]
Старш. рабочих. .	3		1 1	80 88	8		48—50	
Младших „ . .	9		1	48	8		3[illegible]	
Общее наблюдение за отделением:								
Мастеров.	3	90	—		8		91	
Хранение пироксилина в чанах депо:								
Младших рабочих.	4		1		9		38	
Промывка в кипятильных:								Рабочие по [illegible] промывке и нейтрализации получают деревянные колодки. Имеется шкаф для согревания пищи и куб для кипячения воды.
Младших рабочих.	22		1	—	—		3[illegible]	
Нагревание воды и возка пироксил. в голландеры:								Остановок ежедневных нет, кроме праздников.
Младших рабочих.	36	—	1		9	—	3[illegible]	Для дежурств ведется очередь с сут[illegible] конц[illegible].
Старших „ .	4	—	1	50	9		54	
Нейтрализация сточных вод:								Уроков нет.
Старших рабочих.	2	40	—		11		50	Выдаются респираторы.
Младших „ .	6	25			11	—	32	
Общее наблюдение:								
Мастеров.	2	75			11		90	
Контора мастерской:								
Помощник начальника	1	125	—	—	—		1[illegible]	
Счетчик	1	[illegible]5	—				[illegible]	

Отделение мастерской и категории рабочих.	Число рабочих.	Заработная плата.			Урочных часов.		Средний заработок в месяц.	Примечания.
		В месяц.	Поденных.		Днем.	Ночью.		
		Р.	Р.	К			рубли.	
Писарей	2	50	—	—	—	—	50	
Кладовщик	1	50	—	—	—	—	51	
Машинистка (переписчица)	1	20	—	—	—	—	20	
Рассыльный мальчик	1	15	—	—	—	—	15	
Итого . . .	446	—	—	—	—	—	—	

Мастерская голландеров, где происходит процесс измельчения пироксилина: рабочих 112; две смены, по 12 часов каждая, причем в дневной 3, а в ночной 4 часа считались сверхурочными, с полуторной платой: заработная плата от 90 коп. до 1 рубля (без сверхурочных).

Аналогичные условия в смысле заработной платы и рабочего дня существовали и в других мастерских, как фабрикация пороха с 280 рабочими, сушка пороха с 250 рабочими и пр.

В. Н. Катин-Ярцев.

Из жизни рабочих и служащих на городских железных дорогах Петрограда.

Очерк второй [1]).

Состояние городских железных дорог с 1917 по 1923 г.г. Заработная плата. Рабочий день и отдых.—Страхование, охрана труда и спецодежда. Дополнительные данные о рабочем движении на городских железных дорогах.

Материалами для настоящего очерка послужили печатные, архивные и делопроизводственные материалы. Из печатных материалов следует упомянуть: „Известия Петроградской Городской Думы" за 1917 г., „Вестник Петр. Городского Самоуправления" за 1917 г., „Городское Вече" за 1917 г., протоколы городской думы за 1917 г., „Известия Петр. Городского Общественного Управления" за 1918 г. и „Известия Комиссариата городских хозяйств союза коммун Северной Области" за 1918 и 1919 г.г., „Коммунальный Работник" за 1918—1923 г.г., „Резолюции и постановления I Всероссийского союза муниципальных работников" 1919 г., протоколы (печатные) Петроградского отдела коммунального хозяйства и секции городского хозяйства при Петроградском Совете Рабочих и Красноармейских Депутатов, „Петрогуботкомхоз в 1922 году (отчетные данные)" 1923 г., „4-ый губернский с'езд работников коммунального хозяйства" 1923 г., „Статистический сборник по Петрограду и Петроградской губернии" 1922 г. и „Статистический справочник" 1922 г. Архивные, или скорее, остатки архивных материалов, находятся в жалком состоянии. Мы пользовались протоколами коллегиального совета гор. жел. дорог с 1917 по 1920 г.г. и органов этого совета (исполнительного бюро, комиссий и т. д.), а также об'единенных заседаний совета с представителями комитетов рабочих и служащих и технических совещаний. Кроме того мы воспользовались протоколами центр. комитета рабочих и служащих городских предприятий 1918 г., исполнительного комитета союза муниципальных работников за 1918 г. и правления союза коммунальных работников за 1920—1923 г.г., а также комиссий (культурно-просветительной, конфликтной, тарифно расценочной и т. д.).

Архивных дел [2]) сохранилось немного и большинство их не приведено в порядок.

Сведения за 1921—22 г.г. взяты из делопроизводства управления городских железных дорог.

---

[1]) Смотри „Архив истории труда в России", кн. 8.

[2]) В канцелярии управления гор. жел. дорог мы пользовались следующими делами за 1918 г. № 1 „Выдача жалованья служащим и рабочим", № 48 „Раз'ездные и квартирные деньги служащим" и № 130 „О штатах и штатных служащих"; за 1919 г. № 2, „Сверхурочные и экстренные работы, временные служащие", № 8 „Отпуска", № 9 „Определения, перемещения и увольнения служащих", № 48 „Раз'ездные и квартирные деньги служащим" и № 219 „Об удостоверениях"; за 1920 г. № 12 без названия (разные су-

Состояние гор. жел. дорог с 1917 по 1923 г.г.

С 1917 по 1921 г.г. трамвайное движение в Петрограде неуклонно падало. В 1917 г. [1]) происходили частые перерывы в движении по политическим причинам (февральская революция, апрельские события, июльские дни и т. д.). 2/15 декабря 1917 г. организовалось рабочее управление городского трамвая, так называемый, Коллегиальный Совет в составе Алексина (ныне заведывающего управлением гор. жел. дорог), Тимашева, Блохина, Семенова, Артамонова, Асс и Богданова. 10 сентября 1920 г. коллегиальный совет был упразднен и введено единоличное управление. При установлении рабочего управления часть административно-технического персонала временно оставила работу, что, однако, не повлияло на правильность трамвайного движения.

С сокращением (в 1918 г.) пассажирского движения, трамвай принял на себя перевозку грузов и почты. В конце 1919 г. трамвайные маршруты (в числе 9-ти) шли по радиальной системе: трамваи ходили лишь с окраин в центр; по центр. улицам движение было прекращено.

В 1913 г. трамвай работал 365 дней [2]), а в 1921 г. -279 дней. Средний выпуск вагонов в день был в 1913 г.—538, а в 1921 г.—227. Вагоно-дней было в 1913 году—196.534, в 1921 г.—63,254. Вагоно-верст было проделано в 1913 г.—35.128.364, в 1921 г. -5.072.141. На сокращение движения [3]) повлияла в частности отмена платы за проезд в трамваях; чрезмерное переполнение вагонов повело к увеличению т. наз. мертвых вагонов, т. е. совершенно негодных (без капитального ремонта) для движения. Ремонтные же работы сократились до минимума за недостатком рабочих рук и материалов.

С восстановлением платности (в сентябре 1921 г.) состояние трамвайного движения начало улучшаться. В 1922 г. трамвай работал 329 дней; вагонов было выпущено 300 в день (в среднем); вагоно-дней проделано 98.690 и вагоно-верст—13.163.128. Грузовое и почтовое движение сильно сократилось (вследствие высокой платы за перевоз грузов и почты).

Пассажиров в 1913 г. было перевезено 284 милл., а в 1922 г.—немногим меньше 99 милл. (по общему тарифу—69 милл. по льготному тарифу—29 милл. и красноармейцев—837,908). Трамвай в настоящее время (июль 1923 г.) является дефицитным предприятием.

Число рабочих и служащих на гор. жел. дорогах было на 1 января 1918 г.—13.781, на 1 января 1921 г.—5.717, на 1 января 1923 г.—8.753 и на 1 июля 1923 г.—7.241. В 1918—1920 г.г. трудовая дисциплина на городских жел. дорогах упала, вследствие продовольственного кризиса и низкой оплаты труда.

маги); за 1921 г. № 1 без названия (об оплате труда), № 2 „Сверхурочные работы, их оплата, сдельные работы“, № 4 „Премиальное вознаграждение“, № 5 „Замечания, штрафы и другие взыскания“, № 7 без названия (заявления служащих) № 8 „Отпуска“. № 9 ч. 1 „Назначение служащих, перемещение, увольнение“ и № 9 ч. 2 „Об окладах жалованья, прибавках“.

В архиве управления гор. жел. дорог использован счетный материал.

В архиве союза коммунальных работников мы пользовались сшитыми делами, каковые имеются за 1918 и 1919 г.г., а именно: за 1918 г. №№ 23, 30, 69 и 18 „Разная переписка“, № 29 „Телефонограммы“ и за 1919 г. № 5 „Об отпусках“, № 19 „Требования на рабочих и служащих по Комиссариату Гор. Хозяйства“, № 10 „Циркуляры“, № 13 „Телефонограммы“ № 12 „Переписка продовольственного отдела“.

[1]) С 1917 г. все работники трамвая, уволенные за забастовки и политические убеждения, были приняты обратно и восстановлены в своих правах.

[2]) В Рождество и Пасху, и накануне этих праздников, трамваи ходили часть дня.

[3]) С 1917 г. коночное движение совершенно прекратилось.

Трудовая дисциплина с 1921 г. иллюстрируется следующей таблицей

ЗА ВРЕМЯ	[illegible]		
	В 1921 г.	В 1922 г.	В 1923 г.
Январь—Март . . .	[illegible]	[illegible]	[illegible]
Апрель—Июнь . .	[illegible]	[illegible]	[illegible]
Июль—Сентябрь .	[illegible]	[illegible]	
Октябрь—Декабрь .	[illegible]	[illegible]	
В среднем за год	[illegible]	[illegible]	[illegible]

Наряду с поднятием трудовой дисциплины, увеличивается также интенсивность труда. Так, напр., в 1921 г. на одного работника городских железных дорог приходилось 75,02 вагоно-верст, а в 1922 г. — 160,7[illegible] вагоно-верст.

Управление городских железных дорог входит в состав отдела коммунального хозяйства и все работники трамвая состоят членами профессионального союза работников коммунального хозяйства. В трамвайных парках имеются местные комитеты рабочих и служащих (при них — комиссии расценочно-конфликтная, культурно-просветительная, касса взаимопомощи и т. д.) и партийные коллективы. Прием и увольнение [3]), перемещения и взыскания производятся администрацией при участии расценочно-конфликтных комиссий. Наем производится через биржу труда.

Заработная плата.

С 1 марта 1917 г, работники Петроградского трамвая стали получать следующие ежемесячные оклады: инструктора, наблюдающие за вагоновожатыми, — 225 руб., кондуктора, вагоновожатые и контролеры — 170 руб., дорожные мастера — 220 руб., метельщики от 125 до 150 руб., стрелочники и сигналисты — 125 руб., слесаря от 170 до 220 руб., ремонтные рабочие — 190 руб., чернорабочие мужчины от 140 до 190 руб. и женщины от 100 до 125 руб., конторщики (в околотках) — 190 руб.

Семьям призванных на военную службу сохранялось содержание в зависимости от семейного положения. Так, если призванный имел детей, то выплачивалось 100% содержания, бездетным 75% и одиноким 50%. Кроме того, призванные получали единовременное пособие в размере ½ месячного оклада.

Порядок начисления 10% прогрессивных прибавок был изменен. Для выслуги этой прибавки должен был считаться срок поступления на городскую службу, при условии непрерывности ее продолжения и на те оклады, которые служащими получались. За сверхурочную работу платили в 1½ размере, исходя из рассчета 30 дней в месяц. За работу в свободные дни

[1]) По болезни и неизвестным причинам; [illegible] неявившихся выражен к общему числу рабочих и служащих.

[2]) В среднем за I полугодие 1923 г.

[3]) В 1920 г. трамвай был милитаризован; рабочие и служащие были прикреплены предприятию; демилитаризация произошла в 1921 г.

в двойном размере. Квартирные деньги выплачивались: одиноким—20 руб. в месяц, семейным из двух лиц—35 руб. и семейным с числом более двух лиц—50 руб. В случае состояния на городской службе членов одного семейства и совместного их проживания, квартирныя деньги выдавались только главе семьи. Наградные выдавались к Пасхе и Рождеству, каждый раз в размере месячного оклада. Все другие виды довольствия (квартирные, раз'ездные, лично присвоенные и т. д.) при выдаче наградных в расчет не принимались. Если вознаграждение рабочего и служащего не имело вида постоянного, присвоенного данному лицу жалованья, сумма наградных исчислялась по среднему заработку за прослуженное им перед праздниками время. Если рабочий или служащий состоял ко времени первой выдачи наградных на службе менее 1/2 года, но не менее 1 месяца, наградные уплачивались к первому или второму сроку из рассчета 1/6 месячного оклада за каждый прослуженный месяц. Выдача пособий на содержание детей производилась на одинаковых основаниях с выдачею наградных 1 января и 1 июля каждого года. Пособия на обучение детей выдавались два раза в год, в начале каждого учебного полугодия. Штрафы были отменены.

В начале 1918 г. существовал тариф оплаты труда для городских рабочих и служащих по 15 категориям с окладами от 210 до 350 руб. в месяц. С 1 февраля 1918 г. был введен новый тариф с 9 категориями, от 300 до 450 руб. в месяц. С 1 января 1918 г. были упразднены добавочные, наградные, детские, квартирные и др. деньги, а также прогрессивные 10% прибавки [1]). С апреля 1918 г. были отменены юбилейные награды за 25-летнюю службу. Все рабочие и служащие получили единовременно разницу между старыми и новыми окладами, начиная с 7 августа 1917 г.

С 1 марта 1918 г. были введены во всех городских предприятиях новые оклады, с 300 до 500 руб. в месяц.

С 1 мая 1918 г. были проведены, выработанные союзом муниципальных рабочих и служащих, следующие месячные оклады: кондуктора и вагоновожатые—от 450 до 460 руб.[2]), стрелочники и сигналисты от 380 до 400 руб.[3]), контролеры—470 руб., старшие метельщики—420 руб., младшие метельщики—400 руб., ремонтные рабочие—440 руб. Для проведения нового тарифа во всех городских предприятиях организовались расценочные комиссии. На городских служащих был распространен декрет об оплате труда от 27 июня 1918 г.

С 1 сентября 1918 г. была введена 17-разрядная тарифная сетка. Минимум заработной платы взрослого рабочего по I разряду был определен в 500 руб. в месяц или 20 руб. в день, максимум(по XVII разряду)—в 1200 руб. в месяц. Плата за сверхурочное время производилась рабочим не выше XII разряда. Плата за городские квартиры вычитывалась из жалованья. Конторщики по постановлению областного комиссариата труда получали от 580 до 810 руб. в месяц, в зависимости от квалификации, переписчицы-машинистки—от 580 до 720 руб.

Кроме того в 1918 г. агентам движения платили премию. Вагоновожатые получали в зависимости от числа вагоно-верст и рабочих дней, кондуктора— по выручке и числу рабочих дней. Минимальное число вагоно-верст в день было установлено 37,5, минимальная выручка—600 руб., минимальное число рабочих дней—10. Максимум премии не должен был превышать 100% с тарифной ставки. Если движение задерживалось не

[1]) Отмена их мотивировалась тем, что они имеют благотворительный и унизительный характер.

[2]) Высший оклад они получали по истечении 1/2 года.

[3]) Высший оклад получали работавшие на ответственных постах, напр., уг. Невского пр. и Садовой ул.

по вине вагоновожатого или кондуктора, его не лишали права на премию. Последняя определялась по средней перевыработке за дни движения.

В течение 1919—1921 г.г. тариф несколько раз менялся. В одном из документов мы читаем, что с июля 1919 г. были вновь установлены квартирные деньги в размере от 30 до 120 руб., в зависимости от размера жалованья; чем больше было жалованье, тем в меньшем размере выплачивались квартирные деньги[1]). При переводе из одного парка в другой в 1919 г. платили под'емные деньги (на переезд) в размере 1[illegible]0 р.

В 1920 были восстановлены штрафы. Так, напр., [illegible] с премии (от 10 до 100%) за неявку, в зависимости от [illegible] ных дней.

В 1920 г. кондуктора получали в месяц [illegible] р., [illegible] 3030, стрелочники и сигналисты—2430 р., ремонтные рабочие [illegible] 3150 р., слесаря [illegible], 3750 и 3[illegible] р., старшие [illegible] р., младшие метельщики—2550 р.[2]).

В 1921 г. премии, установленные „в целях повышения производительности труда", выдавались в натуральной форме. Рабочие и служащие были разделены на две группы. В первую группу входили все рабочие, а также административно-технический персонал, во вторую группу входили счетоводно-конторский персонал и низшие служащие. Месячная продовольственная норма по I группе на одного человека была такая: муки 1[illegible] ф., рыбы 3 ф., соли 2 ф., сахару 1 ф., чаю 1/8 ф. и керосину 3 ф. За неимением продуктов, мука заменялась рыбой. По первой группе полагалось получать в 1½ раза больше, чем по второй группе. Премия выдавалась отдельным работникам в зависимости от интенсивности труда. Если работник выполнял заданный урок (или больше), ему выдавали целый паек, если он выполнял не менее ¾ урока—½ пайка, а если он выполнял менее ¾ урока, премия совсем не выдавалась. Больные, выполнявшие добросовестно свои работы, не лишались права на натуральную премию.

В настоящее время (июль 1923 г.) работники трамвая оплачиваются на общих основаниях со всеми работниками коммунального хозяйства. Относительный размер жалованья зависит от тарифного разряда, причем соотношение между тарифными ставками установлено наказом Всероссийского Центрального Совета Профессиональных Союзов[3]). С ноября 1921 г. денежная заработная плата определяется ежемесячно в бюджетных рублях (по рыночной стоимости 10 рубл. набора продуктов и предметов первой необходимости, принятого для вычисления бюджетного индекса Центральным Бюро Статистики Труда). С ноября 1921 г. по август 1922 г. работники трамвая получали часть заработной платы в натуральной форме (так наз. государственное снабжение). Напр., в августе 1922 г. по госуд. снабжению выдавали: муки 80 ф., соли 4 ф., сельдей 11½ ф., жиров 2½ ф. и кофе ¼ ф. Паек оценивался в 9 руб. в переводе на дензнаки 1923 г., каковая сумма вычитывалась из заработной платы. Вообще стоимость пайка определялась фондовой комиссией при Петр. Губ. Совете профессиональных союзов. Если в первые месяцы 1922 года „при неизжитом товарном голоде, с одной стороны, и запаздывании в выплате заработной платы с другой, получение пайка представляло некоторые преимущества", то уже

1) Известия Петр. Совета Раб. и Кр. Депутатов за 1919 г. № 162.

2) Кроме того рабочим и служащим выдавались продукты по продовольственным карточкам, по нормам, устанавливаемым прод. органами.

3) Соотношение по тарифным разрядам установлено такое:

Разряды . . .	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	XIII	XIV	XV	XIV	XVII
Соотношение (поразрядный коэффициент).	1,0	1,2	1,4	1,6	1,8	2,0	2,2	2,4	2,7	3,0	3,2	3,5	3,7	4,0	4,3	4,6	5,0

в середине 1922 г. положение изменилось: „Приток продуктов на рынки и наладившаяся вполне регулярная выплата денежного заработка давала возможность работнику выгодно закупать продукты по своему выбору, не связывая себя обязательными выдачами. К тому же и качество и регулярность выдач пайка оставляли желать многого. Все это создало у рабочих тягу к отказу от пайка, и начиная с сентября 1922 г. работники трамвая получают заработную плату целиком в денежной форме[1]).

Ставка по I тарифному разряду на 1 июня 1923 г. определялась в 728 руб. в денэн. 1923 г. На 1 января 1923 г. платили по 1 разряду— 186 р. 70 к.

В январе 1922 г средний заработок работника трамвая определялся в 2 р. 27 к. (или 7,23 бюджетных рублей) и в декабре 1922 г. —357,95 р. (или 22,80 бюджетных рублей). Средний заработок работника трамвая был в январе 1923 г. 487,8 руб. (или 21,7 бюджетных рублей) и в апреле 1923 г.—864,8 руб. (или 19,6 бюджетных рублей[2]).

До середины 1922 г. работники трамвая оплачивались, обычно, сдельно. Для большинства работ были установлены нормы производительности, на основании которых определялись расценки. Кондуктора и вагоновожатые оплачивались по числу проданных билетов.

Сдельная оплата труда вызывала, однако, большие неудобства. Так, напр., ремонтные работы с большим трудом поддавались качественной оценке. В результате введения сдельной оплаты за ремонтные работы количество произведенных работ увеличилось, но качество их понизилось. В конце 1922 г. вместо сдельной оплаты была введена коллективная оплата бригад ремонтных рабочих, при чем размер оплаты связывался с выполнением парком наряда на выпуск вагонов в движение. Точно также была отменена сдельная оплата труда кондукторов и вагоновожатых, так как установление сдельной расценки в начале каждого месяца было невозможно, в виду большой подвижности факторов, определяющих количество пассажиров. Сверх оклада по тарифной ставке кондуктора и вагоновожатые получают с конца 1922 г. премию за продажу билетов сверх нормы, причем в разных маршрутах устанавливается различная норма. Премия уплачивается в размере 5% с излишка (сверх нормы) выручки.

По тарифным разрядам работники трамвая распределяются таким образом: кондуктора и вагоновожатые 5—6 разряды (до 1 сентября[3])— 3 и 4 разряды), стрелочники, сигналисты и метельщики 3—4 разряды, слесаря 6—9 разряды, сторожа 2—3 разряды, конторщики 4—5 разряды и т. д. Кондуктора и вагоновожатые переходят в высший разряд через 6 месяцев после поступления на службу или начала работ[4]). Стрелочники и сигналисты получают по высшему разряду если работают на оживленных перекрестках.

За неявку или опоздание делается вычет из жалованья, в зависимости от числа пропущенных дней или часов. В некоторых случаях (напр., если опоздание нарушает нормальное движение) или за проступки (напр., за неправильную езду, наезды и т. п.) делаются вычеты из премии.

[1]) Отчет Петрогуботкомхоза за 1922 г., стр. 64-65.

[2]) О зараб. плате, *вздорожании жизни, рабочих бюджетах* и *питании рабочих*— см. „Статистический сборник по Петрограду и Петроградской губернии“ (1922 г.), стр. 64—75 и 250—260, а также „Бюллетени Отдела Статистики Труда“ на 1 марта 1923 г. за № 35.

Бюджетные рубли вычислены на основании средней рыночной стоимости бюджетного 10-рублевого, набора продуктов и предметов первой необходидости за январь и апрель 1923 г., по данным, опубликованным Петр. Губернским Отделом Статистики.

[3]) Согласно московскому тарифному справочнику.

[4]) Ученики вагоновожатых и кондукторов получают по III разряду.

Рабочий день и отдых.

После февральской революции 1917 г. был введен 8-часовой рабочий день для всех категорий рабочих и служащих; в 1918 г. для конторского персонала был установлен 6-часовой рабочий день. Все рабочие и служащие получили право на месячный отпуск с сохранением содержания.

В настоящее время (июль 1923 г.) кондуктора и вагоновожатые работают в три смены[1]). Первая смена приходит в парк в 6 час. утра и выезжает из парка в 6 ч. 30 м. утра. Вторая смена является в парк в 11 ч. 30 м. утра и выезжает в 12 час. дня. Замена первой смены второй продолжается не более 1—1½ часов, так что иногда кончается и вагоновожатый первой смены покидает вагон в 1 или 1 ч. 30 м. дня. Третья смена является в парк в 6 ч. вечера и выезжает на линию в 6 ч. 30 м. вечера, работая до 12 час. ночи. В 12 час. ночи идет последний вагон с конечного пункта, а после 12 час. ночи вагоны направляются в парк.

Время работы устанавливается по очереди. Кондуктора и вагоновожатые работают один день на утренней смене, на второй день—на дневной, на третий день—на вечерней, на четвертый—опять на утренней и т. д. На добавочных вагонах[2]) работа производится в две смены: первая является в парк в 8 час. утра и выезжает не позже 8 ч. 30 м. утра, вторая является в парк в 2 ч. 30 м. дня и заменяет первую в 3 ч. дня, вторая смена работает до 9 час. веч. Распределение кондукторов и вагоновожатых на постоянные и добавочные смены происходит по усмотрению парковой администрации.

Подмены, существовавшей до революции, теперь нет. Для замены заболевших (внезапно) или пострадавших от несчастного случая кондукторов и вагоновожатых, существуют запасные кондуктора и вагоновожатые, которые дежурят на конечных пунктах. Запасные кондуктора и вагоновожатые работают, подобно постоянным и добавочным, в продолжение одной смены.

Сигналисты и стрелочники работают на три смены: первая является на свои посты в 6 час. утра и работает до 12 час. дня, вторая—работает с 12 час. дня до 6 час. вечера; третья смена работает с 6 час. веч. и до тех пор, пока проходит в парк последний вагон (т. е. кончает работу не раньше 12 час. 30 м. ночи). Во времени работы сигналисты и стрелочники меняются, подобно кондукторам и вагоновожатым, а именно: сигналисты и стрелочники работают один день на утренней смене, на другой—на дневной, на третий—на вечерней, на четвертый—опять на утренней и т. д. Кроме того на конечных пунктах дежурят запасные сигналисты и стрелочники для замены заболевших или пострадавших. Метельщики также работают на три смены: первая смена является на сборный пункт (в околодок) и оттуда выходит на работу в 3 час. ночи и работает без перерыва до 9 час. утра; вторая—работает с 9 час. утра до 7 час. вечера, с перерывом на обед с 1 до 3 час. дня; третья смена работает без перерыва с 7 час. веч. до 1 час. ночи.

---

[1]) Нормальное движение трамваев было сокращено в январе 1918 г. до 12½ часов в сутки (с 6½ ч. утра до 7 час. веч.) и в январе 1919 г. до 10½ часов (с 7½ час. утра до 6 час. веч.). В мае 1922 г. движение было увеличено до 11½ час. (с 7½ час. утра до 7 час. веч.) и в июле 1922 г. до 16½ часов (с 7½ час. утра до 12 час. веч.) Кроме того восстановлено движение по воскресным и праздничным дням. В 1919—1921 г.г. происходили перерывы в движении (напр., вследствие снежных заносов).

[2]) Добавочные вагоны выезжают позже, когда количество пассажиров увеличивается; утром пассажиров меньше и нет рассчета выпускать излишнее количество вагонов, которые ходили бы пустыми.

Ремонтные рабочие и слесаря работают в две смены. Обыкновенно работа начинается в 8 час утра и продолжается до 6 час. вечера, с перерывом на обед с 12 час. до 2 час. дня. Однако, в зависимости от места работы распределение рабочего времени может быть изменено. Напр., если работа производится в отдаленном месте, она может быть сделана в течение 8 час. без перерыва, или рабочие связываются не временем, а уроком и т. д. Ночная смена работает с 12 час. ночи до 7 час. утра без перерыва. В предпраздничные и субботние дни дневная смена работает на 2 часа меньше, а ночная—на 1 час меньше.

Конторские служащие работают с 10 час. утра до 4 час. дня, не исключая субботних и предпраздничных дней.

Сменные рабочие и служащие имеют в течение каждого месяца столько свободных дней, сколько на данный месяц приходится воскресных и праздничных дней. Кондуктор и вагоновожатый, отработавший свою смену в воскресенье или праздничный день получает обычную плату. За работу же в свободный для него день он получает двойную плату.

В 1918—1921 г. г. сверхурочные работы принципиально считались недопустимыми и разрешались лишь в исключительных случаях. В 1918-1919 г.г. сверхурочные работы допускались до того предела, пока сумма платы за сверхурочное время не превысит 50% с содержания. Сверхурочные работы вводились лишь при чрезвычайных обстоятельствах, с разрешения управления гор. жел. дорог или местного комитета рабочих и служащих. В настоящее время общий приработок в каждом трамвайном парке т. е. отношение суммы сверхурочной платы по всему парку к плате за обычное время не должен превышать 50% [1]). Сменные рабочие и служащие за работу после смены получает как за работу в сверхурочное время. За первые два часа работы в сверхурочное время плата производится в полуторном размере, а после двух часов—в двойном размере (равно, как и за работу в воскресные, праздничные или свободные дни).

В 1917 г. рабочие и служащие имели право на месячный отпуск с сохранением содержания. В 1918 г. отпуска давались прослужившим 1½ года на 2 недели и прослужившим год на один месяц. Неиспользовавшие отпуск в течение года (по вине предприятия), могли его использовать в следующем году. В мае 1918 г. отпуска были, однако, прекращены и давались в исключительных и единичных случаях, когда это не нарушало нормального хода работ. Опоздавшие с отпуска в течение 7 дней принимались обратно на службу лишь при уважительных причинах опоздания. В 1919 г. право на 2-недельный отпуск имели, по декрету Совета Народных Комиссаров, все прослужившие не менее 6 месяцев. Но по распоряжению Петр. Отдела Труда отпуска в 1919 г. допускались лишь в исключительных случаях по разрешению профессионального союза и в размере 5—7% к общему числу рабочих и служащих. Неиспользовавшие отпуск, по вине предприятия, получали денежную компенсацию. В 1920 г. отпуска разрешались в 10% к общему числу рабочих и служащих. В настоящее время право на отпуск регулируется по „Кодексу Законов о Труде" 1922 г., согласно которому право на 2-недельный отпуск имеют все прослужившие 5½ мес., а подростки (в возрасте до 18 л.)—имеют право на месячный отпуск.

[1]) Поскольку речь идет об общем приработке по всему парку, не может быть препятствий к индивидуальным приработкам в отношении более 50%.

Страхование, охрана труда и обмундирование.

В 1917 г. были сделаны в виду дороговизны, % прибавки к пенсиям, а именно: к пенсиям в размере до 300 р. в год прибавили 75 %, к пенсиям от 301 до 600 р. 60%, к пенсиям от 601 до 1200 р. — 50%, от 1201 до 1800 — 40%, от 1801 до 2400 р.—30% и 2401 до 3000 р. — 25%. При этом было оговорено, чтобы 60% прибавки выражались в сумме не менее 225 р., 50% прибавки—не менее 360 р., 40% прибавки — не менее 600 р., 30 и 25% прибавки—не менее 720 р.

В августе 1917 г. было введено страхование рабочих и [illegible], в 1918 г.—социальное страхование. С введением социального страхования пенсионная касса была упразднена.

В 1917 г. врачебный персонал был усилен и постановлено было выдавать рабочим и служащим, а также членам их семейств, бесплатно лекарства. Этот порядок сохранился до настоящего времени.

В ведении управления гор. жел. дорог находятся, помимо служебных помещений в парках, 6 домов с общим количеством 445 квартир и отдельных комнат, заселенных 353 рабочими городских жел. дорог.

По вопросу об обмундировании было [illegible] в 1917 г. выдавать верхнее платье тем категориям рабочих и служащих, которые работали на грязной работе и уплатить т. наз. „пособие на дороговизну" тем категориям рабочих и служащих, которые получали одежду, но должны были вернуть ее управлению гор. жел. дорог. В 1918 г. было постановлено, что обмундирование, выданное до марта 1917 г. подлежит возврату и лица, не сдавшие обмундирование, должны были уплатить по себестоимости того времени. Обмундирование, выданное с марта 1917 г. должно было носиться два сезона, а брюки, шапки, рукавицы, валенки и т. п. в течение одного сезона. По окончании этих сроков обмундирование переходило в собственность рабочего или служащего. Дежурным слесарям и рабочим воздушной кабельной сети в 1917 г. выдали кожаные тужурки, а неполучившие таковых вознаграждались деньгами.

В 1918 г., в виду недостатка материалов, за новое обмундирование расчет производился деньгами: 25 % к половинной стоимости обмундирования, выдаваемого на два сезона.

В настоящее время [1]) существует следующая норма для выдачи обмундирования:

Вагоновожатые должны получать полушубок или пальто (на 3 года), брезентовое пальто (на 2 года), брезентовые рукавицы (на 1/2 года), валенки (на 1 год), зимнюю шапку (на 3 года) и варежки (на 1/2 года).

Кондукторам полагается полушубок или ватное пальто (на 2 года), валенки (на 1 год), варежки или перчатки (на 1/2 года) и зимняя шапка (на 3 года).

Стрелочникам и сигналистам полагается полушубок или ватное пальто (на 3 года), валенки (на 1/2 года), рукавицы (на 1/2 года), варежки (на 1/2 года), брезентовое пальто (на 2 года) и зимняя шапка (на 3 года).

Ремонтным рабочим и слесарям полагается полушубок или ватное пальто (на 2 года), брезентовый костюм (на 1 год), валенки (на 1 год), рукавицы (на 1/2 года), варежки (на 1/2 года) и зимняя шапка (на 3 года).

Мельщикам полагается ватный жилет (на 1 год), рукавицы (на 1/2 года), варежки (на 1/2 года) и валенки (на 1/2 года).

Монтерам и рабочим воздушной сети полагается брезентовое пальто (на 1 год), короткий полушубок (на 2 года), валенки (на 1/2 года), кожа

[1]) В июле 1923 г.

ные перчатки (на 1 год), шапка с наушниками (на 3 года) и галоши (на 1 год).

Монтерам кабельной сети полагается брезентовое пальто (на 1 год), короткий полушубок (на 2 года), валенки (на 1/2 года), кожаные перчатки (на 1 год), шапка с наушниками (на 3 года), галоши (на 1 год) и кожаные сапоги с голенищами (на 1 год).

Дополнительные данные о рабочем движении [1]).

(По агентурным донесениям охранного отделения в 1913—5 г.г.).

В 1913 г. недовольство работников трамвая вызывалось малым содержанием, частыми штрафами, медленным приемом дневной выручки и распоряжениям гор. управы о прибавке с 1 января по 5 руб. в месяц за ночную работу лишь тем вагоновожатым, которые наняты управлением гор. жел. дорог, в то время, как артельные вагоновожатые получали такую прибавку лишь с 1 сентября.

22 сентября 1913 г. вагоновожатые и кондуктора Василеостровского трамв. парка выставили требования об уравнении артельных вагоновожатых с „городскими", чтобы служба после 11 час. вечера считалась сверхурочною и увеличении на линии числа подменных (на случай внезапной болезни и т. п.) кондукторов и вагоновожатых. Начальник движения обещал переговорить с управлением гор. жел. дорог. Вагоны вышли из парка, с опозданием на 40 минут.

В Петербургском парке кондуктора и вагоновожатые выставили требования об уменьшении рабочего дня. Заведывающий движением заявил собравшимся, что „с толпой он разговаривать не будет". После этого вагоновожатые и кондуктора приступили к работе, высказав намерение вызвать заведывающего движением всех гор. жел. дорог для выслушания их требований.

23 сентября кондуктора и вагоновожатые Московского парка вызвали заведывающего движением гор. жел. дорог и пред'явили ему следующие требования: отмена артелей, установление третьей смены, жалование не меньше 50 р., а прослужившим год—60 р., четыре свободных дня в месяц, ежегодно месячный отпуск с сохранением содержания; улучшение медицинской помощи и бесплатный отпуск лекарств; признание выборных; выдача пенсии инвалидам и потерявшим трудоспособность: холостым в размере 1/2, семейным 2/3 получаемого жалованья; платить при увольнении за месяц вперед; вежливое обращение; выдача расчетных книжек и т. д.

В беседе с начальником движения служащие, между прочим, жаловались на переполнение вагонов пассажирами, что сильно затрудняет работу и утомляет кондукторов, а также на грубое обращение со служащими со стороны пассажиров, подающих к тому же весьма часто неосновательные жалобы на них.

В Петербургском парке в тот же день некоторые вагоновожатые требовали участия рабочих представителей в обсуждении их требований в гор. думе.

---

[1]) Ср. „Архив истории труда в России", кн. 8-ая, стр. 94 и след. Дополнительный материал извлечен из историко-революционного архива: Дело № 61 по 4-ому делопроизводству б. департамента полиции за 1914 и 1915 г.г. „По Петрограду. Рабочее движение" и за 1913 г. „О волнениях среди служащих трамвая, водопровода, пожарных и рабочих центр. электр. станции". В первом очерке произошла досадная ошибка. В описании событий 1905 6 г. г. (Архив истории труда в России, кн. 8, стр. 94 95 и в отдельном издании статьи, стр. 18—19) мы несколько раз упоминали фамилию Александрова вместо *Тилкина*. Ошибка произошла вследствие неразборчивости рукописи.

24 сентября в квартире артели метельщиков состоялась неразрешенная сходка старост метельщиков для выработки требований об увеличении жалованья на ряду с другими служащими, коим администрацией трамваев уже об'явлены прибавки. Собравшиеся были полицией переписаны и освобождены. Заведующий трамвайными линиями об'явил собравшимся, что прибавка содержания коснулась и их.

Возникшее 22 сентября, под впечатлением трамвайной забастовки в Москве, брожение не улеглось и после частичного удовлетворения [illegible] нутых требований. По поступившим в охранное отделение [illegible] определенного плана действия среди служащих не было. [illegible] была склонна к забастовке, другая часть намечала, как меру [illegible] массовую подачу прошений об увольнении со службы, дабы [illegible] залогов (в артели). 26 сентября в Московском парке произошло неразрешенное собрание, на котором было решено, по возможности затягивать переговоры с администрацией, дабы иметь время сорганизоваться и затем уже общими усилиями добиться выполнения пред'явленных требований. Вопрос этот предположено было обсудить на собрании представителей всех парков, которое намечалось через несколько дней. Кроме того предложено было войти в сношение с редакцией „Правды" и заручиться ее содействием в предстоящей борьбе. Наружным наблюдением агентов охранного отделения в посещении редакции „Правды" был замечен кондуктор М. П. Герасимов, который в 1908 г. судился за принадлежность к „С. Петербургской гор. жел.-дорожной организации Росс. Соц. Демокр. Раб. Партии".

5 и 6 октября выпуск вагонов из парков был задержан на 1/2 часа, в виду недовольства кондукторов и вагоновожатых, требования которых не были полностью удовлетворены городскою управою. Кондуктора и вагоновожатые устраивали собрания, на которых вырабатывались новые требования (уничтожение 1 рублевого вычета в пользу артелей и т. д.).

По сведениям охранного отделения служащие Московского парка предполагали об'явить на 15 октября однодневную забастовку, которая, однако, не состоялась.

21 ноября трамваи вышли с опозданием на 35 минут; в парках происходили сходки, на которых обсуждалось распоряжение градоначальника о привлечении вагоновожатых в административном порядке за неосторожную езду. Волнения были вызваны оштрафованием градоначальником одного вагоновожатаго за несвоевременную остановку вагона.

2 декабря вагоновожатые и кондуктора Василеостровского парка заявили, что не станут на работу до тех пор, пока не будет принят обратно один уволенный накануне вагоновожатый. Требование было удовлетворено. Вагоны вышли с опозданием на 50 минут.

4 января 1914 г. у ворот Московского парка состоялась летучая сходка кондукторов и вагоновожатых, на которой обсуждался вопрос о пред'явлении новых требований. Сходка не привела ни к каким результатам.

22 февраля 1914 г. произошла сходка кондукторов Василеостр. парка по поводу увольнения одного кондуктора за „грубость" к пассажирам. На собрании постановили послать кондуктора Богачева в другие парки для выяснения, как отнесутся к этому случаю кондуктора и вагоновожатые и возможно ли будет провести забастовку. Вагоны вышли с опозданием на 1/2 часа. 28 февраля выпуск вагонов из парка задержался на 1 1/2 часа, в виду требования кондукторов и вагоновожатых об обратном приеме вагоновожатого, уволенного за нарушение правил внутреннего распорядка. Была вызвана полиция, и тогда началось движение. 1 марта задержка выпуска

вагонов произошла в Московском и Петербургском парках, где требовали обратного приема уволенного вагоновожатого и сложения штрафа со служащих Василеостровского парка за несвоевременный выезд 28 февраля. Уволенный вагоновожатый „Сергей Богачев был замечен в агитации среди вагоновожатых Вас.-Остр. парка к возбуждению ходатайства об отмене постановления градоначальника, карающего вагоновожатых в административном порядке за неосторожную езду".

27 марта 1914 г. утренняя смена кондукторов и вагоновожатых Московского парка задержала выход вагонов на 10 минут, в виду коллективного их обращения к заведывающему движением об обратном приеме одного вагоновожатого, уволенного за неправильную езду.

5 апреля 1914 г. машинисты и кочегары Невской пригородной жел. дороги в числе 68 чел. пред'явили требования правлению дороги об увеличении пособия к Пасхе до 70% содержания, об открытии движения в первый день Пасхи не в 10 час. утра, а в 2 час. дня и о сравнении их экономического положения со служащими трамвая. Требования были отклонены. 5 апреля началась забастовка, а 6 апреля движение конки частично возобновилось с 2 ч. 15 м. дня. По сообщению охранного отделения от 11 апреля, в забастовке участвовали 161 чел. машинистов, кочегаров и кондукторов. Забастовавшие были уволены и движение происходило частично при помощи рабочих, переведенных с Лесной линии паровой конки. Это вызвало недовольство среди работников городского трамвая вообще, и Лесной линии, в частности. 9 апреля полицией было обнаружено неразрешенное собрание кочегаров Лесной линии в числе 11 чел. на квартире кочегара означенной линии И. О. Жвирблиса. Собрание обсуждало и выработало требования к управлению гор. жел. дорог об увеличении содержания и обратном приеме на службу всех забастовавших работников Невской паровой конки. Среди рабочих и служащих городского трамвая шла агитация, об'явить забастовку, в случае если управление гор. жел. дорог решит послать их в замену бастующих работников Невской паровой конки. Однако, забастовка на Невской паровой конке была подавлена и забастовавшие приступили 13 апреля к работе на худших условиях, чем они работали раньше.

20 апреля 1914 г. вагоны трамвая вышли из Московского трамвайного парка с опозданием на 1 час 15 мин. Причиною этого послужило волнение среди кондукторов и вагоновожатых, которые, явившись своевременно на службу, к работам не приступили, а сгруппировавшись во дворе около конторы, пред'явили к парковой администрации требования об обратном приеме на службу двух кондукторов и одного вагоновожатого, уволенных из Василеостровского парка. Из числа этих последних, один кондуктор был уволен по жалобе пассажира за грубость, а другой кондуктор и вагоновожатый были уволены по требованию Владимирской артели, от которой они были определены на службу за то, что более других агитировали за пред'явление требования об обратном приеме кондуктора, уволенного по жалобе пассажира, и подстрекали к прекращению движения.

В июле 1914 г. в Петрограде происходили волнения среди рабочих большинства фабрик и заводов. Трамвайное движение приостановилось на несколько дней, в виду бросания рабочими камней в окна трамвайных вагонов; в некоторых местах рабочие останавливали вагоны и снимали ручки. Попытка работников трамвая об'явить забастовку не удалась, в виду угроз со стороны полиции.

8 октября 1915 г. произошла забастовка в Василеостровском и Петроградском парках. Поводом к забастовке послужила задержка в выдаче по-

собия военного времени на 12 дней. Парковая администрация объявила забастовавшим, что задержка в выдаче пособия вызвана составлением списков, но что впредь пособия будут выдаваться вместе с жалованьем. Трамвайное движение возобновилось полностью 9 октября

18 ноября 1915 г. кондуктора и вагоновожатые пред'явили нижеследующие требования: упразднение артелей; основной оклад жалованья в размере 60 руб. в месяц, как для кондукторов, так и для вагоновожатых; признание выборных старост; обязательное пользование свободными днями; упразднение одного свободного дня лишь в том случае, если лицо не работало 7 дней; праздничные к Рождеству и Пасхе выдавать по месячному окладу; за неиспользованный отпуск платить в полуторном размере; все увольняющиеся, без исключения, должны получать за выслугу лет, а не одни лишь бывшие служащие акционерного общества; помощь должна быть не менее 1 часу; заместители (по случаю мобилизации) должны быть переведены в штат по прослужении не более 6 месяцев; улучшение медицинской помощи и ввести расчетные книжки с условиями найма и правилами внутреннего распорядка.

Городская управа увеличила кондукторам и вагоновожатым жалованье на 15 руб. в месяц, а пособие на дороговизну до 10 руб., согласилась на упразднение артелей, на удержание одного свободного дня при 7 нерабочих днях, на учреждение 4 свободных дней в месяц и на признание выборных старост. Кроме того гор. управа обещала составить доклад об удлинении подмены. Работники трамвая не удовлетворились этими требованиями и решили об'явить 22 ноября забастовку. Однако, забастовка не состоялась.

1 декабря 1915 г. забастовали обслуживающие трамвайные парки ломовые извозчики в числе 130 чел., требуя выдачи им сапог и шуб и освобождения от работ в праздничные дни. Администрация обещала удовлетворить эти требования, после чего забастовавшие возобновили работу.

13 декабря кондуктора и вагоновожатые угрожали забастовкою, если удовлетворенные требования их не будут зафиксированы письменно. По предложению администрации была выбрана делегация, на которую было возложено ведение переговоров с гор. управой.

В 1915 г. были расторгнуты договоры с артелями и все кондуктора и вагоновожатые, нанятые через артели, были приравнены к „городским", т. е. нанятым непосредственно управлением гор. жел. дорог; залоги, взятые артелями, были возвращены. После расторжения договора с артелями, кондуктора и вагоновожатые подали петицию об увеличении заработной платы. Петиция была отклонена, инициаторы были арестованы, сняты с учета и отправлены на фронт.

В сентябре 1916 г. была подана новая петиция об увеличении заработной платы, которая также была отвергнута. В ответ на это была об'явлена забастовка [1]). В первый день забастовки некоторые вагоны вышли, управляемые и обслуживаемые дежурными по движению, обер-кондукторами и контролерами. На второй день выехали также некоторые кондуктора и вагоновожатые, но под охраною городовых. Администрация об'явила всех бастовавших в первый день кондукторов и вагоновожатых уволенными со службы и приглашала их на службу, как вновь поступивших. В тот же день состоялось собрание работников трамвая за Москов-

[1]) Дело охранного отделения о рабочем движении в 1916 г. отослано историко-революционным архивом в Москву. Описание забастовки нами сделано со слов одного из ее инициаторов, члена правления петр. губ. отдела союза коммунальных работников В. Бушалева.

ской заставой (за насыпью Путиловской ветви), в котором участвовали представители некоторых заводов. Собрание констатировало, как неподготовленность заводов к выступлению, так и выход на работу части кондукторов и вагоновожатых. Вследствие этого решено было забастовку прекратить. Все участники забастовки были приняты обратно на службу, но жалованье их было понижено на 5 руб. в месяц; через два месяца бывшим участникам забастовки стали выплачивать жалованье в прежнем размере [1]).

Макс Гордон.

---

[1]) Роль и участие работников петроградского трамвая в революционных событиях 1917 и последующих годов не входила в задачи нашего очерка, так как такой обзор требует более детального и глубокого освещения в особой работе.

Ученики на петербургской полотняной фабрике в 1797—1807 г.г. [1]).

В 1795 г. Екатерина II повелела учредить в Царском Селе кабинетскую полотняную фабрику при помощи купца голландца фон Лилаарда. В Софии уже имелась полотняная фабрика, а потому Лилаарду было поручено осмотреть ее и место в Царском Селе для постройки белильни. Лилаард находил неудобным завести фабрику в Царском Селе и предложил учредить ее в Красном Селе, указывая, что если при фабрике не будет собственных крестьян, то надо построить ее вблизи больших малоземельных деревень, т. к. местные обыватели, принужденные уходить для заработков в город, охотно станут работать на фабрике за меньшую плату, чем в городе, не теряя времени на ходьбу и не расходуясь на новом месте. В деревне крестьяне могут работать на фабрике третьею долею дешевле, чем в городе. К тому же, в своих местах можно воспользоваться и детским трудом от 10 лет для соответствующей работы. Далее указывалось, что так как в начале, вероятно, не найдется обученных рабочих, то следует рабочим назначать поденную плату, пока они подучатся настолько, что их можно будет перевести на сдельную оплату; лучше же всего обещать молодым людям, которые захотят работать на фабрике полное увольнение от рекрутского набора, если они окажутся хорошими ткачами. Такая льгота дается фабричным людям в других краях, „даже и в Прусских Областях".

Екатерина, однако, не отказалась от устройства фабрики в Царском Селе, но предварительно основала небольшую фабрику в Петербурге на Васильевском острове, в частном доме. В 1795—1796 г. были выписаны из Голландии мастера и подмастерья, а из Воспитательного Дома вызваны ученики. К работе привлекли также удельных крестьян, дав им льготы. Вскоре фабрика перешла из кабинета в ведение удельного ведомства.

К тому времени на фабрике находилось восемь мальчиков в возрасте от 11 до 16 лет и шесть девиц в возрасте от 15 до 18 лет. Каждому мальчику дали кровать с волосяным тюфяком, две подушки, две наволочки и две простыни, по две пары летнего платья и по две пары коломенкового, тканых на фабрике, платья; зимнего байкового по паре; нитяных чулок—12 пар на всех восьмерых, рубашек по три старых и по одной новой из фабричного полотна; по два полотенца холстиных, по две салфетки, носовых холстинных платков на всех 26, гребней по одному.

[1]) История уделов, т. I, стр. 501—508; Архив уделов, дела правителя канцелярии по бухгалтерии: вязка 28, №№ 1016, 1018, 1019, 1026, 1027, 1034, 1036; в. 29, №№ 1045, 1046.

Должно быть для работы полагался каждому ученику передник равендуковый. В отношении белья девицы были снабжены одинаково с воспитанниками, но туалет их и обстановка были несколько богаче. У каждой было по паре байковых платьев с юбкой, по паре платьев тиковых старых, да по паре платьев тиковых новых, по юбке тиковой старой, да по юбке коломенковой новой, по три ношенных косынок, да одной новой, а еще по ленте алой в косу и проч.

Департамент уделов, видя в фабрике, во-первых, школу для подготовки хороших мастеров полотняного дела и, во-вторых, источник заработка для населения тех губерний, которые занимаются льноводством, расширил ее, доведя число ткацких станов до 60, а самопрялок до 180. Основываясь на правилах и положениях Воспитательного Дома, департамент уделов обязывался продолжать с учениками „необходимые словесные науки", закон божий, русское чтение и письмо, немецкий язык, арифметику и географию России. Было постановлено после нескольких лет учения переводить воспитанников на задельное содержание, из которого образовался бы для них по окончании учения и по выходе с фабрики необходимый капитал. Воспитанники были обязаны оставаться на фабрике до 18-ти летнего возраста (как в Воспитательном Доме), после чего им предоставлялось на выбор продолжать работу на фабрике или уйти.

Удельное ведомство стало брать воспитанниц в возрасте 12—15 лет. Про первую партию, прибывшую в 1799 году, было отмечено, что они грамотны, „отчасти" знают арифметику и рисование и обучались закону божьему, умеют вязать чулки, шить белье и отчасти вышивать и плести кружева. Они возбудили к себе жалость со стороны известного государственного деятеля Екатерининского времени, Сиверса, который при Павле заведывал воспитательными домами. Спрашивая товарища министра уделов, когда можно будет принять прибывших из Москвы девушек, Сиверс называет их „ces pauvres filles" [2]). Жалок ли показался Сиверсу вид их, или он просто пожалел их, в виду их сиротства?

Воспитанников удельное ведомство принимало в возрасте 10—15 лет. По части наук первая партия знала то же, что и девочки, и сверх того отчасти грамматику.

Одна из воспитанниц, которой шел пятнадцатый год, покинула фабрику, так как была отдана в замужество за музыканта батальона его величества, „по общему их согласию". Половина же мальчиков была переведена на вновь учрежденную прядильную мануфактуру, затем заменена новыми.

Для высылки рабочих и работниц на фабрику из удельных селений были намечены губернии, в которых развилось ткацкое ремесло. Крестьянам предлагалось выбрать из больших семей работников не моложе 20 л. холостых и здоровых, причем работников привлекали обещаниями не только полного содержания, но и избавления на время учения от оброка и рекрутства, а в случае, если они сделаются полезными для фабрики, то и избавления от рекрутства навсегда. С выборами не все слаживалось сразу.

В Костромской губернии были выбраны крестьян: 17 человек 19-22 лет, один 30 л., один 34 л. и один 35 лет. Последних трех было велено заменить людьми не старше 25 лет. Один из выбранных женился и был по его ходатайству оставлен в деревне, а вместо него выбрали другого.

---

[2]) Эти бедные девушки.

Затем высылались мальчики до 18 лет включительно из больших селений под присмотром особо назначенного для этого пристава из родственников какого либо мальчика, которому давалось особое наставление о доставлении мальчиков без замедления и о попечении над ними, чтобы нужд они никаких не терпели, и обид им никаких не происходило „и в противном тому случае о защищении предпринимать законные средства". Отвоз костромских мальчиков был не вполне благополучным, и костромская удельная экспедиция получила выговор за неудачный выбор крестьян. Вместо людей доброго поведения, трезвых и рачительных, послали людей, „подверженных слабостям". Ямщик явился в департамент с рапортами в безобразном виде, а пристав, которому собственно и следовало эти рапорты представить, совсем не явился.

Девочек требовали на фабрику не моложе 10 лет. Отвезли их в Петербург тем же порядком, что и мальчиков.

Выбирать мальчиков и девочек предписывалось главным образом из сирот, не имеющих близких родственников, и из таких бедных семейств, в которых больше одного и двух работников или „больше одной и двух девок числится".

Среди избранных девочек видим большой процент „незаконнорожденных"; про одну из безродных девочек сказано, что родители ее умерли, а брат перешел в дом другой шестины *) в супружество.

При выборе малолетних крестьянам, а также самим избираемым объявлялось, что от пребывания детей и подростков на фабрике родителям их будет польза; ученики приобыкнут полезному рукоделию, которое им доставит „всегда надежное состояние", обучаться они будут на казенном содержании, а после выучки их отпустят домой, причем дома им дадут заработок по изученному ими ремеслу со сдельной платой за работу. Хотя во время учения их домой отпускать не будут, самим родственникам не запрещается их посещать. Но такие обещания не всегда достигали цели. Присылка девочек из Архангельской губернии задержалась, потому что, как доносили местные власти, иные из выбранных забоялись, а другие разбежались. Три девушки, присланные из Великолуцкого уезда, сбежали уже в Петербурге, причем виновником побега был, вероятно, отец одной из них, который придя к дочери, говорил с ней „тайно и весьма долго". Было приказано доставить девочек в том случае, если найдут их у родителей, то прислать за счет тех, кто их из Петербурга увез, а если их быстро не найдут, прислать их опять для работы на фабрике. Девочек нашли и вернули.

Среди девушек, присланных петербургской удельной экспедицией, оказалась сирота 17 лет, „самопроизвольно желающая" работать на фабрике. Повидимому, это случай из редких. Собственное желание работать на фабрике упоминается еще при новых выборах в том же Великолуцком уезде, которые были назначены по приказу департамента, в виду того, что из 34 лиц обоего пола, высланных на фабрику, 9 человек оказалось непригодными к работе: мальчик с грыжей, девочка с бельмами на обоих глазах, а остальные (5 мальчиков и 2 девочки) по малолетству. Расходы по доставке вновь выбранных должны были возместить лица, повинные в присылке забракованных. В реестре вновь присланных было отмечено, по каким причинам они выбраны. Напр., Гаврило Борисов 16 лет „от трех братьев меньшой, а большой росту малого, т. е. к службе не пригоден, средний же нездоров; живут при дяде, состояния непосредствен

*) Шестина—административное деление.

ного; сам же он к оному рукоделию желание имеет". Это „желание к рукоделию" откровенно об'яснено по отношению к двадцатилетнему Антипу Семенову: „большой его брат по малому росту к службе не пригоден", средний повредил „скрозь" правое ухо и от него „дух идет", и росту он тоже малого, а Антип к рукоделию и сам желание имеет, „избегая от рекрутства". Другие пометы реестра об юношах подобны приведенным, исключая пометы о восемнадцатилетнем Филиппе Кондратьева, от которого просто захотели в деревне отделаться: он из двух братьев меньшой, дому никакого не имеет и был записан по ревизии в деревне за родителями, но свою деревню бросил, перешел в деревню к брату и там себя ведет непорядочно. Из двух вновь избранных девочек одна сирота из двух сестер, дома никакого не имеет и жительствует по разным наймам в Великих Луках, а другая от шести сестер, живущих в бедности, нанимается на летние деревенские работы.

Вскоре число учеников, присланных из разных удельных селений, достигло 60, а число учениц — 130.

Позднее на фабрику начали принимать в обучение сроком на четыре года помещичьих крестьян, за содержание которых платилось первые два года по 60 р.

План Лилиарда о создании фабрики для производства тонких полотен вскоре стал явно заслоняться планом о превращении фабрики в школу для обучения улучшенным способам тканья и пряжи. В 1800 г. возникла идея о новом преобравовании фабрики. Решено было расширить фабрику, увеличив число ткацких станов вдвое (120 вместо 60) и соответственно увеличить число учеников из удельных крестьян, с тем, чтобы ежегодно увольнять четвертую часть ткачей на родину, заменяя их новыми, а отпущенным давать работу в деревнях. Из 130 обученных уже прях думали оставить при фабрике только 30, а остальных расселить по деревням дабы там они готовили пряжу для фабрики и обучали пряже девочек своих селений. Расширение фабрики было вскоре приостановлено, но правило об ежегодной замене ткачей новыми стало, повидимому, применяться.

На содержание фабрики отпускалось в год 37.000 р. ассигнациями (10.500 р. серебром), и первоначально ожидали, что в скором времени большая часть этого расхода покроется работою учеников, так как каждый ученик мог быть переведен через два года на особый паек и окупать свое содержание работой. Но, в виду частой смены учеников и их малых успехов, этот расчет плохо оправдывался.

Число фабричных учеников и учениц обыкновенно превышало 200 человек. Работу они начинали в 6 ч. утра и, кончали в 8 ч. вечера, с перерывом на полчаса утром для завтрака, на два часа в полдень для обеда и на полчаса в 4 часа пополудни. Спать ложились в 10 часов вечера летом и в 9 ч. зимою. С питомцами Воспитательного Дома занимался особый учитель два раза в неделю по вечерам, и ежедневно обучал их закону божьему священник. Надзирали за учениками и ученицами мастера, подмастерья и мастерицы.

В 1799 году было приказано выписать для черной работы на фабрике двадцать рижских и ревельских удельных крестьян целыми семьями. Высылать следовало таких, которые не в состоянии нести государственные и удельные повинности. Рижский городской голова прислал только девять чел., да и то подбор их не соответствовал условиям, пред'явленным департаментом. На фабрике же было всего девять казенных рабочих (5 мужчин и 4 женщины), и приходилось нанимать рабочих, а за недостатком денег на полный комплект рабочей силы—употреблять на черные работы фабричных мастеровых, отчего страдала фабричная работа. Было

предписано в 1800 г. выслать из числа регельских крестьян, хотя бы 40—50 лет, только бы здоровых и к работе способных. Чтобы десятиновок на черноработных хватило, решено было содержать их, кроме попара и смотрительницы за коровами, натурою: пищею довольствовать с мастеровыми, положа ежегодно на человека по 30 р., а платье давать из аммуничных старых фабричных вещей, оставшихся от мастеровых „и способных по их черной работе к употреблению". Для ремонта старых вещей давать ежегодно по 1 р. на рубахи и по 15 р. на обувь, на зимнее время по 3 рубля на тулуп. Повару и смотрительнице платить 156 р. 24 к. Находящихся же на фабрике казенных работников и работниц было [illegible] жить на казенное содержание.

Когда в 1806 году поступили жалобы, что [illegible] воспитанников, казенных учеников и чернорабочих плохо [illegible] тамент распорядился отдать продовольствие в распоряжение [illegible] тем, чтобы он выбрал из числа воспитанников, казенных учеников и чернорабочих, с общего их согласия, верного и „в поведении известного" [illegible] на правах артельщика и выдавал ему деньги для закупки съестных припасов. 12 воспитанников и 10 казенных учеников выбрали двух артельщиков. Для прочих же, которые, по словам начальника фабрики, без особого присмотра не могут распоряжаться сами собою (19 малолетних учеников, 3 воспитанницы, один мальчик и две девушки по контрактам от госпиталя и др.) был назначен эконом.

Просматривая ведомости больных за 1806 г., часто встречаешься с глазными болезнями, что быть может, об'яснялось условиями работы. Есть один больной „гнилою, поднебесною костью" от наследственной генерической болезни. Есть больной чахоткой. Еще при первых наборах учеников из удельных крестьян были случаи смерти учениц от чахотки: 20-ти летняя Ирина Некрасова из Арханг. г. умерла после долговременной чахоточной болезни; 10 летняя девочка, присланная смоленской удельной экспедицией, приемная дочь в крестьянской семье, умерла через полгода после приезда в Петербург от той же „долговременной чахоточной болезни".

Когда отпускали учеников на побывку к родным, брали подписку о представлении отпущенных назад в срок. Оберегая нравственность учеников, требовали от местного удельного приказа свидетельства, что родственники отпускаемых воспитанников люди добропорядочные, никому никаких обид не причиняли.

С течением времени становилось все яснее, что коммерческая сторона фабрики поставлена плохо: в фабричной лавке скоплялся не проданный товар, который приходилось сбывать даже с убытком.

В то же время было очевидно, что и обучение ремеслу идет недостаточно успешно: когда в 1806 г. окончились сроки контрактов с голландскими мастерами и предстояло заменить их обученными учениками из удельных крестьян, то пригодных для этого людей не оказалось, и пришлось оставить дорого стоящих голландов. Что же касается воспитанников, то они, по достижении предельного возраста, старались получить службу на частных фабриках.

С 1807 г. фабрика стала сокращаться и в том же году было велено ее закрыть.

К тому времени на ней было 69 удельных крестьян ткачей, 14 питомцев Воспитательного Дома и 9 отданных в обучение помещичьих крестьян.

Воспитанников вернули в Воспитательный Дом, помещичьих крестьян—их владельцам, а из 69 удельных крестьян 31 уроженца Пско-

ской г. переселили на полотняную фабрику, возникшую в их крае, в селе Велье, а остальные отправлены на родину.

При всех своих слабых сторонах удельная полотняная фабрика все же обучила кое-кого ремеслу, и непосредственно и косвенно направляя обученных людей в сельские местности. Ее ранняя гибель была обусловлена тем, что она оказалось не коммерческим предприятием, дающим доход, а—учебно-воспитательным учреждением.

М. Островская.

Рабочие волнения в царствование Александра I.

По данным архива департамента полиции исполнительной министерства внутренних дел).

Окончание [1]).

В конце 1820 г. мастеровые фабрики Осокина вновь обратили на себя внимание [2]). Выслушав выговор министра финансов, они продолжали «те же буйства, неповиновение и отклонение от работ» и объявили через своих двух поверенных, что требуемой от них подписки в повиновении содержателю фабрики дать не согласны. Ревизовавшие Казанскую губернию сенаторы делали им со своей стороны внушения, но тоже безрезультатно. Осокин продолжал жаловаться, что рабочие не выполняют положенных им уроков и иногда по 150—200 человек не являются на работу. Мастеровые же настаивали на своей непринадлежности Осокину и жаловались на чрезмерность работы и низкую плату. Посетив фабрику, губернатор обнаружил отсутствие 143-х мастеровых, и собрав рабочих, убеждал дать подписку, обещая войти в рассмотрение дела. Но мастеровые «возмутительным образом кричали в несколько голосов, что они подписки не дадут, и продолжая буйство, требовали с азартом дачи им подорожной для отправления поверенных к государю». Губернатор выгребовал на фабрику шесть нижних чинов с унтер-офицером и поручил наблюдение за порядком особому полицейскому чиновнику с тем, чтобы «в случае неявки работников в положенное время наказывать их приличным образом по воле помещика». Однако и эта мера не произвела желаемого действия.

4 сентября мастеровые в количестве 100 человек явились на губернаторский двор, привезя с собой на телегах множество детей, старцев и старух, и в один голос жаловались на Осокина.

Губернатор, сообщив обо всем министрам финансов и внутр. дел, обращал их внимание на «тот возмутительный и буйственный дух, какой сыздавна возродился в мастеровых сих», и указал на необходимость принять скорые и решительные меры.

30 сентября сенат предписал губернатору обратить особенное внимание на тех людей, которые внушают мастеровым мысль о свободе и подстрекают их к беспорядкам, и главных зачинщиков отправить на иркутскую суконную фабрику. Одновременно было прислано новое положение о взаимных обязанностях содержателя фабрики и мастеровых, содержавшее некоторое повышение платы и сокращение уроков. Когда чиновники, ко-

[1]) См. „Архив истории труда в России", кн. 5-ая.

[2]) Дело № 24, 1820 г. „О неповиновении и буйстве мастеровых Казанской суконной фабрики Осокина".

мандированные губернатором, раз'яснили рабочим сущность новых мероприятий, фабричные проявили «вящее и гораздо сильнейшее прежнего упорство с неодолимым духом возмущения»: семеро «с грубостью об'явили», что считают все внушения обманом, «повторяя прежние свои отзывы о непринадлежности Осокину и ожидание разрешения на просьбу их, великому князю Михаилу Павловичу поданную; в дополнение же к сей дерзости своей скрали и прибитое в мастерских в копии последнее положение правительства о фабрике». Эти семеро мастеровых и еще трое, замеченные «в дерзости и развратном поведении», были отправлены на иркутскую суконную фабрику.

В марте 1822 г. крепостные заводские мастеровые и рабочие Каслинского завода, принадлежавшего купцу Расторгуеву, ушли в количестве 54 человек с завода и отправились в Екатеринбург, где заявили полицмейстеру, что они, получая самую незначительную плату, не обеспечены провиантом и находятся в самом бедственном положении. Терпя голод, они еще четыре года тому назад отправили ходоков к заводскому исправнику, но двое из них были наказаны палками и переведены на Кыштымский завод, а одного, наказав плетьми, увезли неизвестно куда. Справедливость жалобы на малую плату, не хватавшую на покупку одного сухого хлеба, была удостоверена берг-инспектором, который предписал Расторгуеву улучшить положение заводских людей и впредь до особого распоряжения выдавать им жалованье и провиант в таком количестве, как на казенных Гороблагодатских заводах.

Вскоре после этого с Кыштымского завода, принадлежавшего тому же Расторгуеву, отлучилось еще 102 человека, которые также явились с жалобами в Екатеринбург и отказались вернуться на завод. Берг-инспектор приказал впредь до особого распоряжения распределить их на гауптвахте [3]).

Комитет министров постановил: главных зачинщиков на Кыштымском заводе предать суду и поступить с ними по всей строгости законов, а остальных, ушедших в Екатеринбург, наказав по рассмотрению пермского губернского правления, водворить с семействами на казенных Богословских заводах. Губернское правление постановило наказать каждого 25 ударами палок. Для экзекуции на место происшествия прибыл заседатель земского суда и исправник с командой из 20 казаков и 10 рядовых. На площади перед заводской конторой по вызову выступили назначенные к переводу 98 человек, имея под полами чугунины и камни. Было приказано отделить замешавшихся среди них женщин, но мастеровые «с шумом и сквернословием сему воспротивились» и один из них, поверенный общества—Косолапов, «схватив со зверством заводского исправника за ворот, втащил его в толпу, из коей извлечен он был с трудностью». Когда же затем толпе об'явили указ о наказании, то все в исступлении закричали, чтобы всех наказали и отослали на Богословские заводы, и так как самый указ не печатный, бумага не обрезана, и золотых литер не видно, то и верить ему нельзя; при этом рабочие об'явили, что, если их станут наказывать и переводить, то они выжгут заводы, чем взволновали крестьян села Рождественского, принадлежавшего к тем же заводам.

Комитет министров предоставил министерству внутр. дел распорядиться об отправке на заводы воинской команды. Между тем заводские крестьяне в числе до 400 человек (2 января) ночью, явившись на площадь,

[3]) Архив д-та полиции исполн., дело № 33, 1822 г. „О возмущении мастеровых Кыштымского и Каслинского купца Расторгуева заводов".

требовали от членов земского суда удовлетворения их провиантом, говоря, что скоро к ним соберется со всех заводов и сел, принадлежащих Расторгуеву, до 8000 человек. Затем трое из мастеровых, задержав заводского исправника, приставили к нему караул; заседателя же толкали в грудь и спину, «от чего он сделался болен», а прочим членам суда заявили, чтобы они возвратились на свое место.

События продолжали развиваться: по сообщению берг-инспектора, мастеровые и крестьяне принадлежащих к заводам сел и деревень «учредили свои конторы и, расставя по всем дорогам караулы, [illegible] наглые свои поступки далее и что не только сами, но и жены [illegible] Шамахинского и Назепетровского, а равно и Уфалейского Гусевского [illegible] привлекают к себе в единомыслие, отбирая от них подписки, [illegible] за одно». Работы на заводах прекратились и брожение среды [illegible] населения разрасталось все шире. 24 января мастеровой Косолапов во [illegible] провождении большой толпы заявил земскому заседателю, что ему [illegible] о командировании войск, но если они откроют огонь по мастеровым, [illegible] последние ответят тем же, т. к. имеют вооружение, живые же в руки не [illegible] дадутся. Другие мастеровые арестовали заседателя земского суда, требуя от него указа горного правления о невыдаче им провианта до вступления в работу. На подкрепление возмущенным собирались деньги, которые направлялись Косолапову, руководителю движения. По его распоряжению были освобождены после трехдневного ареста советник пермского горного правления и подполковник кн. Уранов, с предоставлением им возможности выехать куда хотят.

Для усмирения волнения администрацией была затребована команда в составе 2400 нижних чинов при 33 офицерах. Постепенно под влиянием внушения администрации и строгих мер со стороны команды рабочие были усмирены; некоторые были наказаны на страх другим палками и розгами. Когда Косолапова стали заковывать, он сказал, что «кроме него есть еще люди, которые будут стоять за общество, и хотя его руки и ноги будут скованы, но язык его сковать никто не в силах, и что общество его не выдаст». Он вместе с четырьмя своими товарищами был отправлен в Екатеринбург для предания суду. Каков был приговор суда, из дела не видно: но по аналогии можно предположить, что их присудили к телесному наказанию и ссылке в каторжные работы.

В виду серьезности дела правительство решило обратить внимание и на администрацию заводов. Министерство финансов нашло, что Расторгуев, не заботясь о продовольствии рабочих и даже не выдавая им заработную плату, явился виновником побега в Екатеринбург 54 человек. Жалоба их была признана берг-инспектором справедливою и было сделано распоряжение об удовлетворении ее. В свое оправдание Расторгуев указывал, что он продолжал выдавать рабочим деньги, а не продовольствие с их же согласия, как это делалось и при прежнем владельце Демидове. Но было велено заводы отобрать у наследников Расторгуева (сам он в это время умер) и взять в казенное управление, с тем, чтобы, по устранении недочетов, вернуть их по принадлежности.

В июне 1822 г. мастеровые Гусевского завода, принадлежавшего Баташеву, в количестве более 500 человек отправились в г. Владимир. Встретив по дороге губернатора, они об'яснили ему, что получают плату за работу не в том размере, как следует, а только по семи копеек в сутки [4]), после чего спокойно возвратились домой, выслушав обещание

[4]) Дело № 24, 1822 г.—„О неповиновении мастеровых Гусевского г. Баташева завода".

губернатора принять необходимые меры. Однако, брожение продолжалось, причем зачинщики Абакумов и Никитин отлучились без разрешения с завода в город для подачи жалобы. Несколько позже с теми же жалобами на недостаточную плату рабочие других заводов Баташева явились в г. Касимов.

Командированные на место происшествия чиновники губернского и горного правлений выяснили, что заработная плата не уменьшилась, а большей частью даже увеличилась против той, какая платилась при управлении Петра Баташева. Мастеровые Никитин и Абакумов писали в жалобе, что они все вообще получают по 7 коп. в сутки, а после сами сознались, что они получали по 7 к. на душу; следствием же было установлено, что за каждый рабочий день Никитин получал по 1 р. 1/2 к., а Абакумовым по 95 3/4 к. Тот факт, что возмущение обнаружилось сразу на трех заводах, об'яснялся подстрекательством со стороны служителя Соколова, бывшего поверенного П. Баташева, устраненного от должности с преданием суду за неповиновение начальству.

10 августа среди мастеровых обнаружился ропот и намерение идти в Москву на выручку своих товарищей, отправленных на суд. Для предотвращения беспорядков на завод были командированы земский исправник, частный пристав и 50 рядовых. Однако, мастеровые об'явили, что когда они вздумают идти в Москву или далее, то никому не скажут и никакая команда их не удержит. Когда контора распорядилась отправить мастерового Сынтульского завода Клюева на допрос в меленковский уездный суд, то его товарищи заявили, что не дадут его отправить, и вскоре самовольно ушли толпой в 71 человек в Касимов, а затем в Рязань.

Мастеровые Гусевского завода, за исключением доменных мастеров и столяров, отказались дать требуемую подписку в повиновении. Когда же за это трое из них были взяты под стражу, остальные в количестве 500 человек явились к священнику и потребовали отслужить молебень, желая приложиться к кресту и евангелию, чтобы не выдавать друг друга. После отказа священника они, собравшись на улице и приложась к образу, пошли всей толпой из завода; многие на другой день вернулись, но 270 человек пошли во Владимир, где явились к губернатору и подали ему жалобу на недостаточность заработной платы.

Оставшиеся на месте мастеровые пошли толпой к горному чиновнику и заставили их освободить из-под стражи двух арестованных товарищей.

Из произведенного владимирским и рязанским губернаторами на месте расследования выяснилось, что жалобы на ухудшение материального положения мастеровых имели основание. Вследствие разногласия между многочисленными наследниками и управляющими дело на заводах стало расстраиваться, количество изделий уменьшаться, и за неимением работы мастеровые наряжались иногда на непривычные для них рубку дров и жжение угля, верст за 30 от их жилищ. Поэтому заработок их сократился вдвое против прежнего. Губернаторам удалось склонить мастеровых дать подписку в повиновении, после чего воинская команда была отозвана; 17 человек наиболее замеченных по своему возбужденному состоянию были преданы уездному суду. При этом местные власти сочли нужным указать, что если горные чиновники и заводоуправление будет своевременно выдавать плату, то нет основания ожидать в будущем возобновления беспорядков.

В том же году происходили волнения среди мастеровых Еремшинского и Мордушинского заводов (в Тамбовской губ.), принадлежавших тому же Баташеву, по случаю задержки в выдаче заработной платы. Когда на завод прибыл земский суд для допроса мастеровых, виновных в неповиновении начальству и подстрекательстве товарищей, то мастеровые,

оставив работу, явились к зданию суда и с грубостью требовали об'яснения, за что арестованы их товарищи. Дальнейшего развития, однако, волнения не получили, и мастеровые Еремшинского и Мордушинского заводов согласились дать подписку в повиновении без воздействия воинской команды.

Чем кончилось судебное разбирательство для арестованных мастеровых из дела не видно, но для наследников Баташева оно имело то последствие, что комитет министров, считая главнейшей причиной волнений расстройство в деятельности заводов, постановил принять меры к скорейшему разделу огромного наследственного имения.

В мае 1823 г. обнаружено было неповиновение среди рабочих на Сергинских заводах Губина. На основании указа 15 марта 1807 г. пермское горное правление определило, чтобы непременные работники означенных заводов, исключая малолетков, престарелых и слабых, вырубили каждый с 1 марта по 1 ноября по 36 куренных сажен дров, т. е. по 1¹/₂ саж. в неделю. В виду накопления за ними недоимок за прежние годы заводский исправник понуждал их выполнить лежащую на них повинность. Часть их обещала это сделать, другие же отозвались, что по 1¹/₂ саж. в неделю они выработать не в силах. Заводская контора вызвала 127 человек, за которыми значилась недоработка, на площадь, где они вновь подтвердили, что более одной сажени в неделю на человека они рубить не будут, что они от этой работы пришли в изнеможение и что указ горного правления, как не печатный, справедливым не признают. С помощью вызванной воинской команды в первых числах июня «мерами большей частью кроткими и полицейского исправления» порядок был восстановлен, и непременные работники приступили к работам [5].

В июне 1825 г. возникло волнение среди крепостных рабочих людей, занимавшихся вспомогательными горнозаводскими работами на Ревдинских заводах, принадлежавших Зеленцову [6]. Поводом для него послужило изменение меры короба, по которой производилась сдача угля.

Первоначально заводская администрация согласилась допустить в последнем году следующую меру короба: в длину 3¹/₂ арш. вверху и внизу—3 арш., в ширину 6 четвертей вверху и 3 четверти внизу, а вышиною 1¹/₂ арш. Когда же работы были закончены, то расчет с ними стал производиться по прежней мере, которая была на 2 вершка более в длину, на 3 вершка в ширину и на 3 в вышину.

Крестьяне послали тайно пятерых поверенных в Екатеринбург, чтобы выяснить истинную меру короба. Но когда затем среди них прошел слух об аресте и наказании ходоков, то они толпой в 550 человек отправились в город; по дороге рабочие были встречены внутренней стражей и часть их отстала; прочие же в числе свыше трехсот человек проследовали до города, где были отведены под караулом на монетный двор. Здесь с них была взята подписка о дальнейшем повиновении начальству, после чего их отпустили домой.

Горное правление подтвердило заводской конторе, чтобы угольный короб для принятия от углепоставщиков угля непременно был установлен точно такой меры, какая одобрена пермской казенной палатой в 1792 г., т. е. вышиною 1¹/₂ аршина, длиною—3¹/₂ аршина вверху и 3 арш. внизу, а шириною—1¹/₂ арш. вверху и 3 четверти внизу. Но когда указы эти были об'явлены крестьянам, они отказались признать их за настоящие,

[5]) Архив д-та полиции дело № 258, 1823 г.—„О неповиновении работников на заводах Губина".

[6]) Архив департамента полиции. Дело № 158 за 1825 г. „О возмущении мастеровых заводов: Ревдинского Зеленцова и Сысерского и Полевского Тургашинова".

так как они писаны не на гербовой бумаге. После этого работы по перевозке угля из куреней на завод производились ими самовольно маломерными коробами менее настоящего от четверти до трех осмин; когда же заводская контора пыталась произвести поверку, то они прогнали посланных. Так как зимний путь в том году долго не восстанавливался и заниматься перевозкой угля было невозможно, то заводская контора распорядилась нарядить их на рубку казенных дров; но 42 человека не явились на работу. 13 января 1826 г., собравшись у заводской плотины в числе более 150, крестьяне требовали расчета по своей мере. Горный начальник вызвал воинскую команду.

Известие о возмущении рабочих было доведено до сведения комитета министров и затем государя. Последний приказал пермскому губернатору отправиться на Ревдинский завод и обо всех обстоятельствах донести ему непосредственно.

Между тем министерство финансов (31 дек. 1825 г.) предписало, в виду перехода Ревдинского завода в казенное управление, придерживаться при наряде на работы тех правил, какие существовали на них при прежних содержателях, в расчете, что этим устранится то «недоумение, от которого настоящее происшествие получило свое начало». Но еще ранее углепоставщики заявили, что мера короба, установленная при прежних владельцах для них велика и они вывозить уголь по ней не могут. Впрочем многие из них «раскаялись», некоторые же продолжали настаивать на своем, вследствие чего пятеро зачинщиков были отправлены в Екатеринбург.

В апреле 1826 г. гражд. губернатор донес, что из 586 неповиновавшихся рабочих, осталось только 28, которые не представили еще подписки о согласии на возку угля по старой мере.

С своей стороны комитет министров предписал пермскому горному правлению от времени до времени посылать особых чиновников на завод для обревизования действий заводской конторы.

К. Пажитнов.

Несколько слов о художественном труде.

Среди людей, наблюдающих достижения изобразительного искусства со стороны и не посвященных в технические тайны художественного творчества, очень распространено мнение, что работа художника больше похожа на развлечение, чем на физический труд, и что конечные результаты этой работы обусловлены не столько усилиями мастера, сколько вдохновением и талантом. Немногие знают о той трудной и сложной черновой работе, на которую обрекает художника преследующее "вдохновение". Как бы ни были сильны импульсы духовного порядка, его обрывающие, никакое художественное произведение не мыслимо без затраты чисто физического труда, всегда поглощающего много времени и энергии, а порою требующего и значительного мускульного напряжения.

Вопрос *о ремесленной, технической стороне искусства*, представляющий исключительный интерес для выяснения условий художественного творчества до сих пор не разработан и за недостатком материала еще не может быть вполне освещен. Мы не задаемся целью в беглом очерке исследовать методы и формы художественного труда, но надеемся хотя бы отчасти приблизить читателя к их пониманию.

Элемент воли, присутствующий в каждой работе, приобретает в творчестве живописца, гравера или скульптора особенное значение. Без упорного влечения к заранее поставленной цели невозможно никакое завоевание в области искусства. Покорное, механическое исполнение известного плана не мыслимо для прирожденного творца. Вся его воля направлена на преодоление горы предуказанных, а чаще неожиданных преград.

Мастерство художника есть ничто иное, как умение преодолевать бесчисленные трудности изображения видимого мира или внутренних переживаний. Оно сводится к способности то обобщать, то расчленять бесконечно разнообразие красочных и линейных явлений. Для того, чтобы развить в себе эту способность, художник затрачивает долгие годы труда, упражняясь в рисунке, постепенно завоевывая формы, колорит и пр.

На создание большой и сложной по композиции картины живописцу приходится затрачивать не один год. Трудно хотя бы приблизительно установить время, необходимое художнику для осуществления определенного замысла: оно зависит большею частью от внутренних причин, от подъема первой энергии и т. п. Известны случаи, когда художники трудились по несколько лет непрерывно, покидая работу только на 2-3 часа для сна и питаясь урывками, случайно, чем придется.

Замысел и исполнение идут в жизни художника рука об руку, и чем теснее их содружество, тем плодотворнее их деятельность.

"Рабочий день такого человека, как Мантенья или Павел Веронез" говорит Джон Рескин ("Искусство и действительность"),—"заключался в беспрерывном, последовательном ряде движений руки, более верных, чем движения самого искусного фехтовальщика. Карандаш не только проводит с безошибочной точностью прямую линию от одной точки до другой, но с такой же точностью проводит линию изогнутую и ломаную иногда на пространстве фута и более; уверенность движений доходит до того, что художник может, как это часто делал Веронез, без запинки одной линией начертить вполне законченный профиль, или другую часть контура головы, и рисунок не потребует дальнейших изменений. Попробуйте, прежде всего, представить себе, какая точность мускульного движения, какое духовное напряжение нужно для подобной работы; точность движения фехтовальщика достигается упражнением в однообразном их повторении, но рука художника каждую минуту подчиняется непосредственному замыслу. Далее, представьте себе целый день работы, требующей тонкости и твердости мускульных движений, постоянного напряжения ума в мгновенном выборе и упорядочении материала и при всем том художник не только не утомляется, а, очевидно, радуется работе, как радуется орел, махая крыльями. Так проходит не один день, а целая жизнь, долгая жизнь и силы его не только не убывают, а видимо прибавляются, пока не наступят в нем чисто органические изменения старости".

Все великие мастера проходили последовательный курс посвящения в тайны искусства. Биограф Боттичелли, Эмиль Жебар, рассказывает, что великий Сандро в течение шести лет изучал приготовление красок и грунтовку холстов, следующие шесть лет непрерывно учился рисунку, наконец, был допущен к писанию фресок и драпировок, фонов, деревьев и цветов и только после этого искуса признан художником, маэстро. Зато по истечении длительной подготовки художник легко преодолевает трудности техники. Процесс работы, естественно, ускоряется.

Профессор Ябах утверждает, что, напр., Ван-Дейк принимался одновременно за несколько портретов и создавал их в один день. Декамп рассказывает о Ван-Дейке, что он начинал писать голову модели утром, затем оставлял позирующую ему особу у себя обедать и после обеда заканчивал портрет полностью.

Тем не менее, и он не пренебрегал эскизами. Что же касается авторов больших композиций, то для них подготовка эскизов является обязательной.

Тургенев, в своих воспоминаниях об Александре Иванове упоминает о том, что "Иванов тридцать раз слишком списал голову Аполлона Бельведерского и открытую им в Палермо голову византийского Христа и, постепенно их сближая, добился, наконец, своего Иоанна Крестителя". Количество подготовительных этюдов, исполненных Ивановым для картины "Явление Христа народу" (Румянцовский музей, этюды там же и в Русском Музее) свидетельствуют о колоссальной работе, им проделанной.

Особый труд, занимающий не мало времени, уделяют некоторые художники изучению характера модели. Например, Серов, прежде чем начать портрет А. Н. Турчанинова, долго наблюдая его во время работы, ездил вместе с ним в сенат, где слушал доклады Турчанинова, заставлял его разговаривать на определенные

гемы, смеяться, хмуриться и т. д. И только накопив достаточный материал, Серов приступил к композиции этого портрета, "литературное" содержание которого он обозначил названием "дело окончено миром" (на лице Турчанинова довольная улыбка).

Искусство не было для Серова легким и радостным занятием, в нем есть элемент трагизма, роднящий его с искательством Врубеля. Его работа была [illegible] и неровна, он заставлял себе позировать почти до *ста* сеансов. А. П. Турчанинов и Г. Л. Гиршман позировали ему более 90 раз, кн. Орлова — 80 [illegible]. Портрет М. Ф. Якунчиковой он писал несколько лет, переделывая много раз [illegible] работу, счищая холст и снова принимаясь за дело. Вечная неудовлетворенность собою часто заставляла его сжигать и рвать свои работы (случайно сохранился ряд предназначенных к уничтожению рисунков Серова и разорванный им эскиз портрета Гиршман).

А. П. Рябушкин, готовясь к картине "Снятие с креста", исполнил бесчисленное множество эскизов, которые часто бросал в печку или рвал, не удовлетворяясь ими [1]). Чтобы изучить лица горюющих людей, он посещал Смоленское кладбище, где наблюдал во время похорон родственников умерших. В его мастерской (как в свое время у Крамского и Ге) нередко висел на кресте натурщик.

С таким же упорством, как Серов и Рябушкин, работал и Врубель, относившийся к себе с беспощадной строгостью: "тысячу раз не выходит, а тысячу первый выйдет"—говорил он [2]).

Каких-либо общих условий и правил подготовительной, черновой художественной работы не существует. Некоторые живописцы, например, Левитан, писали по впечатлению, на память. Левитан мог все виденное им в любой момент с удивительной верностью восстановить в своей памяти и перенести на бумагу или холст, так что многие сделанные им наброски кажутся настоящими этюдами с натуры [3]). Иногда Левитан в несколько часов заканчивал целую картину. Например, пейзаж "После дождя" (Третьяковская галлерея) написан в течение всего пяти часов. С такою же скоростью исполнены некоторые портреты А. Я. Голованова, например "Шаляпин в роли Мефистофеля", написанный в одну ночь.

Однако, большинство художников избегают работать [illegible] часах.

В самом деле, поиски формы и колорита требуют долгой, внимательной и терпеливой работы.

Взыскательные мастера, например, И. Н. Чистяков (учитель Врубеля, Серова и мн. др.) не допускали ни малейшей приблизительности в рисунке. Когда знаменитый В. Д. Поленов, достигший уже европейской славы, вернувшись из Франции, навестил Чистякова, последний спросил его в разговоре мимоходом: "Время у вас есть? Вот не угодно ли порисовать ушко?" И поставил перед ним гипсовое ухо, которое рисуют начинающие ученики Академии [4]). Поленов принялся покорно рисовать ухо. Казалось бы, что стоило выдающемуся мастеру изобразить такой пустяк? Но Чистяков был безгранично требователен и, зная это, Поленов решил

[illegible]

1) См. А. Воскресенский. «Рябушкин» (изд. И. М. Бутковской. 1911 г.)

2) С. Яремич. «М. А. Врубель. Жизнь и творчество» (изд. Кнебель 1911 г.)

3) С. Глаголь и Н. Грабарь. И. И. Левитан. Жизнь и творчество (изд. Кнебель. М.).

4) Передаю рассказ А. Я. Голованова.

добиться предельного совершенства. Гипсовую модель уха он рисовал ни больше, ни меньше, как *неделю*. Чистяков обычно стоял за его стулом и "корректировал". "Ну, что ж, недурно, совсем не дурно"...—снисходительно сказал он Поленову по окончании незамысловатой, но, поистине "стинетской" работы.

Не лишен интереса вопрос о производительности художественного труда. Производительность находится отчасти в зависимости от материальных условий и от долголетия данного художника. Тициан продолжал работать, будучи 90-летним стариком. В наше время Репин, которому идет девятый десяток лет, продолжает доныне неутомимо работать. В значительной мере определяется она степенью самокритики, работоспособностью и темпераментом мастера. Укажем для примера, что Айвазовским было написано более 4000 картин, тогда как Боровиковский оставил не более 180—200 произведений.

Размер картин играет не последнюю роль в количественном отношении, (это не относится к миниатюре, поглощающей много времени в виду тонкости и кропотливости техники). В наш век никто не пишет огромных холстов, вроде "Медного змия" Брюни и "Последнего дня Помпеи" Брюллова. Возник особый "*камерный*" *стиль*,—художники пишут чаще всего небольшие, интимные картины, а иногда замыкаются в области рисунка и графики. Неудивительно, что такие продуктивные графики, как Чехонин, Добужинский, Митрохин, насчитывают свои произведения многими сотнями, если не тысячами.

Книжная графика, столь популярная в наши дни, требует также немалой технической подготовки. Покойный Нарбут в начале своей деятельности целыми часами упражнялся в вытягивании бесконечных линий (пером), с целью выработать тонкий, сильный и ровный штрих.

Сложная обложка, иллюстрация и даже "беспредметная" виньетка требуют от графика многих часов напряженного, усидчивого труда: работа эта нередко болезненно отражается на зрении, утомляя глазные нервы до головной боли.

В области прикладного искусства труд художника не менее сложен, чем в чистой живописи. Достаточно указать на огромную, чисто физическую работу исполняемую художниками - декораторами. Многие из них не ограничиваются эскизами, предоставляя другим писать декорации, а исполняют сами работу "почти" маляров. О Константине Коровине рассказывают, что расписывая огромные декорации, он опрокидывал целое ведро краски на лежащий холст и растирал ее ногами. На Всемирной выставке в Париже 1900 г. А. Головин, не доверяя малярам французам, собственноручно красил крышу русского павильона.

При росписи церквей Васнецов, Нестеров, Врубель и др. художники нередко забирались на леса под самый купол.

Труд скульптора неизбежно связан с значительным физическим напряжением, если мастер стремится к монументальным формам. Лепка из глины требует не малых усилий, в особенности—гибких и решительных движений пальцев. Высекая статую из мрамора или вырубая ее из дерева, скульптор затрачивает труд не меньший, чем труд каменщика или плотника. Для того, кто видел, как высекает скульптор мраморные статуи или рубит деревянные фигуры, ясно, как много значит в процессе художественной работы то, что принято называть "грубой физической силой".

Работа гравера требует исключительного упорства и терпения, она достигает иногда огромного масштаба в смысле производительности. Напр. известно более 2000 офортов, аквантинт и литографий Фелисьена Ропса. Граверы резцом не могут, конечно, достигнуть, такой производительности; их работа гораздо кропотливее. Тем не менее, гравер К. Афанасьев исполнил 448 гравюр резцом и пунктиром. С. Галактионов оставил свыше 200 гравюр, Е. Скотников также свыше 200, [illegible] более 230, А. Ухтомский около 190. Современный гравер П. П. [illegible] около 3000 гравюр на дереве, линолеуме и т. п. Наибольшей [illegible] затраты времени и физических усилий требует гравюра резцом [illegible] стали. Достаточно указать для примера, что Пожалостин работал [illegible] картины А. Иванова "Явление Христа народу" более 15 лет ([illegible] в 1892 г. граверного класса Академии Художеств. эта работа [illegible] ченной). Большинство капитальных резцовых гравюр являются плодом многолетней работы. Медлительность и трудность резцовой техники и были причиною того, что этот вид гравюры окончательно вымер в конце прошлого века. В настоящее время наибольшей популярностью пользуются офорт, гравюра на дереве и особенно гравюра на линолеуме, благодаря простоте ее техники. К сожалению, граверное искусство бессильно конкурировать с фотомеханическими способами репродукции, которые имеют большое преимущество в смысле скорости и дешевизны, но лишены того художественного значения, какое присуще гравюре.

Процесс художественного творчества столь же разнообразен, как разнообразно само искусство.

Обзор общих условий и характерных особенностей различных отраслей художественного труда еще не достаточен для того, чтобы построить в этом направлении теорию метода. Более того, сомнительно, чтобы такая теория была применима к искусству. Ведь всякое искусство по своей природе бессистемно, алогично, противоречиво и непостоянно. Формальный анализ бессилен разрешить вопросы искусства, неподдающиеся рассудочному анализу.

Отвергая критическое резонерство, посягающее на [illegible] святых художественного творчества, можно утверждать лишь одно: труд художника есть высокое *ремесло*, требующее неустанного подвижничества.

Э. Голлербах.

Содержание кн. 9.

	стр.
1. Первые конференции и с'езды профессиональных союзов (1905—1907 гг.). В. Святловскаго	3— 13
2. Рабочий в свете статистики (сводные данные о росте промышл. пролетариата в годы вейны и революции преимущественно в Петрограде). М. Солодниковой . . .	14— 41
3. К выяснению причин крестьянских волнений в Николаевскую эпоху. Елены Коц	42— 53
4. Рабочие на Обуховском сталелитейном заводе. Макса Гордона	54— 76
5. Экономическое положение рабочих металлистов до 1905 года Ф. Семенова-Булкина	77— 98
6. Преддверье аграрной революции 1905 г. (опыт характеристики крестьянского движения 1902 года) И. Цызырева	99 124
7. Историческая справка о положении рабочих на Охтенском пороховом заводе. В. Катин-Ярцева.	125—132
8. Из жизни рабочих и служащих на гор. жел. дорогах Петрограда (Очерк второй). Макса Гордона	133—146
9. Ученики на петербургской полотняной фабрике. М. Островской.	147- 152
10. Рабочие волнения в царствование Александра I (Окончание). К. Пажитнова.	153—158
11. Несколько слов о художественном труде. Э. Голлербаха	159—163

—□ □ □—

Содержание «Архива истории труда в России».

Книга первая.

1. Задачи и деятельность Ученой комиссии по исследованию истории труда в России. Юл. Гессена.
2. История труда и ее значение. Е. Тарле.
3. Вопросы истории русской промышленности и промышл. труда (… время), постановка их в нашей историч. литературе. П. М. К…
4. Судьбы крестьянства в русской историографии и задачи их изучения. А. Преснякова.
5. Принудительное обращение помещичьих крестьян в горнозаводские ра… бочие (из истории крестьянских волнений). Юл. Гессена.
6. Судьба указа о свободных хлебопашцах в царствование Александра I. В. Бирюковича.
7. „Первое мая" в России. В. Колпенского.
8. Волнения среди фабр.-зав. рабочих (1824 г.—1860 г.). К. Пажитнова.
9. Материалы для истории рабочих на горных заводах. А. Шебалова
10. Против забастовок на заводах морского ведомства. Сообщ. А. Блек.
11. Из практики предварительного обследования заводских архивов (архивы Обуховского и Балтийского заводов). Ал. Блека.
12. О состоянии некоторых фабрично-заводских архивов в Петрограде.
13. Эпизод из хозяйств. жизни крепостной вотчины 19 века. Б. Романова.
14. К сведению и руководству сотрудников Ученой комиссии.

Книга вторая.

1. На московско-новгородской парусной фабрике. Марии Мурзановой.
2. Жизнь рабочих на кренгольмской мануфактуре С. Фарфоровского.
3. Был ли первоначально русский север крестьянским? С. Платонова.
4. Продолжительность рабочего времени в горнозаводской промышленности при крепостном праве. К. Пажитнова.
5. Бурлаки в первой половине 19-го века. Юл. Гессена.
6. Фабрично-заводск. волнения и фабр. законодательство. В. Колпенского.
7. Морозовская стачка 1885 года. Р. Кантора.
8. Устройство быта свободных хлебопашцев. В. Бирюковича.
9. Условия труда на петербургских заводах по данным 1901 г. Ал. Блека.
10. Из истории производств в С.-Петербурге за 18-й век и первую четверть 19-го века. П. Столпянского.
11. Цехи „вольных матросов" в Новор. крае в 1830—53 г.г. А. Путилова.
12. Первые шаги легализованного професс. движения в России Р. Кантора.
13. Из оффициальной записки о крестьянских беспорядках в 80-х годах 19-го века. Сообщил В. Колпенский.
14. Пилиппоны или крестьяне-старообрядцы. Н. Мурзанова.
15. Волнения среди фабр.-зав. рабочих (1824 г. —1860 г.). К. Пажитнова.
16. Крестьяне-самоучки. Наталии Платоновой.
17. Факты и цифры. Заметки архивистов. Движение среди петербургских рабочих в 1901 г.—Об оставлении рабочими работ на фаорике в Вышнем-Волочке.—К вопросу об освобождении беглых бродяг от крепостной работы. К статистике горнозаводских рабочих (1828 г.).—Бритье помещиками полголовы крестьянам для пресечения самовольных отлучек (1844 г.).—Стоимость наемного труда на полевых работах по данным 1871 г.
18. Сообщения Ученой комиссии.

Книга третья.

1. Первая годовщина.
2. Заработная плата в горнозав. промышленности при крепостном праве. К. Пажитнова.
3. О времени и мерах прикрепления крестьян к земле в Московской Руси. С. Платонова.
4. Быт крестьян на частных горных заводах и рудниках в Оренбургском крае (накануне освобождения от креп. зависимости). Л. Айзенберга.
5. К истории стачек среди фабричных рабочих. Ю. Гессена.
6. Заметки по истории труда на Руси 16—17 века I. Транспортные. рабочие-водники.—II. Строгановские иконники. А. Введенского.
7. Жандармерия и первые рабочие стачки. Р. Кантора.
8. Выборы в комиссию сенатора Шидловского (1905 г.). В. Невского.
9. Женский труд в почтово-телеграфном деле. А. Путилова.
10. К вопросу о рабочем дне при крепостном праве. К. Пажитнова.
11. Крестьяне Демидовского лицея. Т. Шатиловой.
12. Холерный бунт 1892 г. В. Колпенского.
13. Картины из крепостного быта. П. Аргунова.
14. Рабочие на постройке Петерб.-Московской жел. дороги. Д. Каргина.
15. „Разных художеств мастеровые люди". П. Садикова.
16. Запасные хлебные магазины. Н. Мурзанова.
17. Некоторые данные о фабриках в 1767 году. М. Цвибака.
18. Материалы для статистики: Численность государственных и заводских крестьян по девятой ревизии.—Стоимость наемного труда на полевых работах в 1871 г.—Фабрично-заводские предприятия в помещичьих имениях (1861 г.).
19. Факты и цифры. Заметки архивистов. Борьба с распространением газет в деревнях.—Об усилении мер наказания по преступлениям крепостных против помещиков.—Цехи в Москве по данным 1856 г.—Запрещение праздновать первое мая.
20. Итог годовой работы по составлению архивного каталога.

Книга четвертая.

1. Попытка регламентировать труд в нашей кустарной промышленности И. Кулишера.
2. Закрепощение в императорской России. А. Преснякова.
3. Положение рабочих в горнозав. промышленности при крепостном праве. К. Пажитнова.
4. Из истории касс и обществ взаимопомощи рабочих. В. Святловского.
5. К истории ремесленного труда в древней Руси. Вл. Юл. Гессена.
6. Крестьяне на частных горных заводах в Оренбургском крае (по освобождении от крепостной зависимости). Л. Айзенберга.
7. Рабочие на Ленских золотых приисках. Ал. Блека.
8. Требования рабочих Балтийского и других морских заводов в январские дни 1905 года. А. Львовича.
9. Вопросы труда в иностранной литературе. Я. Канторовича.
10. Из вотчинных архивов. А. Путилова.
11. Значение труда старообрядцев в развитии промыслов. В. Дружинина.
12. Условия быта промысл. рабочих Росс-Амер. Компании. П. Г. Васенко
13. Сельская школа накануне крест. реформы. В. Колпенского.
14. Из жизни приходских учителей. Ю. Михайловой.
15. Рабочие из „шатающихся" людей на Шлисс. фабрике. А. Шебунина.
16. К вопросу о рекрутском наборе дворовых и деловых людей. П. Садикова.
17. Златоустовская забастовка. И. Бендера.
18. Заметки архивистов: Таежная трагедия. — Несколько слов о самоедах. — Привилегированное положение охтенских ремесленников.—К истории празднования первого мая. — Справка о частных горных заводах

Книга пятая.

1. Побеги помещичьих крестьян в николаевскую эпоху. Елены Коц.
2. Условия труда рабочих при постройке С.-Петербурго-Московской жел. дороги. Д. Каргина.
3. Сельская школа после крестьянской реформы. В. Колпенского.
4. Рабочие на Ленских золотых приисках. (Продолжение). А. Блека.
5. Очерки истории труда в России Н. Рожкова.
6. Военно-судные комиссии для рабочих на золотых приисках Юл. Гессена.
7. Уничтожение половничества в девятнадцатом столетии. Таисии Шатиловой.
8. К истории ремесленного труда в древней Руси (10—15 в.в.). (Продолжение). Вл. Юл. Гессена.
9. Рабочая дисциплина на фабриках и заводах при крепостном праве. К. Пажитнова.
10. Рабочие волнения в царствование Александра I. К. Пажитнова.
11. К закрытию Нижнеисетского завода. А. Шебалова.
12. Материалы для истории стачек в начале 70-х годов 19-го века. И. Сидорова.
13. К характеристике экономического положения рабочего элемента в Иваново-Вознесенске (1871 г.). Р. Кантора.
14. Из стачечного движения на Кавказе в 1903 г. И. Бендера.
15. Заметки архивистов: Резчик печатей Мейер Айзенштат и Николай I.— Рабочие из беглых крестьян и беспаспортных.—Труд ссыльных в Сибири

Книга 6—7-ая.

1. Несколько слов об арестантском труде. Елены Коц.
2. Заметки по истори труда на Руси 16—17 вв. Наемные рабочие в крест. хозяйстве. Наемный труд в крупном хозяйстве. Андрея Введенского.
3. Очерки истории труда в России. (Продолжение). Н. Рожкова.
4. Рабочие на Топальской мануфактуре в 1771 году. Александра Оглоблина.
5. Труд иноземцев в Московском государстве. Инны Любименко.
6. Крестьяне Восточной Сибири во вторую половину 17-го века. Анны Пруссак.
7. Рабочие Экспедиции заготовления гос. бумаг в первую половину 19 века. С. Вознесенского.
8. Народное продовольствие в 1812 году. З. Матковской.
9. К истории борьбы по вопросу о продаже крестьян без земли. А. Шебунина.
10. Условия труда и быт рабочих на госуд. фарфоровом заводе. Э. Голлербаха.
11. К трагедии горнозаводских крестьян в Оренбургском крае. Л. Айзенберга.
12. Рабочие на постройке Уссурийских и Амурской жел. дорог и участие каторжан в работах. П. Васенко.
13. Землепользование новгородских дворцовых крестьян в 17 веке. М. Островской.
14. Возмущение рабочих Ревдинского завода в 1841 году. К. А. Пажитнова.
15. Сельская школа после крестьянской реформы. В. В. Колпенского.
16. К стачечному движению на юге России в 1903 году. И. Бендера.
17. Статистика забастовок за январь 1917 года. Р. Кантора.
18. К истории крестьянских беспорядков в 1905 году. А. В. Шебалова.
19. О судьбе некоторых архивных материалов по истории крепостного хозяйства. А. Большакова.

Книга восьмая.

1. Строительные рабочие в московском государстве. А. Пруссак.
2. Очерк истории труда в России. (Продолжение). Н. А. Рожкова.
3. Как жилось рабочим на постройке Волжско-Донской жел. дороги в 1859 и 1860 г. Л. Айзенберга.
4. Основы социальной организации педагогического труда в 18—19 веках. С. В. Рождественского.
5. Государственное земледелие на южной окраине Московского государства в 17 веке. С. Тхоржевского.
6. Из жизни рабочих и служащих на городских железных дорогах Петрограда. Макса Гордона.
7. К истории борьбы по вопросу о продаже крестьян без земли. (Окончание). А. Шебунина.
8. Работные люди в свете депутатских наказов 1767 г. Т. Шатиловой.
9. Крестьяне крепостной деревни московского промышленного района во второй половине 18 века. С. И. Архангельского.
10. Стачечная борьба рабочих (в 1870—1917 г.). С. Вознесенского.
11. К истории ремесленного труда в древней Руси. (Окончание). Вл. Юл. Гессена.
12. Положение рабочих на постройках Гл. Общества Российских железных дорог. Д. Каргина.
13. Медико-санитарные условия на постройке Петербургско-Московской жел. дороги. П. Вакса.

Книги журнала «**АРХИВ ИСТОРИИ ТРУДА В РОССИИ**» продаются во всех книжных магазинах.

Склад издания: Культурно-просветительный отдел Петроградского совета профессиональных союзов.

Петроград, Бульвар Профессиональных Союзов, Дворец Труда.